

U $\frac{375}{367}$

У $\frac{375}{367}$

ЦАРСТВОВАНИЕ

ЮАННА ГРОЗНАГО.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО)

Н. А. ПОЛЕВАГО.

XX-7969

БЕРЛИНЪ. 1859.

FERDINAND SCHNEIDER.

BEHREN-STRASSE 12.

6084-AA

2007059071

Когда опала постигла знатнѣйшихъ друзей Адашева, и вмѣстѣ съ ними всѣхъ, кто только былъ приверженъ къ нему, былъ ему въ родствѣ, и когда Сильвестръ, забывая земное, возносилъ молитву къ Богу, въ келіи отдаленнаго монастыря, — Царь хотѣлъ не только согласія, но и одобренія новому порядку дѣлъ и жизни своей. И видѣлъ одобреніе: съ радостными лицами явились къ нему новые любимцы и извѣстили его о смерти бывшаго правителя государства, словами: „Радуйся, великій государь! твой злодѣй и измѣнникъ Алексѣй Адашевъ принялъ отраву и почилъ поносною смертію.“ — Можетъ быть, за шумною, буйною бесѣдою возвѣстили о томъ Царю. Мрачно глядѣлъ онъ послѣ сего на тѣхъ, кто являлся къ нему съ печальнымъ лицомъ, и губительныя думы мрачили чело его среди веселья и торжества надъ ухищреніями мнимыхъ враговъ и измѣнниковъ.

Желая разгадать переходы нрава, испытанные Иоанномъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, стараясь объяснить себѣ слѣдовавшее затѣмъ, не должно-ли предположить, что сильныя страсти, долго таимыя, прежде всего лишили Иоанна вѣры въ добродѣтель людей? Горе тому, кто утратитъ сію святую, утѣшительную вѣру. Его собственная добротѣтель сдѣлается холоднымъ расчетомъ ума, и люди отъ него, онъ отъ людей отдѣлятся бездною своекорыстія. Онъ увидитъ въ другихъ только орудія своей выгоды, самъ подозрѣвая ихъ въ мысли, что они въ немъ видятъ такое-же своекорыстное орудіе. Чувство презрѣнія къ людямъ, если человѣкъ саномъ и призваніемъ поставленъ выше другихъ, чувство гордости, если счастье льститъ ему въ величїи, мысль высокомерная, что ему позволено то, чего нельзя допустить другимъ и наконецъ, своевольство страстей, — таковы будутъ бѣдственные переходы человѣка. Ими перешелъ Иоаннъ отъ прежняго добраго направленія своего къ направленію на зло и погибель.

Онъ могъ гордиться, видя силу, могущество Россїи, успѣхи по всюду. И мы видѣли, какъ постепенно переходилъ онъ отъ христіанскаго смиренія къ непомерной гордости. Преобладаемый симъ чувствомъ, онъ увѣрился наконецъ, что въ

немъ одномъ было основаніе силы и величія Рос-
сіи. Не довѣряя добродѣтели бывшихъ любимцевъ
своихъ, онъ долженъ былъ отвергнуть ихъ, от-
вергнувъ возненавидѣть, — чувство ненависти при-
вело его къ чувству мести за свое прежнее, оскор-
бительное для него, повиновеніе имъ. Тогда сдѣ-
лался онъ доступенъ тѣмъ людямъ, которые раб-
ствовали передъ его волею, передъ его умомъ, ста-
вили его выше себя, гордились рабскимъ повино-
веніемъ ему, и только такимъ людямъ сдѣлался
онъ доступенъ; противорѣчившій ему, державшій
не одобрять его дѣлъ и словъ, былъ ему ненави-
стенъ — казался врагомъ его.

Не должно думать, чтобы люди окружавшіе
Іоанна послѣ Адашева, были ничтожны, не отли-
чены свойствами блестящими. Кромѣ немногихъ,
кого увлекъ Адашевъ въ своемъ паденіи, на сто-
ронѣ Царя стали весь дворъ его, все духо-
венство, митрополитъ, Захарьины: по
крайней мѣрѣ они безмолвствовали, слѣдственно со-
глашались, и никто изъ нихъ не дерзалъ пред-
стать передъ Царя съ словомъ истины. Но дру-
гіе пошли далѣе; громко изъявляли Царю свое со-
гласіе во всѣхъ дѣлахъ его, славили его изба-
вленіе отъ постыднаго раболѣпства измѣнникамъ.
И сіи льстецы также принадлежали къ числу лю-

дей доблестныхъ: храбрый бояринъ Алексѣй Басмановъ, сынъ его Θεодоръ, Князь Ана-насій Вяземскій, Малюта Скуратовъ — Бѣльскій, родственникъ его Богданъ Бѣльскій, ихъ друзья и родня, многія духовныя особы. Они сдѣлались участниками и дѣль и забавъ Царя, бывшаго еще въ цвѣтѣ лѣтъ и предавшагося ро-скоши, нѣгѣ, сладострастію. За ними въ бесѣды царскія осмѣливались вступить и ничтожные, пре-зрѣнные нахлѣбники, шуты, скоморохи, хотя так-же знатные по своей породѣ; они были необходи-мы: надобны были люди, надъ которыми можно-бъ было глумиться и посдмѣваться, люди, которые за милость царскую предавали бы себя посмѣшицу и позору.

Вскорѣ Іоанну показалось недостаточно уни-чтоженіе двухъ главныхъ враговъ своихъ и опалы ихъ ближнихъ и друзей. Самая печаль объ нихъ сдѣлалась преступленіемъ. Не знаемъ, въ чемъ обвинили и даже судили-ль людей, которыхъ Іо-аннъ обрекъ тогда на смерть. Число жертвъ было не велико, но ужасало тѣмъ, что на погибель обре-чены были цѣлыя семейства.)

И первый погибъ мужественный братъ Але-ксѣя, Даніилъ Адашевъ съ отрокомъ сыномъ своимъ, потомъ казнили Петра Турова, тестя

Данилова, трехъ братьевъ Сатиныхъ, Алексѣй Адашевъ былъ шуринъ ихъ, Ивана Шишкина съ женою и дѣтьми, — онъ былъ родственникъ Адашевыхъ. Какая-то знатная литвянка Магдалина жила тогда въ Москвѣ, принявъ православную вѣру и отличаясь благочестіемъ; Царю сказали что она чародѣйка и любить Адашевыхъ; ее умертвили съ дѣтьми и родными.

Человѣкъ издавна ненавистный Іоанну князь Дмитрій Курлятевъ былъ пощажень, но его осудили на удаленіе отъ свѣта. Со слезами видѣли Москвитяне неслыханное зрѣлище: Курлятева, жену его и дѣтей, плачущихъ горестно, постригли въ монашество, потомъ разослали по отдаленнымъ монастырямъ. Князь Юрій Кашикъ, бывшій нѣкогда посломъ въ Крыму, услышалъ о своемъ осужденіи и спѣшилъ укрыться въ церковь; палачи догнали его на крыльцѣ церковномъ и умертвили.

Наступила чередъ слуги государева, знаменитаго князя Михаила Воротынскаго. Подъ крѣпкою стражею, съ сыномъ и дочерью, послали его въ заточеніе на Бѣлоозеро, опредѣливъ имъ бѣдное жалованье.

Но не только друзья Адашевыхъ подвергались гнѣву Царя. Сынъ Θεодора Оболенскаго, племян-

никъ славнаго Ивана Ѳедоровича, осмѣлился укорить въ развратѣ любимца Іоаннова, Васманова, и былъ удушенъ. Князь Михаилъ Рѣпникъ находился однажды на царскомъ пирѣ и, видя Іоанна въ маскѣ пляшущаго съ шутами, заплакалъ. Царь разгнѣвался, спросилъ о причинѣ. „Государь! твоя потѣха не достойна Царя!“ отвѣчалъ ему Рѣпникъ.— „Измѣнникъ, пляши съ нами!“ воскликнулъ Царь, подавая маску дерзкому царедворцу. „Не хочу, государь“ — отвѣчалъ Рѣпникъ; бросилъ маску и затопталъ ее ногою. Іоаннъ прогналъ его изъ дворца, а чрезъ нѣсколько дней послалъ ему смертный приговоръ. Посланные умертвили Рѣпника въ церкви за всеюнощною.

Казня тѣхъ, кого почиталъ преступниками, еще болѣе подозрѣвалъ и подозрѣніе его падало на людей знатнѣйшихъ. Два потомка литовскихъ выходцевъ, первые вельможи царскіе, Иванъ Бѣльскій, сынъ Димитрія и сынъ дяди Іоаннова, Василій Мих. Глинскій, должны были дать по себѣ клятвенныя грамоты въ вѣрности, съ ручательствомъ духовенства. За Бѣльскаго кромѣ того поручались бояре, общая, въ случаѣ бѣгства его, взнести 10000 рублей; съ поручителей взяли особыя росписи въ уплатѣ сихъ денегъ. Мстиславскій, Данило За-

харьинъ и съ ними еще шестеро сановниковъ дали новую присягу въ вѣрности Іоанну и дѣтямъ его. Десятеро заложили свои головы въ уплатѣ 15000 руб., въ случаѣ измѣны князя Александра Воротынскаго и еще за нихъ отдѣльно поручилось множество сановниковъ. Страшное подозрѣніе въ Іоаннѣ возбудилъ питомецъ степей князь Дмитрій Вшикевецкій, скучавшій бездѣйствіемъ въ Бѣлевѣ, другъ и сопутникъ Даніила Адашева въ битвахъ, можетъ быть, слишкомъ явно негодовавшій на Царя за участь Адашевыхъ. Мучительная болѣзнь внезапно постигла Вшикевецкаго; узнали, что онъ отравленъ медленнымъ ядомъ. Слабый, едва имѣя силы сѣсть на коня, Вшикевецкій спѣшилъ изъ Россіи уѣхать въ Польшу и былъ тамъ ласково принятъ Сигизмундомъ. Ему предложили воевать Россію, Дмитрій не хотѣлъ, отрекся отъ всѣхъ почестей и вздумалъ искать славы и опасностей честнымъ боемъ противъ невѣрныхъ, не вредя ни Россіи, ни Польшѣ. Присяжникъ Сигизмунда, Господарь Молдавскій, измѣнялъ Королю; Дмитрій, излеченный отъ болѣзни, съ дружиною храбрыхъ отправился въ Молдавію, рѣшаясь низвергнуть Стефана, сѣсть на его мѣсто, созвать удалцовъ, заслонить Польшу отъ Турокъ и возобновить славу Гуниадовъ и Скандербеговъ. Но Дмитрія ожидала

измѣна: товарищи выдали его Стефану и Государь отослалъ его въ Царьградъ. Жестокая казнь постигла тамъ Вшикевецкаго. Говорили, что терзая тѣло его, янычары вырвали изъ него сердце и съѣли, думая, что храбрость гибельнаго Мусульманамъ вождя козаковъ перейдетъ къ нимъ. Подумалъ ли Иоаннъ, какую потерю сдѣлала Россія, утративъ въ Вшикевецкомъ вѣрное средство усмиренія Крыма? Нѣтъ! отпуская посла своего въ Польшу, онъ велѣлъ отвѣчать на вопросъ о Вшикевецкомъ: „пришелъ онъ ко мнѣ какъ собака и ушелъ отъ меня какъ собака, ни добра, ни худа не видали мы отъ него!“

Между тѣмъ, когда въ царствѣ Иоанна происходили кровавыя явленія, дѣла ливонскія приняли переворотъ неожиданный Иоанномъ; предвѣщанія прежнихъ правителей государства сбылись: война ливонская, какъ гидра, породила новыя головы изъ головъ, отсѣченныхъ мечами воеводъ царскихъ.

Пока съ Сигизмундомъ шли переговоры и Польша собиралась завладѣть Ливоніею, или по крайней мѣрѣ остатками сей земли, два Короля, вступившіе въ это время на престолъ Даніи и престолъ Швеціи, не хотѣли оставаться спокойными зрителями того, какъ Иоаннъ и Сигизмундъ раздѣлятъ земли орденскія. Фридрихъ, Король Датскій,

прежде желавшій быть посредникомъ мира между Рыцарями и Россіею, перемѣнилъ мысли; онъ прислалъ въ Ливонію торговать Ревель и островъ Эзель для брата своего принца Магнуса. Ему продали Эзель. Магнусъ пріѣхалъ туда, спѣшилъ въ Ревель, но встрѣтился тамъ съ шведкими послами. На престолѣ мудраго Густава былъ безумный Эрихъ. Онъ предложилъ рыцарямъ свою помощь, требуя отдачи Ревеля. Въ это время русскіе взяли Фешинъ и подходили къ Ревелю. Не видя спасенія, страшась будущаго, ревельцы вошли въ переговоры и, не слушая возраженій Магистра, предались Эриху, поклялись ему въ вѣрности, войско шведское заняло Ревель и другіе города, гдѣ не было русскихъ. Иоаннъ оскорблялся дѣломъ Эриха, но не хотѣлъ спорить. Послы Эриховы (въ Февралѣ 1560 г.) объясняли ему, что Эрихъ мстилъ Кеттлеру за свою обиду, но не хочетъ воевать съ Россіею, не вступитъ и въ союзъ противъ Россіи, хотя Польша, Данія и Императоръ уговариваютъ его. „Соединяйтесь со всеѣми земными Королями,“ отвѣчали посламъ отъ имени Иоанна, — „Царь русскій не боится васъ. Развѣ не знаете, что едва захотѣлъ онъ, то покорилъ два царства? Или забылъ вашъ Король, каковъ бѣдствіе могло постигнуть Швецію, едва дерзнула она оскорбить Россію? А тогда

царствоваль у вась мудрыйъ Густавъ, а не Эрихъ, мудрость котораго еще не извѣстна.“ Иоаннъ соглашался на миръ съ Эрихомъ, но не хотѣлъ договариваться, говоря, что Король шведскій можетъ по старинному прислать пословъ своихъ для переговоровъ къ новгородскому Намѣстнику.

Оказывая явное презрѣніе къ Швеціи, Иоаннъ не начиналъ однакожъ войны. Войска его также не двигались и противъ поляковъ. Шли переговоры. Не смотря на дерзкія объясненія Володковича (въ Январѣ 1560 г.), Иоаннъ отправилъ къ Сигизмунду съ предложеніемъ — кончить дѣло миролюбно и даже вступить съ нимъ въ родство. Изъ двухъ сестеръ Сигизмунда Иоаннъ назначалъ Екатерину себѣ супругою; готовъ былъ уступить многое, не отрекался даже отъ условія, что Екатерина сохранить въ супружествѣ съ нимъ латинскую вѣру. Но отвѣты Сигизмунда были нелѣпы. Посланникъ его Шимковичъ (въ Февралѣ 1561 г.) потребовалъ отдачи Ливоніи, Пскова, Новгорода, Сѣверскихъ областей. Иоаннъ не захотѣлъ и говорить съ нимъ. Сигизмундъ явно шелъ на войну. Войско польское вступило въ Ливонію, осадило Тарвасть, заняло многія крѣпкія мѣста; въ Ноябрьѣ 1561 г. Кештнеръ прибылъ въ Вильну, далъ присягу Сигизмунду, получилъ отъ него въ

удѣлъ Курляндію съ титуломъ Герцога и правителя остальной Ливоніи. По возвращеніи Кештнера въ Ригу, въ торжественномъ собраніи, Магистръ, епископы, рыцари сложили съ себя орденскія званія и со слезами объявили, что, волею божіею, орденъ ливонскихъ меченосцевъ на вѣки уничтожается. Князь Радзивиль принялъ отъ бывшаго Магистра орденскую печать, древнія грамоты, мечъ и знаки орденскихъ чиновъ.

Тогда Іоаннъ разсердился; объявилъ, что не хочетъ болѣе ни родства, ни мира съ Сигизмундомъ и приказавъ своимъ воеводамъ двинуться на отряды поляковъ, бывшіе въ Ливоніи, немедленно избралъ себѣ невѣсту, славную красавицу кавказскую. Мы упоминали о дѣтяхъ Темрюка, кабардинскаго Князя, выѣхавшихъ въ Москву въ 1558 году. Слыша о красотѣ сестры ихъ, Іоаннъ велѣлъ привезти ее въ Москву, увидѣлъ, — и плѣнился юною черкешенкою. Дочь Темрюка крестили, назвали Маріею, и свадьба ея съ Іоанномъ была совершена черезъ годъ послѣ смерти Анастасіи (въ Августѣ 1561 г.) Но Анастасія не ожила въ Маріи, гордой, жестокой и властолюбивой, по словамъ современниковъ. Разгульная жизнь Царя не прекратилась, только родственники Царицы умножили собою число буйныхъ собесѣдниковъ царскихъ,

охотно принимая на себя даже исполненіе жестокихъ велѣній Іоанна.

Онъ собирался торжественно мстить гордому Сигизмунду и ни за что не уступая Ливоніи полякамъ, скрылъ новую досаду на Эриха. Шведскіе послы прибыли для переговоровъ. Іоанну извѣстны были переговоры Швеціи съ Польшею о союзѣ противъ русскихъ и о супружествѣ Герцога финляндскаго, брата Эрихова, съ Екатериною, которой не могъ или не хотѣлъ позабыть Іоаннъ. Но все было утаено въ душѣ его. Шведы согласились договариваться съ новгородскимъ Намѣстникомъ и перемиріе было возобновлено; Іоаннъ не взыскивалъ даже и за то, что Эрихъ насмѣхался потомъ надъ его послами, ѣздившими въ Стокгольмъ для подтвержденія мира.

Воеводы Іоанна худо исполняли порученіе его отмстить Сигизмунду. Въ ихъ глазахъ поляки взяли Тарвасть и потомъ оставили его; до основанія разоривъ сей городъ по волѣ царской, князя Глинскій и Серебряный разбили отрядъ польскій, сожгли нѣсколько селеній, спорили между собою о мѣстахъ и воротились. Въ мартѣ 1561 г. явился отъ Сигизмунда посланникъ съ объявленіемъ войны, ибо Король, какъ законный властитель по договору съ Магистромъ, требовилъ Ливоніи. Съ гру-

бымъ отвѣтомъ отпустили посланника Сигизмундова. Король выставилъ охранныя войска по границѣ и возбуждалъ крымцевъ.

Иоаннъ приготовлялся къ удару сильному, неожиданному Польшею. Лѣто 1562 года прошло въ битвахъ неважныхъ. Войско русское стояло въ Смоленскѣ, подъ начальствомъ Шихалея, отряды его жгли селенія въ Литвѣ, поляки подходили къ Опочкѣ, Себежу, Невелю, раззоряли Псковскую область. Крымцы являлись лѣтомъ 1562 г. близъ Мценска, Владимиръ Андреевичъ стоялъ противъ нихъ съ войскомъ, и хищники поспѣшно удалились. Сигизмундъ полагалъ, что русскій Царь не дерзнетъ на рѣшительную войну, и воеводы польскіе даже уговаривали русскихъ не тратить людей на бесполезныя сшибки, ибо скорое примиреніе Россіи и Польши несомнительно Иоанну не противорѣчило; позволилъ боярамъ говорить съ польскими вельможами, которые писали о томъ и къ митрополиту. „Не знаю мірскихъ дѣлъ“ отвѣчалъ престарѣлый Макарій и отрекся, а бояре дили время. Съ Сентября по Декабрь переписывались, спорили. Вдругъ Иоаннъ перервалъ всѣ переговоры. „Не отдаю Ливоніи, пусть знаетъ Король польскій, что и Литва его есть моя вотчина, пусть исправится онъ доколѣ есть еще время, или ждетъ

наказанія.“ Такъ отвѣчалъ Іоаннъ на все убѣжденія и ничего болѣе не хотѣлъ говорить.

Зимою, въ половинѣ Декабря 1562 г., многочисленное войско русское собралось въ Можайскѣ. Декабря 23 выѣхалъ изъ Москвы самъ Царь. Съ нимъ были три Царя казанскіе, четыре татарскихъ Царевича, Владиміръ Андреевичъ, все знатнѣйшіе воеводы, бояре, дворъ. Число войска простиралось болѣе 300,000. Вся эта громада хлынула на Литву, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія. Января 31го 1563 г. Іоаннъ окружилъ Полоцкъ, 200 пушекъ загремѣли по стѣнамъ города.

Сигизмундъ ужаснулся; вельможи польскіе старались ободрить его, Князь Радзивиль даже отправился выручать осажденный городъ, пока Король со страхомъ ожидалъ слѣдствій въ Вильнѣ. Февраля 7го Іоаннъ овладѣлъ частію полоцкихъ укрѣпленій. Довойна, защитникъ города, былъ въ крайности, стѣсненный извнѣ сильнымъ непріятелемъ, внутри недостатками: отовсюду сбѣжалось въ Полоцкъ множество народа, спасаясь отъ огня и меча русскихъ. Желая очистить мѣсто и сохранить припасы, Довойна вдругъ выгналъ изъ Полоцка болѣе 20,000 беззащитныхъ бѣглецовъ. Бесчеловѣчный этотъ поступокъ лишилъ его любви и довѣренности жителей Полоцка. Къ уди-

вленію вѣхъ, Царь русскій принялъ милостиво изгнанныхъ, далъ имъ хлѣба, одежду; вѣсть о томъ, обѣщаніе милости, если Полоцкъ сдадутъ добровольно, и казни, если продолжатъ сопротивленіе, рѣшило участь города. Утвердивъ условіями безопасность лицъ и мнѣній, Довойна отворилъ побѣдителю ворота Полоцка.

Покореніе города, считавшагося сильною защитою Литвы, привела Іоанна въ восторгъ, умножило его надежды, увеличило гордость. „Сбывается предвѣщаніе Петра митрополита, что Москва несетъ руки свои на плеча враговъ“, писалъ онъ къ митрополиту Макарію, посылая ему драгоценный крестъ изъ добычи, взятой въ городѣ. Вопреки обѣщанію, Іоаннъ забравъ все что могъ изъ казны королевской, отнялъ имѣніе у многихъ жителей и пируя побѣду, допускалъ беспорядки между воинами, грабившими и раззорявшими жителей. Считаая завоеваніе Полоцка равнымъ Смоленску, Царь объявилъ, что отнынѣ на вѣки присоединяется сія древняя отчина русскихъ Князей къ Россіи, помѣстилъ названіе Полоцкаго въ титулъ своемъ, приказалъ раззорять латинскія божницы, строить и учреждать православныя церкви. Евреямъ, жителямъ Полоцка, велѣли креститься, кто не соглашался тѣхъ бросали въ прорубь. Послѣ-

дователь ереси Башкина, Оома, бѣглый монахъ русскій, былъ приведенъ къ Иоанну, спорилъ съ нимъ о вѣрѣ, несчастнаго еретика вывели на ледъ Двины, разбили ему голову дубиною и бросили его подъ ледъ. Тогда же Царь предложилъ учредить въ Полоцкѣ православную епархію.

Обѣщавъ Королю защитить Полоцкѣ, Радзивиль не смѣлъ сразиться даже съ высланными противъ него сильными отрядами, имѣя не болѣе 40,000 воиновъ и 20ти пушекъ. Спѣшили уговаривать Иоанна на миръ; онъ согласился не воевать полгода и позволилъ пріѣхать въ Москву польскимъ посламъ. Возобновивъ укрѣпленія Полоцка, поручивъ его храброму воеводѣ князю Петру Шуйскому, Царь выѣхалъ изъ Полоцка Февраля 26го. Онъ хотѣлъ торжества, почестей, и услаждался ими. Народъ бѣжалъ на встрѣчу ему и привѣтствовалъ его какъ побѣдителя. Въ Великихъ Лукахъ объявилъ онъ отпускъ всѣмъ своимъ войнамъ; гостилъ на дорогѣ у матери Владиміра Андреевича; въ Войсколамскомъ Иосифовскомъ монастырѣ привѣтствовалъ его девяти-лѣтній Царевичъ Иоаннъ; Царевичъ Феодоръ встрѣтилъ родителя въ селѣ Крылоцкомъ. Возвращеніе изъ Полоцка походило на возвращеніе изъ Казани за десять лѣтъ, сходство еще болѣе умножилось вѣстью о

рожденіи царевича Василя: такъ нѣкогда обрадовалъ Іоаннъ рожденіемъ первенца Анастасіи. Народъ вышелъ изъ Москвы на встрѣчу Государю съ радостными кликами; у церкви Бориса и Глѣба на Арбатѣ привѣтствовали его митрополитъ и духовенство. Пѣшкомъ шелъ потомъ Іоаннъ въ соборы. — По желанію Царя въ Апрѣлѣ поставленъ былъ въ Полоцкѣ архіепископъ. Между тѣмъ Царь горделиво писалъ къ крымскому Хану, увѣряя, что изъ милости только пощадилъ онъ Польшу и не хотѣлъ отнять у Сигизмунда всей земли его; не хочетъ и теперь вражды съ Ханомъ, соглашаясь возобновить прежнюю дружбу. — Еще въ 1562 г. съ Данією заключенъ былъ договоръ, по которому Іоаннъ милостиво обѣщалъ не трогать Магнуса въ его эзельскомъ Герцогствѣ. Датчане осмѣлились предложить посредничество въ мирѣ съ Польшею. „Богъ мой посредникъ, и я не боюсь Польши,“ отвѣчалъ Іоаннъ. Послы датскіе не смѣли говорить ничего болѣе, но условились о дружбѣ и торговлѣ. — Въ Іюлѣ 1563 г. пріѣхали новые послы Эриха. Король шведскій успѣлъ перессорится за ливонскія свои владѣнія съ Польшею и Данією, велѣлъ своимъ войскамъ сражаться съ ними, отнимать города у Поляковъ и Датчанъ. Онъ хотѣлъ крѣпкой дружбы Царя, извинялся въ

неучитвости, оказанной посламъ его, гордился помощью, какую оказываетъ Русскимъ войною противъ Польши и требовалъ, чтобы отнынѣ сношенія Швеціи были прямо съ Царемъ и съ Москвою. Довольный тѣмъ, что Эрихъ хотя немного вредить Сигизмунду, Царь отвѣчалъ, что ему все равно, за него ли, противъ него ли стоитъ бѣдная Швеція, что онъ согласенъ пожаловать миромъ Эриха, но послы его могутъ тогда только сноситься прямо съ Царемъ, когда Эрихъ сядетъ на царствѣ въ Москвѣ, а Іоаннъ на его королевство въ Швеціи. „Моя честь отъ чести вашего Короля такъ далека, какъ небо отъ земли,“ говорилъ Царь, присовокупляя множество насмѣшекъ въ грамотахъ. Эрихъ все сносилъ великодушно, продолжалъ ссориться съ Польшею, Данією, свататься за нѣсколько невѣстъ вдругъ, и безумствовать. По заключенному въ Новгородѣ договору Іоаннъ обязался не трогать ливонскихъ приобрѣтеній Эриха въ теченіи семи лѣтъ.

Къ досадѣ Іоанна, взятіе Полоцка причинило только временный страхъ Сигизмунду. Онъ не думалъ спѣшить присылкою пословъ для умоленія грознаго Царя о мирѣ и даже нарушалъ заключенное перемиріе: братъ Дмитрія Вишневецкаго, Михаилъ, съ толпою Козаковъ и аккерманскихъ

Татарь грабилъ Сѣверскую область цѣлое лѣто 1563 года и только въ декабрѣ явились въ Москвѣ послы Польскіе. Въмѣсто смиренія, Сигизмундъ не хотѣлъ именовать Іоанна Царемъ, требовалъ обратно всѣхъ завоеваній Іоанна 111го и кромѣ того Пскова и Новгорода; объ уступкѣ Ливоніи и Полоцка и упоминать не хотѣли. Царь велѣлъ объявить посламъ, что мало заботится о почести отъ Короля, будучи по прямой линіи потомокъ Августа Кесаря и потребовалъ отдачи Литвы и Вильны. Дѣло кончилось ничѣмъ. Въ января 1564 г. послы выѣхали изъ Москвы.

Іоаннъ спѣшилъ отправить войско, ожидалъ побѣдъ и услышалъ о пораженіи. Князь Радзивиль сдержалъ на сей разъ слово свое Королю. Онъ стоялъ близъ Витебска, услышалъ, что князь Петръ Шуйскій идетъ изъ Полоцка, князь Серебряный изъ Вязьмы, что они соединятся подъ Оршею и удачею предупредилъ русскихъ воеводъ. Въ располхъ напалъ онъ на Шуйскаго близъ Орши, смѣшалъ, погналъ его войско. Въ смятеніи побѣга пали двое князей Палецкихъ; былъ убитъ самъ князь Шуйскій, воеводы Плещеевъ и князь Охлябининъ попались въ полонъ, Русскіе въ страхѣ укрылись въ Полоцкѣ, другіе бѣжали до самаго Смоленска. Другой воевода, князь Токмановъ, о-

смѣлился было осадить Озерици, но услышавъ о приближеніи непріятеля, бросился назадъ, даже перерѣзалъ плѣнныхъ, чтобы не затрудняться въ походѣ. Русскіе опустошили нѣсколько областей въ Литвѣ, но зато Поляки разоряли область Дерптскую, а Козаки рыскали и грабили по степямъ Украйны.

Прежде Іоаннъ могъ бы видѣть, что все произошло отъ несчастной неосторожности князя Шуйскаго, заплатившаго за то жизнию; онъ думалъ бы о томъ, какъ вознаградить потерю. Но прежнее время неозвратно протекло для Іоанна. Обманутый въ своихъ горделивыхъ ожиданіяхъ, Царь все приписалъ измѣнѣ, въ душѣ его усилилась недовѣрчивость ко всѣмъ его окружавшимъ, онъ затрепеталъ въ своихъ кремлевскихъ чертогахъ, и не помышляя объ отраженіи непріятеля, Іоаннъ прежде всего хотѣлъ обезопасить самаго себя.

Еще до пораженія подъ Оршею, когда Іоаннъ возвратился побѣдителемъ въ Москву, гнѣвъ его былъ уже обращенъ на измѣнниковъ и предателей.

Первымъ изъ нихъ въ это время былъ славный воевода Иванъ Шереметевъ. Онъ находился съ Царемъ подъ Полоцкомъ и по возвращеніи въ Москву испыталъ весь ужасъ гнѣва царскаго. Полководецъ, имени котораго страшились Крымцы,

былъ брошенъ въ темницу, подвергнутъ пыткамъ. Иоаннъ самъ присутствовалъ при истязаніяхъ, требовалъ признанія, грозилъ смертію. „Государь! я стою уже близъ гроба; ты воленъ въ моей жизни, но мнѣ не въ чѣмъ признаваться.“ — У тебя нашли мало имѣнія, куда дѣвалъ ты его?“ — вопрошалъ Царь. — „Черезъ руки бѣдныхъ я отдалъ его Богу,“ сказалъ страдалецъ. Царь пощадилъ Шереметева, держалъ нѣсколько времени въ темницѣ и возвратилъ ему свободу, приказавъ только взять съ него поручителей въ вѣрности, даже оставилъ его на нѣсколько лѣтъ въ думѣ боярской. Также спасся отъ гибели меньшей братъ Шереметева, Иванъ, пожалованный бояриномъ въ 1559 году. Но средняго брата, Никиту, постигла казнь: его удавили въ темницѣ. Видя непрерывныя подозрѣнія, гнѣвъ, немилость Царя, старшій братъ умолялъ наконецъ позволить ему удалиться въ Кириловскій монастырь и принять тамъ иноческій санъ.

Еще страшнѣе было другое слѣдствіе объ измѣнѣ. До сихъ поръ ни опала, ни гоненіе не касалось брата царскаго, Владиміра Андрѣевича. Казалось, что даже его крамольные замыслы были позабыты Иоанномъ. Доносъ ничтожнаго клеветника воздвигъ страшную бурю. Царь призвавъ

къ себѣ Владиміра и мать его, показали имъ извѣтъ дьяка ихъ Саблукова; негодяй писалъ, что мать и сынъ таятъ злые умыслы и потому держатъ его, Саблукова, въ темницѣ, что онъ знаетъ ихъ заговоръ. Начались розыски; Іоаннъ уличалъ обвиненныхъ передъ митрополитомъ и владыками; ничего не могли доказать, но испуганная Евфросинія умоляла отпустить ее въ монастырь и пощадить сына ея. Августа 5го 1563 г. Евфросинія постриглась, и подъ именемъ старицы Евдокии отправилась въ сооруженный ею прежде Бѣлозерскій дѣвичій монастырь. Будто для оказанія почестей теткѣ Царя, ее окружили стражею въ обители.

Въ концѣ 1563 года, когда Іоанна раздражало своеволие Польши и дерзкія требованія пословъ Сигизмунда, вѣсть неожиданная рѣшительно смутила душу его, и безъ того кипѣвшую подозрѣніями и гнѣвомъ. Воевода, пощаженный Царемъ не смотря на дружбу его съ Адашевыми, человекъ, которому поручена была стража важнаго пограничнаго мѣста — князь Андрей Курбскій оставилъ свое мѣсто, жену, сына, тайно укрылся отъ товарищей и бѣжалъ въ Польшу. Вѣроятно, подозрѣнія издавна лежали на Курбскомъ, неудачный походъ 1561 года усилилъ ихъ, а изслѣдованіе по доносу Саблукова подвергло Курбскаго по-

слѣдней опасности. Тщетно просилъ онъ заступленія духовенства, хотѣлъ оправдываться. Незадолго передъ тѣмъ бѣжали въ Литву двое Черкасскихъ князей. За Курбскимъ слѣдовали Марко Сарыхозинъ и Тимофей Тетеринъ, люди отличные по своему образованію и друзья Курбскаго.

Бѣгство сихъ людей сопровождалось слѣдствіями не важными, но оскорбительными для Гоанна. Тетеринъ, Сарыхозинъ, Курбскій были приняты Сигизмундомъ съ величайшею честью, князю Курбскому пожаловано было богатое помѣстье, воеводство въ непріятельскомъ войскѣ.

Въ слѣдъ за бѣглецами прислано было отъ дерптскаго воеводы Морозова письмо къ Полякамъ, гдѣ Курбскаго и его товарищей именовали предателями и измѣнниками. Тетеринъ, умный и грамотный, рѣшился отвѣчать. „Ты, господинъ,“ писалъ онъ къ Морозову, „недѣльно называешь измѣнниками людей, которые, не стерпѣвъ мукъ неслыханныхъ, спасаются отъ тирана. И мы, подобно тебѣ, умѣли бы лаяться съ тобою, но не хотимъ и только посовѣтуемъ тебѣ паче бояться Бога нежели своего мучителя Царя. Разсуди самъ: какой бѣдный ты воевода! Съ Смоленска свели тебя на Дерптъ, жалованья не дали, жену въ закладъ оставили, а тебѣ велѣли кормиться въ долгъ.“

Не будетъ-ли невѣжливо спросить у тебя: „полно, вѣритъ ли кто тебѣ?“ Стыдись, рабъ мучителя: люди, которыхъ отцы и въ холопы не годились вашими отцамъ, богатѣютъ, владѣютъ царствомъ, торгуютъ вашими головами. Видно, Богъ отнялъ у всѣхъ васъ умъ, что вы, готовые положить за дѣтей, женъ и за отчины свои головы, губите ихъ и не думаете спасать. Смѣемъ только спросить, каково тѣмъ, у кого мужей и отцевъ неправедными казнями погубили? Въ заключеніе, кланяемся тебѣ низко.“

Царь зналъ сіи дерзкія укоризны бѣглеца, а вскорѣ потерпѣлъ позоръ еще болѣе. Тетеринъ писалъ къ воеводѣ, Курбскій захотѣлъ высказать все прямо самому Царю! Остановясь въ Вольмарѣ, онъ сочинилъ посланіе къ Іоанну. Вѣрный слуга его Василій Шибановъ рѣшился идти на смерть, пріѣхалъ въ Москву, дождался выхода Іоаннова изъ дворца, и среди сонма вельможъ, на красномъ крыльцѣ подавъ грамоту запечатанную, говоря: „Тебѣ, Царь, прислалъ господинъ мой, твой изгнанникъ, князь Андрей Михайловичъ.“ Іоаннъ хладнокровно поднялъ жезлъ съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, ударилъ Шибанова въ ногу, оперся на жезлъ и, не внимая страданію несчастнаго, велѣлъ читать посланіе Курбскаго, пока

по ступенямъ крыльца текла кровь слуги его. Что же услышалъ Іоаннъ? Страшный голосъ истины и презрѣнія!

„Царь, нѣкогда отъ Бога препрославленный“ паче православіемъ пресвѣтлѣй, что стало съ тобою нынѣ за грѣхи наши? — писалъ Курбскій — если есть еще у тебя совѣсть, скажи: находишь-ли подобнаго себѣ и въ безбожныхъ народахъ? пишу въ горести сердца моего и вопрошаю, почто погубилъ сильныхъ во Израили воеводъ, Богомъ тебѣ данныхъ, смерти предокъ, побѣдоносною ихъ кровію обагрилъ храмы Божіи, мученическую кровь пролилъ на прагѣ церквей и полагавшихъ за тебя душу гоненіями, мукою, смертію наградилъ, оклеветалъ въ измѣнѣ и чародѣйствѣ и свѣтъ предложилъ во тму? Не тѣмъ ли провинились они, что прегордыя царства раззорили, покорили тебѣ народовъ, которымъ нѣкогда работали твои праотцы, и тцаніемъ разума ихъ даровалъ тебѣ Богъ претвердые грады? Чѣмъ воздалъ ты за все! Или мыслишь быть безсмертенъ? Или впалъ ты въ ересь, отвергающую неумытнѣй судъ гордымъ мучителямъ? Есть Богъ, судія между тобою и нами! Какого зла и гоненія не претерпѣлъ я отъ тебя! Какихъ бѣдъ и напастей на меня не подвигнулъ ты! Какихъ лжеплетеній не возвелъ! Объ-

яштя горестію, душа моя не можетъ выразить чувства словами, всего лишень я, изгнанъ изъ земли Божіей, не упросилъ тебя умиленными глаголами, не умолилъ многослезнымъ рыданіемъ, не исходатайствовалъ милости заступленіемъ святителей. За дѣло благо, ненавистью за любовь воздалъ ты мнѣ, и кровь моя, за тебѣ пролитая, вошеть къ Богу: Онъ свидѣтель сердець. Тщетно, сдѣлавшись самъ себѣ судія, искалъ я обличенія въ моей совѣсти, искалъ, думалъ — ничего не нашель я. Никогда не обращалъ я хребта передъ врагами, но прославлялъ тебя побѣдами, предводя воинствомъ. Долго трудился я, не щадя пота и крови, отлучаясь отъ матери и супруги, въ дальноконечныхъ градахъ, ополчаясь противъ враговъ твоихъ, снося нужды и болѣзни, учащаемъ ранами отъ рукъ варваровъ и сокрушая тѣло свое болѣзнію. И все сіе не во что вмѣнилъ ты, Царь! Только паче разжегъ ярость и ненависть. — Хотѣлъ было я высеказать тебѣ всѣ дѣла, силою Бога, на похвалу твою, мною сотворенныя; но оставляю: Богу они вѣдомы, паче человѣкъ, и Онъ будетъ мздовоздаятель. — Вѣдай, Царь, что уже не узришь ты лица моего до втораго пришествія Божіяго. Но молчать я не буду; до конца жизни моей буду вошеть къ Богу, въ него же вѣрую, призывая мать владыки, херу-

вимовъ, святыхъ, и предка моего князя Теодора, благоуханія паче ароматъ отъ святыхъ мощей своихъ испускающаго и благодатию Святаго Духа струи исцѣленія чудесъ источающаго.“

„Не мысли, Царь, суемудренно, что мы погибли, избіенные, заточенные, прогнанные, не радуйся одолѣніемъ похваляясь: избіенные вопіють о мщениі предъ престоломъ Бога; вопіють и заточенные и изгнанные! Хвались тмами въ гордости, умышляй на народъ христіанскій въ привременномъ и скоротекущемъ вѣкѣ, ругаясь ангельскому образу, съ товарищами льстецами, губителями души и тѣла, движущими тебя на дѣла Амродиты, жертвующими тебѣ паче жрецовъ крамольныхъ. Сіе писаніе, слезами омоченное, положу я въ гробъ мой, и пойду съ тобою на судъ Божій. Писано въ Вольмарѣ, городѣ государя моего Сигизмунда Августа, отъ коего надѣюсь много пожалованъ быть и утѣшенъ отъ всѣхъ скорбей моихъ милостию его государекою, а паче помощію Божіею.“

Чего хотѣлъ Курбскій, осыпая укоризнами грознаго Царя? Неужели думалъ вразумить его? Историкъ долженъ благодаренъ быть бѣглецу за письмо и переписку, какая послѣ сего началась съ Іоанномъ — она поясняетъ намъ многое, чего не говорятъ лѣтописи; но подумалъ-ли

Курбскій, удовлетворяя безсильному мщенію, жежанію укорить Царя, посмѣялся надъ его бесплодною яростью, подумалъ-ли онъ какую чашу золь готовить для друзей, родственниковъ своихъ, для всѣхъ, кто былъ во власти Іоанна? Участь Шибанова, жены и сына Курбскаго осталась для насъ неизвѣстною. Но мы легко вообразимъ себѣ состояніе души Іоанна, гордаго, своевластнаго, котораго среди двора и вельможъ, измѣнникъ беглецъ дерзаетъ позорить, говоря истины, какихъ не осмѣливались другіе шопотомъ произнести въ своей семьѣ, среди верныхъ друзей! „Такъ поступитъ каждый изъ нихъ, какъ поступилъ Курбскій; такъ мыслятъ всѣ они, какъ пишетъ Курбскій!“ думалъ Іоаннъ, обводя окрестъ себя сверкающія отъ гнѣва очи.

Утаивъ гибельныя и роковыя думы, Царь хотѣлъ мечемъ отмстить ненавистной Польшѣ, побѣдамъ, торжествующему бѣглецу, но онъ не захотѣлъ перенести укоризнъ измѣнника въ молчаніи, рѣшился отвѣчать ему, самъ написалъ свой отвѣтъ, и драгоценный памятникъ сей сохранился для потомства.

Отвѣтъ Іоанна былъ обширенъ, Царь истощилъ въ немъ всю свою ученость: знаніе исторіи, Священнаго писанія, политику свою; упрекъ и на-

смѣшка, смиреніе и ругательства стояли въ немъ на ряду съ важными подробностями, которыми оправдывалъ Іоаннъ причины своей недовѣрчивости, строгости, доказывалъ измѣну бояръ и вельможъ своихъ.

„Богъ нашъ Троица, прежде вѣкъ бывшій и нынѣ сущій, Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, неимущій начала, ни конца, имъ же мы живемъ и движемся, имъ-же Цари царствуютъ и сильные пишутъ правду. Симъ Богомъ вручена была хоругвь побѣдъ Царю Константину и другимъ Царямъ, слугамъ слова Божія, и обтекши всю землю, дошла до Русскаго царства, отъ Владиміра, просвѣтившаго Русь крещеніемъ, до Мономаха, побѣдителя Грековъ, героя Александра, надъ Нѣмцами побѣду показавшаго, героя Донскаго Дмитрія, мстителя неправдъ, дѣда нашего Іоанна, обрѣтателя прародительскихъ наслѣдствъ отца нашего, и до насъ смиренныхъ. Хваля милость Бога, необагренные родною кровію, ибо не похищали царства, но Божіею волею и родительскимъ благословеніемъ, родились, возрасли и воцарились на царствѣ, пишемъ отвѣтъ нѣкогда православному боярину, совѣтнику и воеводѣ нашему, а послѣ преступнику, слугѣ враговъ, отступнику св. иконъ, осквернителю, раззорителю

храмовъ, князю Андрею Курбскому, измѣною восхотѣвшему быть Ярославскимъ владыкою.“

За симъ слѣдовали упрёки въ измѣнѣ, ничемъ неоправдываемой, укоризны, что для спасенія тѣла измѣною погублена душа. „Ты возопилъ на Бога, дающаго власть, и смотри, бѣднякъ! съ какой высоты въ какую пропасть нисшелъ ты. Если ты былъ праведенъ и благочестивъ, почто же смерти боялся? Невинная смерть пріобрѣтеніе праведнику и не долженъ-ли ты будешь умереть нѣкогда? Убоялся-ли обвиненій? но не называешь-ли тѣмъ свою виновную совѣсть? — Или забылъ, что противникъ власти есть противникъ Богу? Ты воспротивился мнѣ, Царю отъ Бога поставленному, не возжидаль отъ меня, строптиваго владыки, вѣнецъ жизни вѣчной наслѣдовать. Не стыдно-ли тебѣ предъ рабомъ твоимъ Ваською Шибановымъ, который не боясь смерти, предъ Царемъ и предъ народомъ остался тебѣ вѣренъ? Ты не поревновалъ такому благочестію; отъ одинаго гнѣвнаго слова моего погубилъ свою душу и души своихъ предковъ, ибо они, порученные дѣду нашему отъ Бога въ работу, завѣщавшіе вамъ, потомкамъ своимъ, служить, страдаютъ вашею измѣною. Все забылъ ты, собачьимъ измѣннымъ обычаемъ, преступилъ присягу, соединился со врагами и скудоумными сло-

вами, какъ въ небо камнями бросаешь, уступивъ честь слугѣ своему!“

„Читали мы твое посланіе, изъ устъ змѣинаго яда исполненныхъ истекшее, исполненное меда разума, но горькое паче полыни. Требуешь отъ меня того, что выше силъ человѣческихъ, а кто виновенъ въ грѣхахъ моихъ? Не вы-ли, колебавшіе благочестіе мое отъ юности моей? Если и грѣшенъ я — ваши соблазны и измѣны причина тому. Служитель алтаря Божія соединялся съ вами, злодѣями; вы, какъ дьяволы, поколебали мое благочестіе отъ самой юности; вы хотѣли поработить меня, Царя вашего. Я человѣкъ, я слабъ и Царю ли быть подъ властью попа? Нѣтъ! и явился я громомъ бытія вашего, не далъ себя погубить, вамъ клятво-преступники! Какъ смѣешь ты судить меня прежде суда Божія, меня, страдавшаго отъ васъ, подобно святымъ мужамъ, страдавшимъ отъ нашествія бѣсовъ! О чѣмъ болѣзнуешь ты, совершивъ злобу? къ чему совѣтъ твой, паче смрада зловоннаго? Если я постригъ неволею товарища твоего Тимоху, то и не въ его версту постригаемы были насильно, и не смѣли потомъ разрушать обѣта, хотя и неволею даннаго. Вспомни благочестивую жену Рурика Кіевскаго. Гибель нарушающимъ обѣты монашества, одинажды данные. — Хвалишься

побѣдами, какія отъ васъ были, но забываешь, что гордость противника Богу (примѣры: Авенора, Ахитофеля, Героваама, и изъявленія св. Амврозія на премудрость Соломона). Называешь мучениками погубленныхъ мною злодѣевъ, но забылъ слова апостола: аще кто незаконно мучимъ будетъ, сирѣчь, не за вѣру, не вѣнчается. И татей и разбойниковъ мучать, но они не спасаются мученіемъ, ибо страдаютъ за свои грѣхи. Константинъ не умертвилъ-ли роднаго сына? Давидъ не избилъ-ли враговъ своихъ? Но они во святые не причтены. Царю подобаетъ быть и милостиву и строгу, но страшень онъ бываетъ для злыхъ, а не для благихъ.“

„Вы разожгли пламень гнѣва моего, опалены и сожжены имъ; зачѣмъ-же теперь жалуетесь? Человѣкъ, ядшій хлѣбъ мой, возсталъ ты на меня измѣною, какъ Іуда. Съ чего ты сдѣлался учитель и судія мнѣ? Неужели свѣтлость благочестивая, если царствомъ обладаетъ попъ — невѣжда? Неужели не знаетъ, что гдѣ попы царствомъ обладаютъ — гибель неизбежна (примѣры: Даанана и Авирона, Или, Римской, Греческой Исторіи). Видишь-ли необходимость раздѣленія власти Царя отъ власти Священника? Хорошо полагали вы за меня душу, измѣнники (примѣры дѣда и

отца Курбскаго). Пишешь, что я избилъ сильныхъ и воеводъ; но кто-же эти воеводы и сильные? истребилъ я только измѣнниковъ и злодѣевъ. И когда воеводы могли укрѣплять царства? Они крѣпятся Божиимъ благословеніемъ и молитвами святыхъ, а не оружіемъ человѣческимъ. Пишешь, что я обогриль церкви кровью, и лжешь — казнилъ я измѣнниковъ, гдѣ случилось, и гдѣ такихъ собакъ не казнятъ? Но я изложу здѣсь дѣянія ваши и посмотримъ, какова была служба ваша намъ?“ Іоаннъ описывалъ послѣ сего буйное правленіе, измѣны, хищенія вельможъ въ его малолѣтство и при Еленѣ, бунтъ послѣ пожара московскаго; убіеніе Глинскаго; призваніе имъ Сильвестра и Адашева; утѣшенія отъ нихъ, стараніе ихъ захватить власть; невольный походъ свой подъ Казань; буйство во время его болѣзни; сопротивленіе противъ войны въ Ливоніи; кроткое наказаніе Сильвестра и Адашева; необходимость казни, когда потомъ видѣлъ онъ сожалѣніе и участіе многихъ въ судьбѣ сихъ измѣнниковъ. — Далѣе излагалъ Іоаннъ ничтожность побѣдъ, какія были одержаны въ правленіе Адашева и Сильвестра въ казанской сторонѣ, противъ Крымцевъ и въ Лифляндіи; излагалъ свою вѣру въ Бога, уличалъ Курбскаго въ саддукейской ереси, говорилъ, что если воеводами его была

проливаема кровь за отечество, то кровавыми слезами плакалъ онъ отъ ихъ измѣны, если гонитъ онъ, то гнали Сильвестръ и Адашевъ. Выставляя примѣры ихъ гоненій, безпрестанно обращаясь къ тому, что ему, Царю, не слѣдовало быть обладаемымъ, выписывая цѣлыя страницы изъ Діонисія Ареопагита, уловляя Курбскаго разными схоластическими тонкостями, называя его сыномъ дьявола, Антеноромъ и Элеемъ, Антихристомъ, Моавитиномъ и Амменигиномъ — „пишешь ты“ — говорилъ наконецъ Іоаннъ — „что приводишь между собою и мною судію Христа Бога — я не отрицаюсь сего суди, но ты дѣлами его отрицаешься. Говоришь, что проливалъ кровь свою, но не искалъ-ли ты за то чести и славы? Сказываешь, что въ походахъ и трудахъ всегда былъ отлученъ отъ матери и жены — но Сильвестръ и Адашевъ тебя посылали, и какой-же ты бранноносецъ, если трудъ военный тяжелымъ тебѣ казался? Не отъ того-ли ты и сдѣлался бѣгуномъ, чтобы отдохнуть на свободѣ? Мздовоздаятеля называешь Бога, но страшись и подумай, какую мзду ты отъ него получишь. Лица твоего, говоришь, не явишь намъ до Страшнаго Суда; но кто и пожелаетъ видѣть твое эіопское лицо. Ты просишь Бога о мщеніи; но не тебя, а меня, за скорби мои

Богъ послушаетъ. И не явно-ли предокъ твой князь Теодоръ отъ тебя отступается, ибо у мощей его святыхъ послано было исцѣленіе супругѣ моей? Что хвалишься быти его потомкомъ. Не всё чада Авраамли, кто отъ Авраама пошелъ, но только и-мущіе вѣру Авраамлю. Господь силенъ и отъ ка-менія возвести родъ Авраама. Никого нѣтъ отъ меня изгнанныхъ, развѣ убѣжавшихъ измѣною, никого казненныхъ и заточенныхъ, кромѣ васъ, злодѣевъ. Милуются отъ насъ добрые, согласны и покорны намъ всё наши бояре, кромѣ таящихъ еще злыя ваши помышленія; но горе содѣвающимъ совѣтъ золь. Лай собака, отрыгай свой ядъ змѣи-ный? Ты хочешь положить съ собою въ гробъ свое писаніе, и не явно-ли, что ты отвергъ уже послѣднее христіанство, за предѣлы гроба перенося злобу свою, и вмѣсто молитвы ругательство? Ты не достоинъ послѣ сего быть отпѣтъ, какъ христіа-нинъ. Въ нашей отчинѣ, ливонской землѣ, въ на-шемъ городѣ Вольмарѣ, ты признаешь владыкою своимъ Сигизмунда, — надѣешься отъ него быть жалованъ — не подлый-ли ты послѣ сего измѣн-никъ? И по себѣ Короля ты выбралъ, которымъ всё рабы повелѣваютъ. Не хочю тратить съ тобой словъ, по рѣченію Соломона: съ безумнымъ не мно-жи словесъ. Ты буй сынъ, а утроба буйя гнилой

сосудъ, въ которомъ ничто не удержится. Тебя разуму не научишь. — Презираю и молчу. Писано нашей великой Россіи, въ преименитомъ, царствующемъ, престольномъ градѣ Москвѣ, у ступеней нашего царскаго порога, въ лѣто мірозданія 7072, Іюля въ 3й день.“

Но слова Царя не убѣдили Курбскаго. Безопасный отъ его преслѣдованій, бѣглець отвѣчалъ на царское посланіе, говорилъ смѣло и дерзко. „Широковѣщательное и многошумящее твое посланіе прочиталъ я, гдѣ отъ неукротимаго гнѣва, съ ядовитыми словами, изрыгаешь ты брань, нетолько Царю, но и простому воину неподобную. Нахваталъ изъ Св. Писанія преизлишно и завязливо, не какъ ученый мужъ строками, или стихами, но цѣлыми книгами и пареміями. И тутъ же пишешь о постеляхъ и тѣлогрѣяхъ, какъ пьяныхъ бабъ сказки, все перемѣшивая. И все это посылаешь ты въ такую землю, гдѣ нетолько въ Грамматикѣ и Риторикѣ, но въ Діалектикѣ и Философіи искусные мужи обрѣтаются. Надъ твоимъ варварскимъ складомъ дѣти должны смѣяться. И мнѣ, смиренному и изгнанному безъ правды, оскорбленному, прежде суда Божія грозишь, вмѣсто утѣшенія брань шлешь, заочно неповиннаго, нѣкогда вѣрнаго тебѣ, кусаешь! Богъ судья тебѣ, а я не понимаю, чего

ты хочешь? Нетокмо погубилъ ты казнью князей и воеводъ, нетокмо обобралъ ихъ до рубашки, но хочешь быть еще оправданъ. Хотѣлъ — было я на каждое твое слово отвѣчать, но предаю все суду Божию: буду молчать здѣсь, зато тамъ возглаголю, предъ престоломъ Божиимъ, вмѣстѣ съ другими жертвами твоей злобы и ярости. Нелицеприятенъ будетъ тамъ судъ, и страшенъ приличитель — совѣсть каждаго изъ насъ. И неприлично было бы мнѣ, воину, съ тобой перебраниваться, какъ перебраниваются рабы и тѣмъ взаимныя укоризны срамны. Спрашиваю отвѣта у души моей и она говоритъ мнѣ, что я правъ предъ тобою. Подождемъ. Вѣрю, что мы стоимъ на порогѣ надежды пришествія Христова, и на него упованіе, мое, въ немъ мое оправданіе.“

Курбскій не довольствовался словами. Радуюсь ласковому приему отъ Сигизмунда, онъ не пощадилъ честнаго имени предъ современниками и потомствомъ, сталъ въ ряды вражескіе, и съ именемъ польскаго воеводы обнажилъ мечъ противъ отечества.

Почти въ одно время Іоаннъ услышалъ неожиданныя вѣсти: 70,000 польскаго войска шли отбивать Полоцкъ и сильныя полчища Татаръ стремились изъ Крыма.

Мы видѣли, что послѣ взятія Полоцка Іоаннъ

надмѣнно писалъ къ крымскому Хану. Грамату его повезъ посоль Аѳанасій Нагой. Не смотря на изъявленія гордости, на то, что Іоаннъ не называлъ Хана братомъ, не билъ челомъ, а только кланялся Хану, русскому посланнику велѣно было обольщать Татарина ласковыми словами, дарить богато, сказать даже, что Іоаннъ удалилъ и казнилъ Адашева и товарищей его за ненависть ихъ противъ Крыма. Тогда же выпустили изъ неволи пословъ девлетовыхъ, задержанныхъ въ Москвѣ съ 1559 года; Девлетъ обрадовался, изъявлялъ дружбу, хотѣлъ мира, открылъ Іоанну важный замыселъ Султана, предпринимаемый для восстановления мусульманскихъ царствъ по берегамъ Волги. Все казалось благопріятно. Уже Ханъ готовилъ мирныя граматы. Но Король польскій прислалъ ему дары богаче іоанновыхъ, обѣщая сверхъ того дать все, что Крымъ получаетъ отъ Россіи. Дружба Хана измѣнилась, и осенью 1564 года полчища Крымцевъ прошли новыми путями, такъ быстро, что неожиданные явились передъ Рязанью. На Окѣ стояли только слабые отряды русскіе. Поспѣшно собрали войско, загородили путь въ Москву. Рязань спасъ любимецъ Іоанна Басмановъ. Онъ прискакалъ туда изъ ближняго своего помѣстья, вооружилъ жителей, сражался не-

утомленно, отбивалъ приступъ ходилъ, на вылазки, посылалъ разбивать отряды Татаръ по Окѣ и Волгѣ и такъ изумилъ непріятели, что Ханъ поспѣшно отправился восвояси, не дожидаясь приближенія царскихъ воеводъ. Тогда самъ Іоаннъ пріѣхалъ къ войску на Оку благодарить своего любимца, жаловать его товарищей.

Не болѣе спасностей видѣли отъ движенія Поляковъ на Полоцкъ. Тамъ осторожно стояло войско Іоанна. Князь Петръ Щенятевъ воеводствовалъ въ Полоцкѣ и не хотѣлъ сдаваться, когда Радзивиль и Курбскій подошли къ городу и облегли его. Другіе воеводы: Царь Симсонъ, князья Пронскій и Серебряный отряжаемы были Шихалеемъ изъ Великихъ Лукъ и хотѣли отрѣзать непріятели отъ Вильны. Радзивиль отступилъ за Двину; Русскіе напали на Озерище, взяли сію крѣпость. Нападеніе Сапеги на Черниговъ было неудачно. Сигизмундъ открылъ военныя дѣйствія и въ Ливоніи; Поляки опустошали окрестности Маріенбурга, Дерпта, входили въ Псковскую область осаждали Красный, принудили князя Шуйскаго и Шереметева отступить къ Воронежу, за то Русскіе жили и опустошали земли литовскія, зимою 1564 г. Курбскій вошелъ въ Великолуцкую область, но воины его занимались только грабежемъ.

Ничего не было страшнаго, Иоаннъ могъ двинуть громады войскъ, но врагъ его былъ въ немъ самомъ. Не видя побѣды, онъ во всемъ подозрѣвалъ измѣну, ничему, не вѣрилъ, не почиталъ себя безопаснымъ ни при войскѣ, ни даже въ Москвѣ, читалъ мысль о заговорѣ во взорахъ каждаго, слышалъ умыслъ въ каждомъ словѣ и, можетъ быть, вовсе не зная о томъ, какъ нѣкогда Царь ему подобный удалился изъ знаменитой столицы своей на бѣдный островокъ, Иоаннъ показалъ примѣръ новой капреніи черезъ 15 столѣтій послѣ Тиверіа.

И прежде Иоаннъ любилъ выѣзжать изъ Москвы, жить въ монастыряхъ, загородныхъ дворцахъ, помѣстьяхъ своихъ; съ нѣкотораго времени особенно полюбилъ онъ пребываніе въ Александровской слободѣ, верстахъ въ сотнѣ отъ Москвы. Но прежде всегда Иоаннъ объявлялъ куда ѣдетъ и на долго-ли. Теперь ничего не говорилъ Царь, ни митрополиту, ни боярамъ. Между тѣмъ видѣли сборы царскіе; Кремль уставлень былъ санями, возами, собиралась воинская дружина; любимцы іоанновы готовились въ отъѣздъ, замѣтили что изъ дворца и кладовыхъ выносятъ множество драгоценностей, иконы, золото, серебро. Никто не смѣлъ спросить Иоанна. Декабря 3 вельно было собраться боярамъ и духовенству въ Успенскомъ соборѣ.

Явился Царь, слушалъ молебень, молился, потомъ распрощался со всеми и отправился изъ Москвы съ дружиною, многочисленнымъ обозомъ, Царицею, обоими сыновьями. Въ недоумѣннн свѣдали, что Царь переѣхалъ въ Коломенское, прожилъ тамъ двѣ недѣли, потомъ жилъ въ Тайникскомъ, отправился въ Троицкую обитель и на святкахъ былъ уже въ любимой своей Александровской слободѣ. Ожидали извѣстій, распоряженій Иоанна: ничего не было слышно.

Января 3го 1565 года явился въ Москву Константинъ Поливановъ, онъ привезъ царскія грамоты: одну велѣно было вручить полному собранію духовенства и вельможъ, другую народу. Граматы были прочитаны по распоряженію Иоанна и изумили всехъ.

Царь писалъ, что все вельможи и царедворцы суть злые измѣнники, предають царство врагамъ, измѣняютъ ему, думаютъ только о своемъ обогащеніи и потому онъ рѣшился оставить свое государство и поселиться гдѣ только его Богъ вразумитъ. О томъ же говорилъ Царь народу, прибавляя что гнѣву, его не подвергается добрый народъ московскій, но удаленіе Царя происходитъ отъ нестерпимыхъ оскорбленій и измѣнъ боярскихъ.

„Что же хочетъ учинить великій Государь

нашъ?“ въ изумленіи спрашивали бояре и вельможи. „Государь оставляетъ насъ! что будетъ съ нами?“ — вопилъ народъ. „Если есть у него измѣнники, пусть казнить ихъ, но зачѣмъ оставлять насъ горькими сиротами! Кто будетъ править государствомъ? — нѣтъ! мы не измѣнники, мы вѣрные рабы его. Пойдемъ, умолимъ отца нашего воротиться.“

Положили, что митрополитъ останется въ Москвѣ для успокоенія народа, а избранное духовенство, вельможи, народъ отправятся немедленно къ Государю: ударить ему челомъ и плакаться, да не оставляетъ онъ вѣрный народъ свой и помылуеть царство.

Января 5го явилось посольство въ слободѣ Александровской. Царь допустилъ сперва духовенство, потомъ бояръ и вельможъ. Онъ говорилъ съ ними долго, велерѣчиво, упрекалъ ихъ въ измѣнѣ, въ зломъ умыслѣ, въ намѣреніи извести его самага, царицу и дѣтей. Наконецъ объявилъ, что готовъ принять снова государство, если отнынѣ будетъ ему полная воля казнить измѣну, безъ всякаго возраженія и противорѣчія со стороны духовенства и бояръ. Всѣ поверглись передъ нимъ и сказали, что всегда былъ онъ полный владыка казнить и миловать по своему произволенію. Никто

не дерзнулъ изречь противнаго слова. Царь угощалъ послѣ сего гостей своихъ, праздновалъ съ ними день Богоявленія, оставилъ при себѣ немногихъ; остальныхъ отпустилъ въ Москву, приказавъ отправлять дѣла обыкновеннымъ порядкомъ.

Около мѣсяца оставался еще Іоаннъ въ свободѣ своей. Въ это время выдумалъ онъ странное, неизвѣстное дотолѣ, положеніе объ опричникѣ. Что это такое было?

Іоаннъ рѣшился выбрать для себѣ тысячу человекъ тѣлохранителей изъ князей, княжатъ, дѣтей боярскихъ, осыпать ихъ богатствами, деньгами, заставить отречься отъ всего для его защиты. Вступая въ дружину опричниковъ, человекъ отказывался отъ родныхъ и отечества, онъ не былъ уже Русскій и подданный Іоанна, но опричь всего существующаго въ мірѣ, слуга Іоанна. Сія ужасная стража должна была отличатся особеннымъ нарядомъ, быть войскомъ и исполнителями повелѣній своего помѣщика, никто не смѣлъ судить ее, а послушаніе опричнику дѣлалось государственною измѣною. Изъ Москвы Іоаннъ отдѣлялъ себѣ часть, которую слѣдовало окружить отдѣльными укрѣпленіями и въ ней построить дворецъ ему и жилища для опричниковъ. Такую-же часть отдѣлялъ онъ себѣ и въ Кремлѣ. Изъ всей Россіи избиралъ онъ

и называлъ опричиною нѣсколько городовъ съ уѣздами изъ этихъ отдѣльныхъ земель должны были идти доходы на прожитіе Государя и раздаваться помѣстья стражѣ его. Особые чиновники должны были составить опричный дворъ. Съ исключеніемъ опричины отъ всякаго суда, осталная Россія, называясь земщиною, была однакожъ въ неограниченной волѣ Государя. Новою присягою обязывались всѣ на непрекословное рѣшеніе его, не должны были возражать или требовать суда въ случаѣ обвиненія и казни. Имѣнія казненныхъ и осужденныхъ шли къ опричнику. Иоаннъ предоставлялъ управленіе всѣми дѣлами боярамъ, которые отвѣчали ему во всякое время за свое управленіе. Важныя государственныя дѣла, объявленіе войны, заключеніе мира, зависѣло единственно отъ одного Царя.

Февраля 3го Иоаннъ объявилъ положеніе объ опричникѣ. Никто не противорѣчилъ. Тогда въ Кремля, на Абатѣ начали строить Царю опричный дворецъ; велѣно было набирать дружину опричниковъ; раздѣлять опричныя помѣстья отъ земскихъ. Февраля 4 начался судъ измѣнниковъ....

Александрѣ Борисовичѣ Горбатовѣ, который сражался нѣкогда подъ Казанью на Арскомъ полѣ и былъ первымъ намѣстникомъ Казани, изрекли

смерть съ 17ти лѣтнимъ его сыномъ. Ихъ вмѣстѣ повели на казнь. „Не дай видѣть мнѣ себя мертваго!“ сказалъ отецъ и легъ, первый на плаху. Сынъ поднялъ отсѣченную гдлову отца, поцѣловалъ и сказалъ: „благодарю Бога, что умираю безъ вины. Господи! прими духъ мой.“ Его казнили. Князь Дмитрій Шаферовъ былъ посаженъ на колъ. Казнили еще: Петра Ховрика, окольничаго Головина, князей Ивана Кашина и Петра Герекскаго.

И вдругъ велѣно было остановить казни. Иоаннъ изрекъ помилованіе другимъ опальнымъ. Оставляя жизнь князю Ивану Куракину и князю Дмитрію Оболенскому — нѣмому, онъ послалъ ихъ въ Волоколамскую обитель и велѣлъ постричь.

Еще милостивѣе поступлено было съ другими: боярину И. П. Яковлеву-Морозову, Л. Л. Салтыкову, Князю В. Серебряному, Ивану Охлябину, Захарію Плещееву велѣно было только дать клятвенныя записи въ вѣрности. Кромѣ ручательства митрополита и духовенства за cadaго изъ нихъ, поручители изъ бояръ и сановниковъ должны были взнести Царю въ случаѣ измѣны ихъ и злаго умысла огромныя суммы денегъ. Иоаннъ простилъ въ это время и знаменитаго Михаила Воротынскаго: велѣно было воротить его въ Москву изъ

ссылки, обязать поручительствомъ духовныхъ и бояръ, съ платежемъ въ случаѣ измѣны 15,000 руб. Замѣчательно, что, вопреки уставу опричнины, въ записяхъ упоминалось о ходатайствѣ духовныхъ особъ. Еще болѣе замѣчательны слова касательно Владиміра Андреевича. Опальные писали имя его на ряду съ другими врагами Государя, общаясь къ князю Владиміру не приставать ни къ его дѣтямъ, не служить имъ ни въ какомъ дѣлѣ, никакою хитростью, съ нимъ, съ его боярами, приказными и служильными людьми не дружитья и не ссылатся ни о какомъ дѣлѣ. Іоаннъ уже не скрывалъ своихъ опасеній, своѣй непріязни противъ брата. По разрядамъ 1565 г., отдѣляя стороженые полки на Тулу, онъ собралъ въ одно мѣсто многихъ враговъ своихъ: Владиміра Андреевича, Михаила Воротынскаго, Ивана Яковлева — Морозова, Ивана Шереметева меньшаго. Но не имъ ввѣрены были главныя войска; одни должны были только оставаться въ почетѣ на первую, опасность. Тогда же вмѣсто отдаленнаго обширнаго удѣла Владиміра, Іоаннъ промѣнялъ ему Старицу и другіе города на Дмитровъ и Звенигородъ; бояре владиміровы были смѣнены, вмѣсто ихъ даны другіе по выбору Іоанна. Владиміръ повиновался.

Послѣ такихъ распоряженій, когда въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ были готовы отличные дворцы, крѣпкіе, окруженные избранною стражею, когда по слову Царя, безъ суда и вопроса, опричникъ могъ принести къ нему голову своего отца, своего роднаго брата, когда Іоаннъ укрылся отъ сопровожденія боярѣ и составилъ себѣ совѣтъ изъ любимцевъ опричныхъ, онъ вздохнулъ спокойно. Объявлены были милости: число боярѣ умножено пожалованьемъ нѣсколькихъ. Царь не жилъ болѣе въ Кремлевскомъ дворцѣ, являлся туда рѣшать дѣла, но собственно ѣздилъ изъ мѣста въ мѣсто, не довѣряя никакой стражѣ и всего болѣе основалъ онъ пребываніе въ своей неприступной никому слободѣ Александровской.

Тогда снова обратилось вниманіе Царя на дѣла внѣшнія. Надобно было наконецъ подумать о спорахъ съ Сигизмундомъ, о Швеціи, о Крымѣ Смятенный умъ Іоанна запутывался въ различныхъ предпріятіяхъ. Царь то рѣшался на сильныя мѣры, то отлагалъ и медлилъ, хотѣлъ міра, не оставялъ и войны. Излагаемъ здѣсь объемъ внѣшнихъ событій до памятнаго 1570 года. Присовокупивъ къ сему то, что происходило въ сіи пять лѣтъ вокругъ Іоанна, внутри Россіи, мы увидимъ

вѣрное зеркало измѣненій, страданій души Царя и несчастнаго правленія Іоанна въ сіи годы.

Послѣ нерѣшительныхъ битвъ съ Поляками, 1564 года, казалось, съ обѣихъ сторонъ хотѣли искренно мира. Въ годъ опричины не было войны. Послы Сигизмунда прожили въ Москвѣ около двухъ мѣсяцевъ, лѣтомъ 1566 года. Царь не спорилъ даже за царскій свой титулъ, Король соглашался отдать Россіи Полоцкъ; но Ливонія была предметомъ безконечныхъ споровъ. Требуя Риги и полагая предѣломъ Двину, Іоаннъ обѣщалъ отпустить безъ выкупа плѣнныхъ Поляковъ, заплатить выкупъ за русскихъ плѣнныхъ, но за то требовалъ власти надъ всею Ливоніею, предполагая выгнать Шведовъ и Датчанъ, а Польшѣ предоставить одну Курляндію. Не видя конца пореговорамъ черезъ пословъ, предлагали съѣхаться лично Царю съ Королемъ между Смоленскомъ и Оршею, но заспорили объ обрядахъ и послы Сигизмунда рѣшились оставить Москву, не утвердивъ ни войны, ни мира.

Іоаннъ хотѣлъ знать общее мнѣніе своихъ подданныхъ. Іюля 2го 1566 года созванъ былъ Земскій совѣтъ, духовенство, бояре, чиновники, дворяне, даже купцы и торговые люди, всего 339 человекъ собрались въ кремлевскомъ дворцѣ.

Имъ предложили на разсужденіе, надобно-ли уступить Польшѣ Ригу и другіе ливонскіе города, взяты въ замѣнъ. Полоцкъ безъ уѣзда и еще нѣсколько городовъ въ Ливоніи, или начинать съ Божіею помощію войну и сражаться за правое дѣло? Общій голосъ всѣхъ присутствовавшихъ былъ тотъ, что отступить отъ Риги и прочихъ городовъ невозможно, ибо тогда Поляки будутъ всегда угрожать Пскову и Новгороду и отнимутъ всю торговлю у Русскихъ. Совѣтъ хвалили смиреніе Государя, уступавшаго Польшѣ столь многое, порицающаго высокоуміе Короля, который не думалъ всунуть въ Ливонію, пока мечъ русскій не уничтожилъ силы рыцарей, а потомъ, пользуясь слабостью Ливонцевъ, захватилъ себѣ чужое, что могъ. Взятіе Полоцка безъ уѣзда было отвергнуто „и село и деревня безъ полей не живутъ, а какъ быть городу безъ уѣзда?“ говорили на совѣтѣ. „Лихой сосѣдь лихо!“ повторяли другіе; утверждали что всѣ предложенія Польши коварны, ибо находясь во враждѣ съ Цезаремъ, Сигизмундъ хочетъ только выиграть время. Рѣшено: предоставить на волю Государя миръ и войну, но что если онъ рѣшитъ воевать, то совѣтъ благословляетъ и одобряетъ такое рѣшеніе. „Мы холопы его, и если къ государеву дѣлу годимся, то готовы головы класть,“

заклучили военные. „Мы люди неслужилые.“ прибавили купцы, „службы не знаемъ; вѣдаетъ дѣла Богъ да Государь, но не стоимъ за животы свои, и головы положить готовы, чтобы государева рука была вездѣ высока и побѣдоносна.“

Что же было слѣдствіемъ земскаго совѣта? Иоаннъ велѣлъ готовить полки, сказалъ посламъ польскимъ (13го Юля 1566 г.), что будетъ писать къ Королю. Договарясь о размѣнѣ плѣнныхъ, послы уѣхали (22го Юля); но и въ размѣнѣ плѣнниковъ вышли недоразумѣнія. Общія прислать пословъ, и въ самомъ дѣлѣ отправивъ пословъ ихъ (въ январѣ 1667 г.), Русскіе снаряжались на великую войну, строили крѣпости по границѣ, хотѣли сперва взять своихъ плѣнниковъ, потомъ выдать польскихъ. Соглашаясь заключить миръ въ Польшѣ, въ нарушеніе прежняго обычая заключать его въ Москвѣ, послы Иоанна рѣшительно хотѣли: уступки Полоцка съ уѣздомъ, Ливоніи по Двину и титула Царя ливонскаго, полоцкаго и смоленскаго. Наконецъ, не смотря на то, что видѣли Курбскаго въ сонмѣ вельможъ королевскихъ, Русскіе послы требовали выдачи измѣнника. Сигизмундъ отвергъ всѣ предложенныя условія, жаловался, что Русскіе, говоря о мирѣ, ищутъ войны. Въ самомъ дѣлѣ,

не только сильное войско русское шло въ Ливонію, но самъ Іоаннъ выѣхалъ изъ Москвы, осенью 1567 г. За Тверью догналъ его польскій посолъ. Царь принялъ посла въ шатрѣ, вооруженный, разжаловался на Сигизмунда, велѣлъ посла отправить въ Москву и посадить въ темницу, и самъ спѣшилъ въ Новгородъ. 20го октября встрѣтили его архіепископъ и духовенство новгородское въ Бронницахъ; послѣ молебновъ и пировъ у владыки и у Царя, Іоаннъ двинулся ко Пскову. Чрезвычайную тягость народу составляло содержаніе его многочисленнаго двора. Близъ Краснаго, въ селеніи Аршанскомъ, вдругъ измѣнились всѣ намѣренія Іоанна. Онъ собралъ воеводъ, разсуждали, что въ Ливоніи язва, что время для войны невыгодно, что Поляки могутъ ворваться въ это время въ русскіе предѣлы. Словомъ: Царь послалъ сказать Королю, что шелъ для свиданія съ нимъ, и готовъ мириться, уѣхалъ въ Москву, отпустилъ задержаннаго посла сигизмундова, и послалъ снова говорить о мирѣ.

Такъ прошелъ и 1568 годъ. Въ свою очередь, Сигизмундъ собралъ сильное войско. Онъ слышалъ объ ужасахъ въ Москвѣ, заговорѣ на жизнь Царя, но вскорѣ потомъ услышавъ о казни заговорщиковъ, распустилъ войско свое, и война кончилась

мелкими ошибками. Подъ Улою Русскіе разбили Поляковъ, Поляки сожгли новоостроющуюся крѣпость Копье, грабили около Велижа и отрядъ польскій, назвавшись о при ч н и к а м и, нечаянно захватилъ Изборскъ; Русскіе выгнали его изъ Изборска, ходили жечь Витебскъ. Въ началѣ 1569 г. размѣняли плѣнныхъ. Войны вовсе не было, и Царь и Король остановились, какъ будто хотѣли видѣть слѣдствія важныхъ дѣлъ на югѣ Россіи.

Мы упоминали о замыслѣ Султана, о чѣмъ извѣстилъ Іоанна Ханъ крымскій еще въ 1564 году. Солиманъ, обновитель славы Оттомановъ; завоеватель Родоса, Багдада, Аравіи и Африки, грозившій цѣлой Европѣ, думавшій объ освобожденіи Индіи отъ власти Европейцевъ, хотѣлъ положить предѣлы и увеличенію Россіи. Онъ думалъ отправить сильное войско Дономъ, прорыть каналъ изъ Волги въ Донъ, учредить черезъ то вѣрныя сообщенія, взять Казань, Астрахань, стѣснить Москву. Сынъ его Селимъ рѣшился исполнить предпріятія отца, не смотря на возраженія крымскаго Хана, что дѣло невозможно, что для этого надобно побѣдить сильныя войска Русскихъ, что если Султанъ отправитъ многочисленныя полчища, имъ нечѣмъ будетъ питаться въ степяхъ донскихъ и приволжскихъ, непрерывно выкупая битвами каждый шагъ. Ха-

на ужасало предпріятіе Султана, ибо въ случаѣ успѣха онъ могъ потерять свою независимость; явились бы царства не татарскія, но турецкія. Селимъ велѣлъ Хану повиноваться, отправилъ войско, приказавъ двинуться кафинскому Пашѣ съ флотомъ и артиллеріею, а Хану соединиться съ нимъ и обоимъ идти прямо на Волгу, воевать Русскихъ и рыть каналъ.

Іоанну извѣстно было предпріятіе Султана, но можетъ быть, почитая его несбыточнымъ, онъ ужаснулся исполненія, и не думалъ отвратить его какимъ нибудь огромнымъ предпріятіемъ. Велѣно было только охранять границы отъ Татаръ и Польши. Въ Астрахань отправили по Волгѣ князя Серебрянаго и Замятно-Сабурова, съ небольшимъ отрядомъ. Новость дѣла страшила паче всего. Посоль царскій въ Крыму былъ лишенъ свободы, Семень Мальцовъ находившійся у Ногаевъ, былъ захваченъ въ полонъ Турками. Донскіе Козаки бѣжали изъ своихъ селеній, Ногаи, Черкесы не смѣли двинуться, многіе изъ нихъ передались къ Туркамъ и вызывались вести ихъ къ Казани, къ Астрахани. Король польскій спѣшилъ кончить всѣ ссоры свои съ Султанами и готовъ былъ помогать. Царь робко укрывался въ слободѣ своей и ждалъ вѣстей. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы предпріятіе

Турокъ было произведено по замысламъ Солимана, страшная опасность угрожала бы Россіи. Но на тронѣ Султановъ сидѣлъ ничтожный Селимъ; Польшею правилъ старый, беспечный Сигизмундъ. Ханъ крымскій, не смѣя ослушаться, рѣшился дѣйствовать не на помощь, но на гибель Турокъ и обширный замыселъ Турокъ кончился стыдомъ и бѣгствомъ.

Султанъ прислалъ къ кабринскому Пашѣ столь мало людей, что все войско турецкое, отправившееся съ нимъ, состояло изъ 20 тысячъ. Паша плылъ Дономъ до того мѣста, гдѣ Донъ сближается съ Волгою, Ханъ сошелся съ нимъ недалеко оттуда и привелъ 50,000 Татаръ. Ужасаясь пустыннаго плаванія по Дону, Паша дивился, что никто не препятствуетъ его походу, и говорилъ, что 2000 Козаковъ могли бы погубить его и все турецкое войско. Въ августѣ 1569 г. Паша началъ рыть каналъ, но предпріятіе было столь нелѣпо, способы столь недостатчны, опасеніе отъ Русскихъ столь велико, что векорѣ оставили работу, и Паша рѣшился перетащить суда изъ Дона въ Волгу по землѣ. Тутъ явились послы Іоанна съ увѣреніями въ дружбѣ, съ подарками Пашѣ. Онъ принялъ дары, и пошелъ на Астрахань, остановился, началъ строить крѣпость, хотѣлъ оставить въ ней

турецкое войско, и осенью вдругъ поворотилъ обратно въ Крымъ. Татары повели его бесплодными степями. Козаки, Черкесы явились отовсюду, грабили, нападали на Турокъ, даже успѣли зажечь въ Азовѣ пороховые запасы и причинить великій вредъ городу. Недалеко отъ Азова встрѣтили Пашу послы турецкій и польскій: Султанъ приказывалъ ему удерживаться на Волгѣ, обѣщая прислать помощь, Король обѣщалъ идти на Москву, уговаривая къ тому же и Хана крымскаго. Но Паша ничему не вѣрилъ, писалъ, уже изъ Кафы, что бѣдствія его похода превосходятъ всякое вѣроятіе, и предпріятіе рѣшительно невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, едва треть Турокъ воротилась во свояси, остальные погибли въ битвахъ съ Козаками и Черкесами, отъ голода, трудовъ, изнуренія. Паша сохранилъ свою голову на плечахъ, пославъ богатые подарки въ Царьградъ вельможамъ Султана, и на другой годъ забыли о предпріятіи противъ Русскихъ. Война съ Венеціанами и мужество героя Жуана увлекли вниманіе Селима на западъ.

Іоаннъ успокоился, когда получилъ подробныя извѣстія о дѣлѣ отъ Аванася Ногай и отъ Семена Мальцова, котораго влачили съ собою Турки въ своемъ походѣ, и потомъ выкупилъ Ногай! Вѣр-

ный слуга пріѣхалъ въ Москву и разсказалъ Царю всю тщету замысловъ турецкихъ, вмѣстѣ съ страданіями претерпѣнными имъ. Ханъ крымскій нагло схалился своею измѣною противъ Султана, и требовалъ дружбы русской, т. е. подарковъ. Козаки снова явились на Дону, кавказскіе Горцы отдохнули отъ страха; они не боялись уже ни Турокъ ни Татаръ, обѣщали по прежнему безопасность Астрахани и просили только докончить городъ на Терекѣ, который могъ бы служить для нихъ опорою.

Но Іоаннъ не думалъ ни укрѣпить дружбы Татаръ, ни устрашить ихъ и Султана сильными мѣрами, ни даже рѣшить въ это время долготѣною вражду съ Сигизмундомъ. Хана крымскаго только увѣряли въ дружбѣ, продолжали вооружать противъ него Ногаевъ, Черкесовъ, одобрять мѣлкую войну донскихъ Козаковъ. Іоаннъ велъ бесполезные переговоры съ Персіею, которая не могла ни вредить ни помогать и вздумалъ также безъ пользы польстить самолюбію Султана. Въ январѣ 1570 г. отправился въ Царьградъ посолъ Новосильцовъ съ поздравительными грамотами о восшествіи Селима на тронъ отцовскій съ увѣреніями въ дружбѣ, въ усердіи Русскихъ къ мугаммеданской вѣрѣ. Султанъ потребовалъ уничтоженія крѣпости на Терекѣ, отдачи Казани, Астрахани, даже подданства

русскаго Царя. Онъ говорилъ, что готовится идти уже не на Астрахань, но прямо на Москву, строить мосты на Дунаѣ, собираетъ припасы въ Молдавіи, что Король польскій уступаетъ ему Кіевъ, гдѣ будетъ главное становище Турецкихъ войскъ. Иоаннъ ничѣмъ не оскорблялся, ни укоридами, ни упреками, отправилъ снова увѣренія въ дружбѣ (въ мартѣ 1571 г.), соглашался уничтожить турецкую крѣпость, просилъ мира. Султанъ отвѣчалъ попрежнему, угрожалъ. А Ханъ крымскій, видя униженіе Царя, ободрился. Отряды его разбили Черкесовъ, приходившихъ къ крымскимъ берегамъ, два шурина царскіе были взяты въ плѣнъ. Тогда Ханъ не позналъ мѣры гордости, готовился идти къ Москвѣ, хищники его начали появляться въ южныхъ степяхъ.

Иоаннъ слышалъ объ этомъ и спѣшилъ прекратить войну съ Сигизмундомъ. Многочисленное, знатное посольство польское прибыло въ Москву весною 1570 года. Сигизмундъ соглашался на перемиріе, если Иоаннъ не хочетъ заключать мира, и перемиріе заключено было на три года. Обѣ стороны остались впредь до рѣшенія при томъ, что которая имѣла въ рукахъ. Послы польскіе со страхомъ видѣли тогда внутренній образъ правленія іоаннова. Казни и ужасы окружали престоль

Царя. Въ тоже время окрестъ его плясали шуты и скоморохи, съ которыми забавлялся онъ, не боясь стыда въ виду иноземцевъ. Въ тайномъ переговорѣ, послы сказали Царю отъ имени литовскихъ вельможъ, что Польша ожидаетъ кончины слабаго своего Короля, многіе мыслятъ предложить Иоанну корону польскую, ибо съ кончиною бездѣтнаго Сигизмунда прекратится родъ Ягеллы и надобно будетъ избирать властителя достойнаго. У меня и безъ васъ велико государство, на что мнѣ ваша Литва и Польша? отвѣчалъ Иоаннъ и прибавилъ, что если въ самомъ дѣлѣ вельможи литовскіе имѣютъ такое намѣреніе, то пусть заключатъ прежде миръ съ Россіею, и въ залогъ дружбы отдадутъ Царю руку сестры сигизмундовой Софіи. Отпуская пословъ къ Королю для подтвержденія мирнаго договора, Царь приказывалъ имъ смотрѣть крѣпко, чтобы „Король, присягая, цѣловалъ крестъ на обѣихъ граматахъ, русской и польской и цѣловалъ губами, самый крестъ, не подножіе, не мимо креста, и не носомъ бы только дотронулся до креста.“ Послы выполняли строго приказъ царскій и порадовали Иоанна извѣстіемъ, что въ Литвѣ рѣшительно думаютъ избрать его на мѣсто Сигизмунда, послѣ смерти королевской, что паны ли-

товскіе готовы стараться о супружествѣ его съ королевною Софією.

И такъ Іоаннъ искалъ себѣ супруги? Но царица Марія была еще жива. Не будемъ удивляться: Іоаннъ стоялъ въ это время на послѣдней степени нравственнаго паденія. Въ этомъ отношеніи изъ внѣшнихъ дѣлъ Россіи всего любопытнѣе переговоры его съ Швеціею и Англіею.

Безумный сынъ Густава, Эрихъ, продолжалъ властвовать въ Швеціи, безразсудно воюя и мирясь, казня подданныхъ и безславя великое имя отца своими дѣяніями. Онъ возненавидѣлъ брата своего Іоанна, который женился въ 1562 г. на Екатеринѣ, сестрѣ Сигизмунда, владѣлъ Финляндскимъ удѣломъ и не препятствовалъ Эриху сумаобродствовать. Обольстивъ брата притворною дружбою, Эрихъ заключилъ его въ тюрьму, не рѣшался на казнь, но не давалъ и свободы. Великодушная Екатерина умоляла позволить ей раздѣлить темницу съ супругомъ. Послѣ мира, заключеннаго съ Россіею въ 1563 году, Эрихъ хотѣлъ прочной дружбы русскаго Царя; предлагалъ союзъ противъ Польши и родственную связь, соглашаясь выдать дочь свою Виргинію за царевича Іоанна. Царь отвѣчалъ на это предложеніемъ другаго родства: онъ обѣщалъ дружбу и помощь Эриху, если Эрихъ согласится

отдать ему по доброй волѣ или насильно, жену несчастнаго брата своего, Екатерину. И Эрихъ согласился. Въ началѣ 1567 г. пріѣхали въ Москву шведскіе послы. Заключили договоръ, равно постыдный для обоихъ властителей. Царь навсегда уступалъ Швеціи Ревель и Эстляндію, обѣщалъ защиту противъ враговъ, Эрихъ обѣзая выдать посламъ царскимъ Екатерину, и послы прибыли за нею въ Стокгольмъ въ іюль 1567 года. Но отвратительное дѣло Эриха возбудило всеобщее негодованіе Шведовъ и рѣшило участь его. Вельможи, народъ, терпя до сихъ поръ весь позоръ царствованія Эриха, не выдавали ему Екатерины. Эрихъ не смѣлъ отпустить русскихъ пословъ безъ исполненія договора, предлагалъ имъ снова дочь свою, хотѣлъ высватать за Іоанна сестру Екатерины; Царь требовалъ одного: выдачи Екатерины и не слушалъ никакихъ отговорокъ. Такъ прошло болѣе года. Мѣра безумія эрихова совершилась: въ сентябрѣ 1568 года Стокгольмъ взволновался, Эрихъ былъ низверженъ, и Іоаннъ и Екатерина изъ темницы перешли на престолъ Шведскій. Въ смятеніи народномъ ограбили, едва не убили пословъ ненавистнаго Царя московскаго. Ихъ удалили въ Або, и новый Король шведскій отнесся къ Царю грамотою, представляя ему все

непреличіе его договора съ Эрихомъ. Къ удивленію, Царь отвѣчалъ милостиво и ласково, увѣрялъ, будто Эрихъ обманулъ его, сказалъ, что Екатерина вдова, что супругъ ея скончался въ заключеніи, но, что если бы извѣстно ему было о существованіи Іоанна, онъ никогда не подумалъ бы учинить незаконнаго дѣла и отнимать жену у живаго мужа. Обѣщая миръ и дружбу Швеціи, Царь прислалъ опасныя грамоты для проѣзда шведскихъ пословъ въ Москву. Іоаннъ повѣрилъ, русскихъ пословъ отпустили съ честью и шведскіе послы пріѣхали въ Россію въ началѣ 1570 года. Тогда Царь не хотѣлъ болѣе скрывать своего гнѣва; по его приказанію, шведскихъ пословъ ограбили, обругали въ Новгородѣ, и въ цѣпяхъ привезли въ Москву. Здѣсь читали ихъ грамоты. „Король предлагаетъ мнѣ дружбу, какую изъявлялъ я къ брату его Эриху, но цѣною дружбы была Екатерина. Согласенъ ли вашъ нынѣшній Король отдать мнѣ жену свою?“ Такъ говорилъ онъ посламъ, которые только удивлялись требованіямъ, а Царь называлъ Короля злодѣемъ, измѣнникомъ, грозилъ, что пойдетъ на него войною, отниметъ у него не только Эстонію, но и Финляндію. Пословъ увезли въ Муромъ, заключили тамъ въ крѣпкой тюрмѣ, и со-

держали такъ жестоко, что изъ 50ти человекъ свиты ихъ умерло отъ болѣзней 15ть человекъ.

Не таковы были сношенія Иоанна съ Англіею: здѣсь Царь изъявлялъ необыкновенную крѣпость, ласковость, уваженіе. Дозволивъ свободную торговлю Англичанамъ, договоръ съ ними подтвердили въ 1567 и 1569 гг. — Славный Дженкинсонъ три раза былъ съ Москвѣ, умѣлъ поддержать дружбу Царя, такъ что Иоаннъ не уважая торговыхъ сношеній съ Голландіею и Ганзейцами, велѣлъ исключить англійскихъ купцовъ и дома, подаренные имъ въ Москвѣ и другихъ городахъ, изъ общаго земскаго суда, и ввести въ опричнину. Елисавета царствовала въ Англии, не внимала жалобамъ Королей датскаго, польскаго, шведскаго, представлявшихъ ей, что торговлею съ Русскими она увеличиваетъ силу и могущество опаснаго русскаго Царя на погибель Европѣ. Купцы русскіе свободно ѣздили въ Англіею, а товары англійскіе безопасно шли черезъ Россію въ Персію и Индію. Царь прощалъ даже всякое корыстолюбіе англійскихъ купцовъ, и не слушалъ жалобъ, возникавшихъ противъ нихъ при дѣлахъ съ его подданными, болѣе: посольство Елисаветы Рандольфъ пріѣхалъ въ Россію въ 1568 году, не хотѣлъ дожидаться, пока назначатъ ему день представленія къ

Царю, требовалъ назначенія настоятельно, грубо. Иоаннъ велѣлъ позвать его къ себѣ, но безъ соблюденія обрядовъ. Рандольфъ оскорбился, почиталъ обиженною честь своей Королевы, надѣлъ шляпу передъ Царемъ, и — не возбудилъ ни малаго гнѣва. Царь говорилъ съ нимъ кротко, вѣжливо.

Вскорѣ открылась тайная причина особенной милости Иоанна къ Англичанамъ: не государственныя выгоды, не богатства торговли имѣлъ въ виду Царь — нѣтъ! онъ готовилъ себѣ убѣжище въ Англіи, не вѣря, не считая себя безопаснымъ, ни въ опричныхъ крѣпостяхъ своихъ, ни среди ужаса казней! Царя русскаго опасались въ Европѣ; говорили о полу-милліонѣ войскъ его, о недавнемъ неудачномъ походѣ въ Россію Турокъ, устранившихъ Италію и Имперію, о дерзкихъ поступкахъ русскаго властителя противъ Польши, Швеціи, о безмѣрности земель его, а онъ — трепеталъ тѣни своей, унижался до того, что просилъ изъ милости мѣстечка у англійской Королевы, гдѣ могъ бы дожить остатокъ жизни, ненавистной ему самому. Дѣло невѣроятное, но свидѣтельства несомнительны!

Ночью, вскорѣ послѣ публичнаго представленія, Рандольфа позвали къ Царю, безъ свиты въ русскаго одеждѣ. Онъ видѣлъ Царя, долго говорилъ съ нимъ, и съ изумленіемъ услышалъ просьбу

Іоанна, что не надѣясь царствовать безопасно въ Россіи, онъ умоляетъ Королеву, въ случаѣ опасности, позволить ему пріѣхать въ Англію, и тамъ спастись отъ враговъ. Рандольфъ обѣщалъ согласіе Королевы. За то Іоаннъ не щадилъ милостей Англичанамъ. Савинъ отправился отъ него посломъ въ Англію, вмѣстѣ съ Рандольфомъ; Елисавета приняла его дружески и великолѣпно и 18 Мая 1570 года вручила ему грамоту, въ которой обѣщала дружбу, союзъ съ Россіею, и убѣжище Царю въ Англіи, гдѣ можетъ онъ жить на собственномъ иждивеніи, по своей волѣ, свободно отправляя обряды своей вѣры!. Іоаннъ еще забывавшій своей гордости, досадовалъ, что Елисавета не подтвердила обѣщаній торжественнымъ посольствомъ. Ему казалось недостаточно тайнаго договора; но онъ былъ однакожъ доволенъ, скрылъ свое негодованіе, продолжалъ милостивое расположеніе къ Англичанамъ, и въ грамотѣ Елисаветы видѣлъ залогъ своего спасенія на случай бѣды.

Здѣсь съ изумленіемъ спрашиваемъ сами себя: тотъ ли это Іоаннъ, тотъ ли Царь, который покорилъ Казань, Астрахань, устранилъ Крымъ, грозно губилъ Ливонію, былъ утѣхою подвластныхъ, радовалъ своимъ милосердіемъ, законами, мудрыми учрежденіями? Тотъ самый, но до того довели

несчастливаго Царя необузданныя страсти, и такъ должно было кончить тому, кто заградилъ истинѣ входъ во дворецъ свой и добровольно отвергся добра! — Еще неполнѣ знаемъ мы всю великость измѣненія Іоанна въ это время, съ горестнымъ чувствомъ начинаемъ ужасающую картину внутреннихъ событій въ Россіи съ 1565 го до 1570 года.

Казалось, что послѣ казней, опаль, учрежденія опричнины, въ 1565 году, Іоаннъ отвелъ душу. Онъ укрывался въ своихъ опричныхъ дворцахъ, веселился среди своихъ избранныхъ друзей и услужниковъ, большею частію жилъ въ Александровской слободѣ, которая сдѣлалась небольшимъ, но живымъ, дѣятельнымъ городомъ, гдѣ находились дома вельможъ, богатые торговые ряды, великолѣпно убранныя церкви. Никто не смѣлъ близко подъѣзжать и подходить къ обителицу Іоанна, еще труднѣе было проникнуть внутрь царскаго жилища, гдѣ Царь пустынножительствовалъ съ своими друзьями. Онъ и товарищи его жизни отличались странными нарядами; день проходилъ въ смѣшеніи молитвы съ пиромъ, казней съ весельемъ, думы о царствѣ съ заботами о домашнемъ хозяйствѣ, сладострастныхъ забавъ съ травлею медвѣдей и хищныхъ звѣрей. Когда Царь отправлялся въ Мос-

кву, на богомолье, или на охоту въ разныя мѣста, его окружали опричники. и страхъ гналъ съ пути его каждого богатаго и бѣднаго, вельможу и простолюдина, отца съ дочерью, мужа съ женою.

За два года до опричнины, ноября 21. 1563 г. умеръ Юрій, единственный братъ Иоанна; черезъ мѣсяць, 31 декабря 1563 г. скончался и дряхлый митрополитъ Макарій, послѣ 20ти лѣтняго правленія россійскою церковью. Другъ Адашева и Сильвестра, во время ихъ правленія, онъ безмолвно предалъ ихъ гнѣву Царя, умѣлъ сохраниться только тѣмъ, что отрекался отъ всѣхъ дѣлъ государственныхъ и оставилъ память по себѣ единственно ревностію къ церкви, любовью къ исторіи отечественной, и тѣмъ, что первый завелъ въ Россіи книгопечатни, стараясь исправить церковныя книги, искажаемыя невѣждами переписчиками. По кончинѣ его съѣхались русскіе владыки въ Москву для избранія новаго митрополита. Царь повелѣлъ имъ разсудить, почему первосвятитель церкви россійской не носитъ бѣлаго клобука, чѣмъ отличается владыка новгородскій, и почему не печатаетъ онъ грамотъ своихъ краснымъ воскомъ? Послѣ совѣщанія положено было придать сіи новыя отличія митрополиту. Тогда къ досадѣ многихъ, Царь указалъ на избраннаго имъ: это былъ Ан-

дрей, бывшій протоіерей Благовѣщенскій, царскій духовникъ, укрывшійся въ Чудовскую обитель, послѣ паденія Адашева и Сильвестра, постригшійся тамъ и жившій смиренно подъ именемъ инока Аѳанасія. Не смотря на болѣзни и старость, онъ не смѣлъ отказаться, скорбѣлъ на первосвятительскомъ престолѣ, видѣлъ установленіе опричнины, отрекаясь отъ ходатайствованія предъ Государемъ за опальныхъ и подпадающихъ гнѣву его. Не прошло двухъ лѣтъ, и Аѳанасій упросилъ освободить его отъ величія, позволить ему снова укрыться въ Чудовскій обители (въ Маѣ 1566 г.) Царь вызвалъ изъ Казани тамошняго владыку Германа и объявилъ его митрополитомъ. Чистый нравами, неученый, но твердый и смѣлый первосвятитель дерзнулъ потребовать тайной бесѣды, съ Царемъ. Здѣсь наединѣ онъ высказалъ ему всю душу свою, изрекъ истины, какія отвыкъ слышать Іоаннъ; говорилъ ему о жизни и судѣ за гробомъ, требовалъ исправленія. „Еще ты не митрополитъ, а уже хочешь вязать меня!“ отвѣчалъ Царь; но вышелъ мраченъ и задумчивъ. Его совѣтники свѣдали о тайномъ разговорѣ, ужаснулись, говорили Царю, что Германъ хочетъ быть вторымъ Сильвестромъ. Басмановъ упалъ къ ногамъ его и молилъ спасти ихъ отъ новаго лицемѣра. Іоаннъ

объявилъ, что не соизволяетъ Германа въ митрополиты, искалъ окрестъ себя и нашелъ великаго мученика правды.

Нерѣдко прїѣзжалъ въ Москву изъ отдаленнаго Соловецкаго монастыря престарѣлый игумень Филиппъ, съ святою водою и съ мощами. Онъ происходилъ изъ почетнаго роду Кольчевыхъ; тридцати лѣтъ, въ 1537 г., отрекся отъ міра, уже около тридцати лѣтъ былъ инокомъ и 18^{тъ} лѣтъ настоятелемъ Соловецкой обители. Избранный общимъ желаніемъ братіи, за свое постническое, примѣрное житіе, Филиппъ показалъ необыкновенную дѣятельность въ устройствѣ монастыря; ввелъ порядокъ въ жизни, умножилъ доходы, строеніе монастырское, изумлялъ своими механическими заведеніями, заслужилъ любовь вельможъ, являясь въ Москву, и вниманіе Іоанна, нещадившаго даровъ и милостей добродѣтельному игумену. Вдругъ Филиппъ былъ потребованъ нарочно въ Москву, и Царь велѣлъ объявить ему избраніе его въ митрополиты. Старець не ослушался; онъ отдалъ братіи соловецкой все, что еще имѣлъ у себя — деньги, кресты, родовыя иконы; молилъ ихъ записать имена родителей его и брата на вѣчное поминовеніе; повѣсилъ на гробъ св. Савватія свою рѣзную панагію; умолялъ не забыть его въ поминовеніи, когда услышатъ объ

его кончинѣ, и отправился въ Москву. Слава предупредила благочестиваго мужа на пути; народъ выходилъ къ нему на встрѣчу; въ Новгородѣ умоляли его ходатайства за народъ передъ грознымъ Царемъ. Иоаннъ встрѣтилъ старца съ необыкновенною милостію, и не хотѣлъ слушать его отрицаній. Тогда Филиппъ началъ говорить, что онъ не приметъ митрополитства, пока Царь не разрѣшилъ ему власти ходатайствовать за опальныхъ, не уничтожитъ опричнины, не прекратитъ раздѣленія на земщину и опричнину, ибо по слову самаго Бога: „аще царство раздѣлится, то запустѣетъ.“ Съ изумленіемъ и страхомъ слушалъ его Иоаннъ, видя, что одинъ духъ проникъ повсюду, что даже и смиренный настоятель отдаленной обители говоритъ ему тоже, что говорятъ первостепенные владыки. Онъ скрылъ досаду, страхъ; сказалъ, что его воля непремenna. Филиппъ служилъ обѣдно и вдругъ торжественно обратился къ Царю, и повторилъ свое требованіе. „Ты-ли не знаешь, что ближніе мои возстали на меня и хотятъ проглотить меня, какъ лютые звѣри!“ воскликнулъ Царь. Онъ объявилъ гвѣвъ свой Филиппу. „Я не искалъ великаго сана; да позволить мнѣ Царь удалится,“ отвѣчалъ Филиппъ. Но Царь не хотѣлъ избрать другаго, приказалъ всему собору владыкъ и духо-

венства уговоривать Филиппа. Старецъ согласился, и утвердилъ записью, что „не будетъ вступаться въ опричнину и въ царскій домовый обиходъ.“ Черезъ пять дней Филиппа возвели въ достоинство митрополита; подозрѣніе запала въ душу Царя, но Царь и митрополитъ безмолвствовали.

И вскорѣ на главныхъ вельможъ пало вновь гибельное подозрѣніе Царя. Не знаемъ: вѣрить ли свидѣтельству современниковъ, что дѣйствительно тогда составился страшный заговоръ въ Москвѣ? Главою его были, говорятъ, Владиміръ Андреевичъ и знаменитый бояринъ и конюшій Иванъ Челяднинъ, сынъ воеводы, умершаго плѣнникомъ въ Литвѣ послѣ Оршинской битвы, старикъ, женатый на бывшей княжнѣ Дорогобужской, матери юнаго князя, казненнаго Іоанномъ въ 1545 году. Пристали и другіе, прежніе крамольники, доселѣ уцѣлѣвшіе: князя Самсонъ Ростовскій, Турунтой Пронскій. Думали призвать на помощь Сигизмунда; Король, какъ мы видѣли, дѣйствительно собралъ тогда сильное войско, а Іоаннъ не готовился къ защитѣ. Онъ хотѣлъ испытать вѣрность вельможъ своихъ: Мстиславскому, Бѣльскому, Мих. Воротыньскому и Челяднину вручилъ грамоты нѣкто Иванъ Козловъ отъ имени Сигизмунда и Гетмана литовскаго Хоткевича. Король и Хоткевичъ писали,

объщая великія милости, поносили Иоанна, указывали на примѣръ Курбскаго и требовали измѣны. Кажется, что всѣ четверо испытуемыхъ поняли хитрость, представили Государю присланныя къ нимъ грамоты, представили и отвѣты — такіе, какихъ, конечно, не позволили — бы они себѣ, если бы не вѣдали, что письма ихъ не пойдутъ по назначенію, но останутся у Царя.

Содержаніе отвѣтовъ было почти одинаковое; всѣ укоряли Сигизмунда, что онъ вѣроломно нарушаетъ честь государственную, не стыдится ихъ, почетныхъ бояръ, уговаривать на вѣроломство, не стыдится подсылать къ нимъ негодяевъ; всѣ хвастали своими высокими званіями; гордились милостью Государя своего, съ насмѣшкой требовали у Короля половину его государства и подданство его съ остальною половиною Царю русскому. „Знаешь ли ты, Король,“ писалъ Бѣльскій, „что такъ какъ ты поступаешь, поступаютъ только прокураторы, фальшеры и лотры? Неприлично государямъ такъ удѣлывать, и такими безлѣпичными листами ссоры чинить, воровскимъ обычаемъ хапать, когда оружіемъ побѣдить невозможно. Но тверда держава Царя нашего, вѣрны ему мы, послушные рабы его. И до того унижаешься ты, Король, что страдника, хлопча, посланника твоего

Ивашку Козлова, именуешь своимъ вѣрнымъ слугою! Онъ не стоитъ и того, чтобы у людей хуже насъ соръ въ грудѣ сметать, а ты позволилъ ему себя напитать ядомъ измѣны, какъ змій Еву. Царь нашъ вѣрныхъ всѣхъ жалуешь, а если онъ казнить измѣнниковъ, то гдѣ-же ихъ не казнять? Пишешь ты, что мы рабы нашего Царя, а Богъ сотворилъ человѣка свободнымъ, и не явно-ли ты лжешь? Вспомни, что Адамъ былъ уже первый невольникъ, когда отъ свѣта перешелъ въ тму, отъ славы въ кожаны ризы, отъ покоя въ трудъ, отъ нетлѣнія въ тлѣніе, преступилъ заповѣдь и былъ осужденъ, и — се была первая человѣческая неволя, вторая послѣ столпотворенія — разсѣяніе, третья Аврааму опредѣленная — обрѣзаніе, Исааку — заповѣданіе, а Іакову и Моисею — законъ. И самъ Іисусъ Христосъ не по заповѣдямъ-ли ходилъ? видишь ли ты, что человѣку свободы ни гдѣ не было и нѣтъ? И хороша свобода твоя, Король, когда твои паны dospѣли тебя фальшеромъ, и такую безлѣпицу писать уговорили! Помнимъ мы также свободу предковъ нашихъ, когда прадѣдъ нашъ Иванъ и дѣдъ Ѳедоръ едва съ кошулей утекли отъ предковъ твоихъ, и въ русской землѣ честь и богатство получили, не разнясь съ другими, какъ у васъ всѣ между собою равны! Нами никто

кромѣ Государя не повелѣваетъ, а гдѣ не будетъ воли государекой, тамъ подданные возшатаются, словно пьяные. Самъ ты называешь насъ дородными и разумными, а уговариваешь измѣнять и фальшерами быть такъ, какъ ты самъ сдѣлался; да знаешь-ли, что у насъ такихъ быютъ, а не хвалятъ?“ — „Всѣ твои умыслы“ писалъ Метиславскій — „какъ малая пѣна противъ утеса, который пѣнистое и бѣшеное море потопить не можетъ составляя собою корабль. Твердо стоимъ мы, и великій Царь нашъ, на камени церкви, неодолимомъ вратами адовыми, и не боится погибели самодержавство Царя и наша вѣрность, за что насъ Государь чествуетъ и жалуетъ.“ — „Видно нѣтъ у тебя добрыхъ людей“ — „писалъ Воротынский — когда ты посылаешь къ намъ худаго хлопца, Ивашку Козлова, называя своимъ вѣрнымъ слугою. Такого порабка мы и къ лошадямъ нашимъ не допустимъ, нетокмо, чтобы вѣрность на него положить. Плохо твое королевство, если такіе у тебя люди хороши! И не диво, ибо родомъ ты, Король, приходишь отъ конюха Гедимина и на королевство избранъ, а не коренной Государь. А нашъ Царь родомъ отъ Августа Кесаря и воля ему прирожденная жаловать и казнить. Кто послѣ смерти твоей вспомнитъ о тебѣ: дѣтей у тебя нѣтъ; сестра твоя

Анна сидитъ въ дѣвкахъ, а Катерину выдали паны твои поневолѣ, она хотѣла дать руку свою нашему Царю, да паны ваши не велѣли. А ты еще другимъ о свободѣ говоришь, когда самъ ни въ чемъ не воленъ! Упаси насъ Боже, чести съ твоими панами равными быть. Налгалъ тебѣ хлопецъ Иванъ Козловъ, будто отецъ мой хотѣлъ къ тебѣ предаться: вретъ онъ собака, злодѣй, подобно бѣшеному псу, ядомъ память отца моего укоряющій. Страдалъ отецъ мой за свои вины, но не за измѣну. Благодарю тебя, Король, что ты хочешь наградить тѣмъ, чего и самъ не имѣешь; только такая сатанинская гордость чему подобна? Забылъ ты слова Спасителя: если възиграешь, какъ орелъ, и среди звѣздъ совѣшь гнѣздо свое, свергну и погублю тебя. Смири лучше прусскихъ княжатъ, непослушныхъ тебѣ, да не хвастай родомъ своимъ, ибо гордость есть дѣло антихриста, а Господь насъ смиренію учить.“ — „Я человекъ старый“ писалъ Оедоровъ — „и измѣнивши моему Государю, по совѣту твоему, жить долѣе я не буду. Да и куда, на что я гожусь тебѣ? воевать за старостью не могу, а любовницъ твоихъ въ спальню твою провожать ноги не служатъ, также и машкарствомъ потѣшать тебя старъ, да и не учился. Пиши лучше

граматы свои къ лотрамъ, а не къ намъ, вельможамъ старымъ и почетнымъ.“

Еще ругательнѣе были отвѣты Хоткевичу. „Ты по роду и званію подданный нашъ, какъ смѣлъ ты писать къ намъ граматы и столь нелѣпыя?“ — говорили Хоткевичу — „пиши къ слугалъ нашимъ, неученый ты хлопецъ, собачій ты сынъ, а у насъ такихъ лотровъ сѣкутъ да палками бьютъ. Нѣтъ, Гриша Хоткѣевъ, не зови насъ на привычную тебѣ измѣну. И съ чего ты, песъ бѣшеный, называешься нашимъ братомъ? За это стоило-бы у тебя языкъ вытянуть, а тѣло твое собакамъ бросить. Хороша намъ честь, что ужъ и ты, страдникъ и холопъ, братъ нашъ! У насъ по милости царской, въ твою версту слуги есть. Какъ могъ Король вашъ, васъ, такихъ чертовыхъ уродовъ и собакъ въ совѣтъ посадить? Дивиться-ли послѣ сего, что Курбскій, бывший у насъ двадцатымъ, у васъ на первыхъ мѣстахъ сидитъ, ушедши къ вашему малоумному ребенку на старости, Королю, когда за измѣну его казнить хотѣли? Пишешь ты, что слышитъ Король вашъ о жестокосердіи неразумительномъ Царя нашего, гоненіи безъ правды и гнѣвѣ непощадномъ; скажи: такая дьявольская клевета на что похожа? На ядъ змѣйный. Нашъ Государь сіяетъ благочестіемъ и добрымъ разсмо-

трѣніемъ; благимъ жалованье даетъ, а злыхъ наказуетъ, какъ это и вездѣ бываетъ. Не приходится Литвѣ Москву судить; ладте у себя получше, а закона Москвѣ не предписывайте. А что ты пишешь о раздѣленіи у насъ царства, опричиннѣ и земщинѣ, то мы не знаемъ, какой это тебѣ собачій сынъ подобный наговорилъ? Никакой у насъ опричины нѣтъ; вся земля въ одной царской десницѣ; кто годенъ, тотъ близокъ къ порогу царскому, кто негоденъ, тотъ далече стоитъ. Государь нашъ самодержецъ, и не рабствуетъ слугамъ, какъ вашъ Король! Вѣдь и въ вашей землѣ есть земское и королевское. Такъ чему же ты и Король твой, малоумные, дивитесь? Избавь насъ отъ любви и милости твоей: не тебѣ, мужику, съ нами, князьями быть въ братствѣ. Если хочешь, пришли къ намъ дѣтей своихъ; авось мы ихъ въ слуги примемъ и добру поучимъ.“

И такъ, если поддѣльные письма Сигизмунда и Хоткевича были только хитрымъ испытаніемъ, оно казалось неудачно. Царь хотѣлъ не оправданія виновныхъ, но искалъ причины уничтожить ихъ. Въ это страшное время подозрѣніе значило уже вину, вина значила смерть. Чего не дополняли гнѣвъ Царя, то довершали его приближенные. Не зная справедливо или нѣтъ сказаніе современни-

ковъ о заговорѣ, не утвердимъ и того какъ открытъ былъ сей заговоръ. Говорятъ, что шуринъ царскій, князь Михаилъ Темрюковичъ притворно былъ его участникомъ, вывѣдалъ тайну, и съ умышленнымъ раскаяніемъ палъ въ ноги Іоанну, открылъ ему все. Іоаннъ хладнокровно изрекъ смерть Челяднину и женѣ его, Дмитрію Ряполовскому, князю Ивану Куракину, Булгакову, тремъ княземъ Ростовскимъ, князю Петру Щенятеву, князю Турунтаю Пронскому, казначею Тютину, печатнику Дубровскому, князю Василію Пронскому. Избавляемъ себя отъ подробностей казни, даже готовы не вѣрить, что Челяднинъ былъ убитъ рукою самаго Іоанна; что шуринъ его изрубилъ Тютина съ женою и дѣтьми; что Царь поносилъ ругательными словами окровавленную голову князя Ростовскаго; что онъ ѣздилъ послѣ того по окрестностямъ Москвы, жегъ и раззорялъ помѣстья казенныхъ бояръ.....

Настало царство ужаса! Спасенія не было. Тщетно многіе дерзнули молить митрополита заступиться предъ царемъ за людей его. Митрополитъ отрекся; онъ помнилъ записъ свою, и что могъ онъ сдѣлать? Сказать Царю правду и за то умереть отъ руки палача. Святой мужъ страдалъ душею, молился за Государя и подданныхъ; но

пришелъ и его часть! Въ день воскресный (весною 1568 г.), митрополитъ совершалъ литургію въ Успенскомъ соборѣ. Царь вошелъ съ толпою опричниковъ и приблизился къ святителю, прося его благословенія. Митрополитъ молился, не обращая взора на Іоанна. „Владыко святыи! Царь требуетъ твоего благословенія,“ говорили бояре, испуганные гнѣвомъ, заблеставшимъ въ глазахъ Царя. Тогда святитель „исполнился божественнаго свѣта,“ обратился къ Іоанну, одѣтому въ странное платье опричника, и кротко рекъ ему: „Царь благочестивый! кому поревновалъ ты, измѣнивъ доброту величія! Зачѣмъ пришелъ ты сюда, гдѣ приносится Богу жертва безкровная, ты, обогранный кровію? Отколѣ солнце на небесахъ стоитъ дѣло неслыханное: Царь губитъ свою державу!“ — „Монахъ крамольный!“ — возопилъ Іоаннъ — „я слишкомъ милосердъ къ вамъ, измѣнникамъ! буду отнынѣ тѣмъ, чѣмъ ты меня называешь!“ Онъ вышелъ изъ церкви; еще колебался; велѣлъ изыскивать вины митрополита. Нашлись обвинители святаго мужа: Благовѣщенскій протоіерей Евстафій, на котораго положилъ эпитимію святитель, Пимень, архіепископъ новгородскій, желавшій митрополитскаго сана; епископы: Филовей рязанскій, Пафнутій суздальскій; другіе не смѣли противо-

рѣчить Царю. Опричникъ князь Темкинъ отпра-
 вился въ Соловецкій монастырь, и привезъ оттуда
 новыхъ обвинителей — даже настоятель, игумень,
 облагодѣтельствованный Филиппомъ, не устыдился
 клеветать. Между тѣмъ Царь не хотѣлъ видѣть
 митрополита. Святитель удалился въ монастырь
 Николаевскій, но не боялся Царя: встрѣчаясь съ
 нимъ, онъ безтрепетно уличалъ и не щадилъ его.
 Юля 28го (1568 г.) среди народнаго множества
 произошелъ раздоръ между Царемъ и митрополи-
 томъ. Совершали крестный ходъ въ Новодѣвичь-
 емъ монастырѣ. Митрополитъ хотѣлъ читать Еван-
 гелие и увидѣлъ любимаго опричника царскаго,
 стоящаго въ тафѣ. „Царь державный или твои
 люди приняли законъ мугаммеданскій?“ возгла-
 сить святитель; опричникъ спряталъ тафью; все
 отреклось, говорили, что на немъ не было. Иоаннъ,
 забываясь въ гнѣвѣ, осыпалъ митрополита бранными
 словами и уѣхалъ; черезъ два мѣсяца собрался со-
 боръ. Въ величій невинности и святости, пред-
 сталъ Филиппъ, слушалъ клеветы, благословилъ
 клеветниковъ, сказалъ имъ, что они должны бо-
 яться Царя небеснаго, паче земнаго. „Не боюсь
 смерти говорилъ онъ Царю — хочу умереть, да
 не буду свидѣтелемъ грѣха и погибели; да не дамъ
 отвѣта за гробомъ, что бывъ первосвятитель цер-

кви, я безмолвствовалъ передъ Царемъ, видя его предающаго себя и царство пагубѣ. Возьмите, сорвите съ меня знаки моего архипастырства!“ — Соборъ разошелся со стыдомъ. Митрополитъ продолжалъ служеніе попрежнему, и въ Михайловъ день (8го Ноября) отправлялъ литургію въ Успенскомъ храмѣ. Неистово вторгся во храмъ Басмановъ съ опричниками, остановилъ литургію, прочиталъ опредѣленіе собора, коимъ Филиппъ лишается сана своего. Опричники ворвались въ алтарь, сорвали облаченіе съ митрополита, надѣли на него рубище иноческое, били его метлами, гнали изъ храма, посадили на дровни и повезли въ обитель Богоявленскую. Народъ бѣжалъ за св. мужемъ, плакалъ, рыдалъ, не страшась опричниковъ. „Молитесь, молитесь!“ кротко говорилъ святитель, осѣняя всѣхъ своимъ благословеніемъ. Черезъ три дня избранъ былъ въ митрополиты Кириллъ, Троицкій архимандритъ. Іоаннъ готовилъ Филиппу казнь ужасную: его обвинили въ колдовствѣ и хотѣли сжечь. Самые враги умоляли Царя пощадить дряхлаго страдальца. Филиппъ приведенъ былъ предъ судей, лишенъ сына и осужденъ на монастырское строгое покаяніе. Въ послѣдній разъ говорилъ онъ Царю, напоминалъ его прежнюю славу, жизнь загробомъ — поздно: Царь не

внималъ. Филиппа заключили въ Николаевскій монастырь; казнили его родныхъ и друзей. По повелѣнію Іоанна принесли къ нему отрубленную голову. „Узнаешь ли, чародѣй, чья это голова?“ спрашивалъ его палачъ. — „Узнаю: это голова племянника моего Ивана,“ отвѣчалъ Филиппъ, — благословилъ и поцѣловалъ ее. Мѣстомъ заточенія святителя былъ избранъ Отрочъ монастырь въ Твери. Туда повезли его въ зимній холодъ, въ нищенскомъ одѣяніи, ругая, позоря на пути....

Около года прошло послѣ сего безъ казни людей знаменитыхъ; походъ Турокъ на Волгу, война съ Польшею, переговоры съ Эрехомъ о выдачѣ Екатерины, занимали Царя; но въ это время обратилось на народъ то, что доселѣ было участію только вельможъ и царедворцевъ. Наглые опричники поссорились, подрались въ Коломнѣ, въ Торжкѣ съ тамошними жителями. Царь всюду видѣлъ измѣну и бунтъ, онъ приказалъ судить и казнить возмутителей, Псковъ, Новгородъ давно казались ему подозрительны: онъ приказалъ вывести изъ Пскова 500 семействъ, изъ Новгорода 150, и переселилъ ихъ въ разныя мѣста.

Вскорѣ — сентября 1го 1569 года, скончалась царица Марія. Кажется, Іоаннъ не печалился о потери супруги, хотя великолѣпно похоронилъ

ее, велѣно было поминать ее повсюду, надѣть смиренное платье. Три доноса вдругъ поколебали душу Иоанна: ему говорили, что Марія была отравлена. Тогда же донесли, что Владиміръ Андреевичъ покушается на жизнь его: представили повара, подкупленнаго имъ, получившаго плату за то, чтобы въ кушанье царское положить ядь. Наконецъ его извѣстили, что Новгородъ и вся сѣверная сторона ненавидятъ его и хотятъ передаться польскому Королю.

Иоаннъ всему повѣрилъ, однажды потерявъ вѣру въ добродѣтель людей. Онъ отправилъ въ Новгородъ довѣренныхъ людей, и посланные нашли въ Софійскомъ соборѣ за образомъ скрытыя грамоты Новгородцевъ къ Сигизмунду. Владиміръ предводительствовалъ тогда ратью, собранною на Волгѣ по слухамъ о нашествіи Турокъ. Его привѣтливо встрѣчали по городамъ. Иоаннъ велѣлъ привести въ Москву избранныхъ Костромитянъ, встрѣчавшихъ съ почестью Владиміра, къ себѣ въ слободу, въ тоже время тайно готовился къ отъѣзду; опричники ждали жертвъ.

Не доѣзжая нѣсколько верстъ до слободы, въ деревнѣ Слатиной, остановился Владиміръ; съ нимъ были супруга, дѣти, два юные сына, дочери его. Опричники окружили деревню, схватили Владиміра,

супругу его, сыновей. Дочерей удалили. Явился Иоаннъ; предсталъ обвинитель; пришли палачи. Не было пощады. „Лучше умереть отъ руки Царя, нежели отъ гнусной руки палача:“ сказала супруга Владиміра, подала ему чашу яда, великодушно смотрѣла, какъ пилъ отраву онъ, пили сыновья, послѣ всѣхъ выпила сама остатки. Отецъ, мать, дѣти начали молиться, Иоаннъ смотрѣлъ на нихъ, видѣлъ потомъ ихъ смертныя терзанія, и велѣлъ объявить пощаду боярынямъ и приближеннымъ Владиміра и его супруги. Вѣрныя рабыни плакали, проклинали Иоанна — ихъ казнили....

Тогда-же въ Москвѣ казнили Костромитянъ, обласкавшихъ Владиміра. Посланные царскіе явились въ обители, гдѣ жили въ иночествѣ мать Владиміра и вдова Юрія: обѣихъ утопили въ рѣкѣ Шекенѣ. Въ концѣ декабря 1569 г. Иоаннъ съ дружиною опричниковъ и многочисленною свитою выѣхалъ въ Новгородъ.

Онъ хотѣлъ не судить, но очистить измѣнническія мѣста. Свирѣпыя правители Франціи въ ХVІІІмъ вѣкѣ напрасно приписывали себѣ изобрѣтеніе подобныхъ очищеній.

Началось съ Клина.

Опричники вѣзжали въ городъ, въ селеніе, разсыпались по улицамъ, рубили, грабили, не раз-

бирая ни званія, ни пола, ни возраста, свирѣпствовали опредѣленное время; Иоаннъ произносилъ пощаду остальнымъ жителямъ, жаловалъ ихъ, увѣщевалъ быть вѣрными и ѣхалъ далѣе.

Малюта Скуратовъ, Бѣльскій предводили опричниками, казнившими Тверь. Пока лилась кровь Тверитянъ, Бѣльскій спѣшилъ въ Отрочъ монастырь: тамъ жилъ святитель Филиппъ. „Готовъ!“ произнесъ мученикъ. Его задушили, и въ присутствіи Бѣльскаго бросили святое тѣло его въ могилу, какъ трупъ казненнаго злодѣя.

Клинъ, Городня, Тверь, Торжокъ, селенія по дорогѣ до Новгорода были очищены одинакимъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были выведены изъ заключенія и перерѣзаны польскіе и крымскіе плѣнники.

Января 2го 1570 г. опричники вступили въ Новгородъ; не велѣно было никого ни впускать въ городъ, ни выпускать изъ него. Февраля 12го объявили пощаду и милость остальнымъ Новгородцамъ.

Въ теченіе 40^{ка} дней „бысть неисповѣдимое пролитіе крови, грѣхъ ради нашихъ, неукротимыя ярости царицы, паденія, колебанія и разрушенія великаго Новгорода,“ говоритъ современникъ. Старицы юноши, жены, дѣти были ведóмы на казнь безъ разбора; однихъ жгли какою то „составною

мудростію огненною, иже именуется поджарь,“ другихъ топили въ Волховѣ, гдѣ сдѣлана была для этого обширная прорубь; опричники ѣздили по ней въ лодкахъ: кто выплывалъ изъ воды, того били долбнями; нѣкоторымъ разбивали члены дубинами; многихъ терзали на провежѣ розгами, требуя окупа. Архіепископъ Пименъ увидѣлъ тогда тщету крамоль и хитростей: его возили по городу на кобылѣ, въ рубищахъ, съ волынками и бубнами, и отправили въ Москву. Тамъ Царь съ страшимъ сыномъ Іоанномъ присутствовалъ при казни, ѣздилъ по улицамъ, заѣзжалъ въ обители, въ дома, распоряжалъ истребленіемъ, приказывалъ описывать и забирать мнѣніе и драгоценности изъ домовъ, церквей, монастырей. Наконецъ положенъ былъ окупъ на Нюргородъ, велѣно было сломать опустѣлые хоромы подлѣ Волхова и заложить дворецъ царскій. Царь отправился во Псковъ. Слезы, кровь, истязаніе отъ людей, оставленныхъ для сбора окупа, продолжались еще долго; начались болѣзни, насталъ голодъ; священники не успѣвали отпѣвать мертвыхъ, могильщики рыть имъ могилы. Нищій старецъ Иванъ Жгальцо совершалъ молитвы надъ скудельницами, куда привозили и десятками бросали мертвыя тѣла. Февраля 17го Іоаннъ пришелъ на видъ Пскова и остановился ночевать въ Лю-

ботскомъ монастырѣ. Опричники не вступали въ городъ, ничего не опустошали на пути. Никто не спалъ въ Псковѣ, все готовились къ смерти, рыдали, плакали, молились, прощались другъ съ другомъ. Не спалъ и Царь. Въ самую полночь начался въ городѣ благовѣстъ къ заутрени; церкви наполнились плачущимъ народомъ, и Царь рѣшилъ участь древняго Пскова: изрекъ помилованіе, какъ будто предчувствуя, что Псковъ заплатитъ ему за эту милость черезъ 11 лѣтъ искупленіемъ позора Россіи и чести царской. Вѣсть неожиданная объявлена была жителямъ; они не вѣрили ей, но готовились встрѣтить Царя: подлѣ воротъ каждаго дома поставили столы, убрали ихъ кушаньемъ, напитками, хозяева стояли подлѣ домовъ своихъ, и падали на колѣна передъ Иоанномъ, безмолвно ѣхавшимъ среди опричниковъ и двора своего; другіе били ему челомъ, поднося хлѣбъ-соль. Среди ихъ на палочкѣ верхомъ ѣздилъ юродивый мужъ, старецъ но имени Николай, указывалъ Царю на пшты, на яства, хохоталъ и громко говорилъ: „Иванушка, Иванушка! покушай хлѣба-соли, а не человѣческой крови!“ Царь слушалъ обѣдно въ соборномъ храмѣ, и одинъ вошелъ въ келію, гдѣ обиталъ юродивый? Николай подалъ ему кусокъ сыраго мяса. „Ты подчиваешь меня мясомъ, и по-

забылъ, что теперь великій постъ!“ сказалъ Царь. „Бшь мясо, Царь Иванъ: ты пожираешь людей; чего же бояться поста, грозно отвѣчалъ ему святой мужъ, и въ поучительной бесѣдѣ умилилъ сердце Царя, такъ, что онъ немедленно выѣхалъ изъ Пскова, не казнилъ никого, взялъ только казну изъ монастырей, нѣсколько колоколовъ, книгъ, утварей и отправился въ Москву.

Здѣсь — и, можетъ быть, въ ночь февраля 17го 1570 года, когда изречено было помилованіе Пскову — означился рѣзкій предѣлъ свирѣпости Іоанна. „Стоитъ ли жизнь моя того, что бы за нее проливать кровь? Не осужденъ ли я Богомъ на гибель и посрамленіе предъ челоуѣками, да явно примѣръ бѣдности въ величїи моемъ?“ Можетъ быть такъ размышлялъ тогда Іоаннъ, и въ душѣ его произошелъ новый переворотъ. Онъ рѣшился еще разъ искать Анастасїи, оставить незаконное распутство, женить старшаго, 15ти лѣтняго сына, упрочить въ немъ счастье народа, которымъ не благословилъ Богъ Россїю при отцѣ его, за беззаконїя, содѣланныя отъ самой юности.

Но прежнее безвозвратно протекло для Іоанна. Въ сорокъ лѣтъ испыталъ столь многое: отъ счастья быть нѣжнымъ супругомъ и благодѣтелемъ народа до своеволя распутства и ужасной славы

Грознаго и мучителя, Иоаннъ, безъ вѣры въ добродѣтель, съ мыслью о наказаніи за гробомъ, съ сознаниемъ, что погубилъ много невинныхъ и добродѣтельныхъ во гнѣвѣ своемъ, уже не могъ обратиться вспять.

Онъ возненавидѣлъ людей и міръ, возненавидѣлъ самое имя Русскихъ, возненавидѣлъ самого себя. Душа его требовала дѣятельности: онъ хотѣлъ войны, побѣды, чести, еще свирѣпствовалъ въ минуты гнѣва, но свирѣпствовалъ уже хладнокровно, терзалъ и губилъ, — какъ терзаетъ и губитъ судьба неумолимая. Но въ другія минуты, онъ приходилъ въ память, гнушался самимъ собою, видѣлъ въ себѣ всю мерзость пороковъ, думалъ бѣжать за границу, хотѣлъ укрыться въ какой нибудь обители и со слезами молить о спасеніи своемъ. У него уже не было любимцевъ; самыхъ дѣтей своихъ онъ не могъ любить, и до того погасилъ въ себѣ чувство любви, что отъ сего времени въ козняхъ его смѣшивались злые клеветы и добродѣтельные, злодѣи и добрые, самое супружество сдѣлалось для него забавою, не увлекавшею его сердца. Опричина еще сохранялась нѣсколько лѣтъ, но оставалась въ пренебреженіи: Иоаннъ не вѣрилъ даже и тѣмъ, кто готовъ былъ на всѣ злодѣйства для доказательства ему своего усердія.

По возвращеніи въ Москву онъ велѣлъ разыскать подробности того несчастнаго обвиненія, за которое погибъ Владиміръ Андреевичы и погублено было столько людей отъ Клина до Новгорода. Архіепископа Пимена, дьяковъ, гостей, подъячихъ новгородскихъ подвергли пыткамъ. Несчастные признались, что изъ самыхъ ближнихъ людей Государя многіе участвовали въ ихъ умыслѣ, готовили измену; истина, или терзанія пытки заставили говорить ихъ? извѣстно Сердцевѣдцу; но по ихъ оговору пыткамъ подвергнуты были дьякъ Иванъ Висковатый, нѣкогда уличенный въ ереси и помилованный, казначей Никита Фуниковъ (врагъ Адашева и Сильвестра), дьяки Степановъ и Васильевъ (вѣрные исполнители казней), Басмановы, отецъ и сынъ, съ юности друзья Іоанна и Адашева, злодѣй князь Аѳанасій Вяземскій. Одни признавались, другіе отрекались — всѣ молили о пощадѣ, выплакивали прощенье. „Федоръ Басмановъ, Никита Прозоровскій!“ говорилъ Іоаннъ, присутствуя при пыткахъ — „убей ты своего отца, а ты своего брата, и я прощу васъ!“ Изверги согласились; Іоаннъ затрепеталъ и предалъ всѣхъ ужасному истязанію и казни. Іюля 25го 1570 г. вывели преступниковъ толпою на площадь, рубили, рѣзали, кололи ихъ: Висковатый, Фуниковъ, Басмановъ-сынъ были

растерзаны вмѣстѣ съ другими, Вяземскій умеръ въ темницѣ; Пимена сослали въ тульскій Николаевскій монастырь; жены казненныхъ были утоплены. Тогда же казнили; князя Петра Серебрянаго, Захарію Очина — Прещеева, Кашкарова, славнаго защитою Лакса въ 1559 году, Лыкова, сына воеводы, славнаго защитою Почева, цѣлыя семейства Мещерскихъ, Шаховскихъ, Прозоровскихъ Голохвастовыхъ; многихъ сослали въ монастыри; другіе снова должны были дать на себя записи (въ томъ числѣ Метиславскій)... не говоримъ о подробностяхъ: онѣ были ужасны....

Мы упоминали, что Іоаннъ возненавидѣлъ даже имя русское. „Не вѣрь Русскимъ моимъ — они всѣ воры!“ сказалъ онъ Англичанину, золотыхъ дѣлъ мастеру. „Но вѣдь и вы, Государь, Русскій? возразилъ Англичанинъ смѣясь. — „Нѣтъ! я Нѣмецъ!“ — отвѣчалъ Іоаннъ. Уже издавно окружало Іоанна множество иностранцевъ, Англичанъ, Ливонцевъ. Многіе изъ нихъ были его любимцами. Измѣнники Таубе и Крузе пользовались особенною довѣренностью Царя; пасторъ дерптскій Векерманъ получилъ отъ него позволеніе построить въ Москвѣ лютеранскую церковь, и свободно проповѣдывать свою религію. Иностранные врачи: Бо-

мелій, Линзей, исполнители смертныхъ приговоровъ и лекаря въ одно время, были друзьями Царя. Самый Фюрстенбергъ, несмотря на ссылку, пользовался его особенною благосклонностью и уваженіемъ. Мы видѣли уже, что въ Англіи готовилъ себѣ Іоаннъ убѣжище. Но душа Іоанна иногда увлекалась еще и кротостью; такъ въ самое ужасное время казней онъ уважалъ споры своихъ воеводъ о мѣстахъ и чинахъ; въ 1568, 1569 и 1570 годахъ, пожалованы были князь Черкаскій, Василій Яковлевъ, князь Василій Сицкій, Захарій Очинъ, — Плещеевъ, князь Иванъ Шуйскій (сынъ Олигарха Андрея); нѣкоторые изъ нихъ переходили послѣ милостей на плаху. Но мелкое честолюбіе вельможъ было ненасытно, и крамола не утихала.... Раскаяваясь въ поступкѣ съ святителемъ Филиппомъ, Царь рѣшался возвратить его изъ ссылки, отдать ему санъ его: Филиппъ отвергъ предложеніе, если Царь не кается въ грѣхахъ своихъ. Крамола успѣшила послѣ сего погубить святаго страдальца... До насъ дошелъ любопытный памятникъ тогдашняго состоянія души Іоанна: это письма его въ Кирилловъ монастырь, гдѣ содержались знаменитые изгнанники и ссыльные. Царь слышалъ, что иноки уважаютъ ихъ, попускаютъ имъ многое въ пищѣ и питъѣ. Съ прискорбіемъ у-

коряль въ этомъ Иоаннъ настоятеля и братію, скорбѣлъ о разрушеніи благочестиваго житія прежнихъ иноковъ, приводилъ примѣры, наставленія учителей церкви. „Бью челомъ вамъ, Царь и великій Князь вашъ,“ писалъ Иоаннъ — „увы! мнѣ грѣшному, горе мнѣ окаянному, охъ! мнѣ скверному! Бога ради, господа и братія, молю васъ: престоанте отъ злаго начинанія. Недостойный наречься братомъ вашимъ, назовусь хотя слугою, и стану молить васъ — престоаньте! Свѣтъ инокамъ ангели, свѣтъ мірянамъ иноки, и мнѣ-ли учить васъ, мнѣ-ли, псу смердящему, всегда пребывающему въ пьянствѣ, грѣхѣ, убійствѣ, кровопійствѣ, грабленіи и ненависти! Не заставьте же меня возгордиться, что и я могу еще вамъ, отцы святыя, указывать. Знаете, что я самъ почти полумонахъ. Помните-ли, когда я посѣтилъ васъ однажды, и въ уединенной келии бесѣдовали мы, игумень Кирилль, архимандритъ Каменскій, Иоасафъ, братія — Никодимъ, Сергій, Антоній, другихъ не упомяну. Услажденный бесѣдою, преклонилъ я колѣна и обѣщался, что если приведетъ меня Богъ постричься, то въ вашей обители постригусь я. Вы читали молитвы, а игумень благословилъ меня на мое обѣщаніе. Съ тѣхъ поръ я инокъ среди царскаго величія. Вы предаетесь слабостямъ, и знаете-ли что вы распинаете

Христа, не соблюдая завѣтовъ своего великаго учителя Кирилла, отъ того самаго времени, какъ появились у васъ Анна и Каиафа — Шереметевъ и Хабаровъ, появился и Пилать Собакинъ. Не уже-ли, когда Богъ приведетъ у васъ инокомъ быть, я стану соблюдать мое грѣшное величіе? Для чего же Шереметеву попускаете вы роскошь трапезы, и даже подражаете ему? Зачѣмъ же было вамъ и въ монахи идти? Но такъ раззорился по малу уставъ всѣхъ обителей. Что теперь дѣлается въ Симоновѣ? Только одѣянiемъ иноки, а живутъ со всѣми мірскими страстями. Надъ гробомъ чудотворца Кирилла у васъ церкви нѣтъ, а надъ Воротынскимъ вы церковь поставили. У Шереметева и поварня своя, когда прежде у васъ игумену не позволялось завести себѣ особаго оловяннаго блюда. И для такого бѣсова сына Шереметева, или для дурака и упыря Хабарова нарушивать ваше святое житіе? Вспомните какую брань завелъ онъ, когда постригся у Троицы. И фряжское вино зазоръ монастырю, а не то что горячее, но вы все попустили для Шереметева. Трудень ему кажется иноческій бытъ, да вѣдь его никто по зашейку не билъ — самъ пошелъ въ монахи. Мы не вѣримъ клеветникамъ на васъ — вотъ и зимусь, какъ сталъ я спрашивать у отца Вар-

лаама, а онъ наговорилъ мнѣ всякій вздоръ, то я плюнулъ и еще его-же бранилъ. Вѣдь иноческое житіе не игрушка. Я сторона въ дѣлѣ, а вы въ отвѣтъ передъ Богомъ. Если уставъ Шереметева лучше кирилловскаго, введите его, только какъ-то будете Богу отвѣчать. Не каменные четки спасаютъ инока, но четки сердца его.“ Боясь, не оскорбилъ-ли служителей Божіихъ своими упреками, и, грѣшный самъ, не показалъ-ли гордости предъ Богомъ своими совѣтами, Іоаннъ съ горестью писалъ послѣ того: „Простите меня, что по грѣхамъ моимъ я на васъ покручинился, простите меня, и молитесь Бога, Богоматерь и чудотворца Кирилла, да освободятъ они меня грѣшнаго святыми молитвами вашими отъ грѣховъ и избавятъ болѣзней. Бью вамъ челомъ и прошу пожаловать простить, въ чѣмъ виноватъ я передъ вами, а я прощаю всѣхъ васъ отъ всего сердца.“

Въ ужасѣ и сомнѣніи, не преставаая отъ дѣлъ своихъ, Іоаннъ хотѣлъ иногда облегчить душу свою поминовѣніемъ людей, погибшихъ по его волѣ. Богатые вклады были отъ него посылаемы въ обители и храмы; при нихъ прилагались поминанья, гдѣ поименованы были все „казненные и погибшіе напрасною смертію“ — ужасные списки: какъ на страшномъ судѣ, въ нихъ рядомъ стояли имена

князей и бояръ, родныхъ Царя, безвѣстныхъ простолудиновъ и полководцевъ, іереевъ, инокинъ; многія жертвы означались безъ именъ, счетомъ; иногда встрѣчались упоминанія цѣлыхъ семействъ, и иновѣрные на ряду съ православными — и тысячами подводимъ былъ кровавый итогъ. —

Еще достопамятный актъ сохранился для потомства: духовная Іоанна, вѣроятно, писанная около 1572 года. Здѣсь, распредѣляя имѣніе и царство, въ часы грустныхъ помышленій о смерти, онъ открывалъ дѣтямъ душу свою, и признанія его смятенной, разтерзанной души, были прискорбны и умилительны.

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа, по благословенію отца нашего митрополита“ — говорилъ Іоаннъ — „я, многогрѣшный и худой рабъ Божій, Іоаннъ, пишу сію исповѣдь въ полномъ разумѣ моемъ, ницетою ума одержимый, отъ убогаго дома ума моего не могу представить трапезы умственной, пищи, ангельскихъ словесъ исполненной: умъ мой острупился, тѣло изнемогло, и нѣтъ врача, исцѣляющаго меня, не было и нѣтъ, кто бы поскорбѣлъ со мною, нѣтъ утѣшающихъ — За любовь мою люди воздали ненавистью, за благо зломъ. Осквернился я душею, погибъ тѣломъ, изъ Іерусалима заповѣдей перешель въ Іерихонъ страстей,

прельстился красотою міра, багряницею свѣтлости, блескомъ золота, впалъ въ разбойники, мыслью и чувствомъ лишенъ усыленія благодати; живой — я смраднѣе и гнуснѣе мертвеца, отъ Адама до нынѣ не было грѣшника болѣе меня, и потому всѣмъ ненавистенъ я сдѣлался. Разумъ мой растлѣнъ, умъ у меня скотскій; голова моя осквернена злыми мыслями, уста злою рѣчью, языкъ срамословіемъ, выя и перси гордостью и высокоглаголивымъ языкомъ, руки грабagemъ и убійствомъ, помыслы обѣденіемъ и пьянствомъ. Боже! спаси меня, спаси — обвяжи мои язвы тѣлесныя и душевныя твоею милостію. Дай мнѣ миръ, милосердый Господи! Дай миръ душѣ моей! Не чада родителямъ, но родители чадамъ даютъ наслѣдіе, и вотъ вамъ, дѣти мои, съ благословеніемъ моимъ, наслѣдіе, сколько могу, ученіе, сколько есть моего разума: любите другъ друга, и Богъ мира будетъ съ вами; сохранивъ сей завѣтъ всякаго блага достигните. Держите твердую и непостыдную вѣру въ Бога, страдайте за нее до смерти, живите въ любви, и навикайте среди міра къ войнѣ, навикайте и тому, какъ людей держать и жаловать, беречься отъ нихъ и умѣть ихъ себѣ присвоивать. Кто вамъ прямо служитъ, жалуйте и любите, смотрите, чтобы такому и отъ другихъ изгоны не

было, за то прямѣ вамъ служить будутъ. Если кто и лихъ будетъ до васъ, опалу кладите не скоро, не яростно, но по разсужденію навывкайте всякому дѣлу божественному, иноческому, священническому, ратному, судейскому и житейскому. Всякому обиходу, тому, какъ всякіе чины здѣсь ведутся и въ другихъ государствахъ, какъ кто живетъ, и какъ кому пригоже быть. Научитесь всему и не другіе вамъ, а вы другимъ будете указывать. А о томъ, что я, по беззаконіямъ моимъ распостерту надъ мною гнѣву Божию, изгнанъ отъ бояръ, скитаюсь по странамъ, и вамъ бѣдъ много чрезъ то нанесъ, Бога ради, не скорбите, возложите печаль свою на Господа; онъ даетъ власть, ему же хоцетъ. Богъ васъ помилуетъ, сохранитъ отъ бѣдъ, а вы отнюдь не раздробляйтесь, пусть люди, земля и казна будетъ у васъ за одинъ. Ты Иванъ, береги Θεодора, какъ себя, чтобы ему нужды и досады не было. А ты Θεодоръ у брата казны и удѣла не проси, живи въ своемъ обиходѣ, что бы брата не изубытчить, дѣля худо и добро, ибо вы одной матери дѣти. За то Христосъ будетъ среди васъ за вашу любовь и никто васъ не поколеблетъ, будете вы одинъ другому стѣна и забрало. Къ кому прибѣгнуть Θεодору и на кого уповать? Ты, Иванъ, у него отецъ и мать, братъ, Государь и промышленникъ,

береги и люби его. За проступокъ накажи и пожалуй, а до конца не разорай, и ссоркамъ отнюдь не вѣрь. Удѣла подѣ нимъ не подыскивай. Что въ имѣніи? Приобрядешь много земли, а трехлокотнаго гроба не избѣжишь! А ты Федоръ, почитай брата, какъ отца, а Государства подѣ нимъ не ищи, съ измѣнниками не ссылайся. Стануть тебя прельщать славою и богатствомъ — помни, что гроба не избѣжать — все останется, и только дѣла, благія или злыя, пойдутъ съ нами! Будь послушенъ брату до крови и до смерти. Не прекословь гнѣву его, рати никогда не начинай, проси его да сложить съ тебя гнѣвъ. Если по грѣхамъ и придете на ярость и междуусобіе, творите правду, равняйте рабовъ милостію, и послабляйте прещенія казней и опаль, ибо за долготерпѣніе милость отъ Бога получите, по мудрому слову: три вещи подобаетъ Царю — подобно Богу не гнѣваться, подобно смертному не возноситься, и долготерпѣливу быть къ согрѣшающимъ.“

Мученія совѣсти, скорби душевныя, вмѣстѣ съ излишествами жизни, отразились и на внѣшнемъ видѣ Іоанна. Бывъ прежде добраго, величественнаго вида, въ сорокъ лѣтъ онъ уже казался старикомъ, волосы на головѣ и бородѣ его вылѣзли, станъ его былъ согбенный, взоръ погасшій, мрач-

ный. Переходы отъ веселости и шутки къ гнѣву и ярости, отъ гордости къ упадку духомъ, отъ насмѣшки къ раскаянію, сдѣлались мгновенны, быстры, непрерывны, иногда онъ казался помѣшаннымъ.....

Удивимся-ли послѣ сего странной, неопредѣленной политикѣ Іоанна въ дѣлахъ виѣшнихъ, тому, что онъ, то хотѣлъ воевать, то помириться съ Польшею, не смѣлъ наказать дерзости крымскаго Хана, не смѣлъ двинуть войскъ своихъ противъ враговъ, и бесполезно хитрилъ и унижался передъ другими! Удивимся-ли, что тогда же онъ требовалъ выдачи принцессы Екатерины отъ безумнаго Эриха, сватался за сестру ея, и смиренно просилъ пріюта на старость у англійской Королевы?

Мы видимъ человѣка погибшаго душою и сознающаго сію гибель. Такъ властитель, подобный Іоанну, говорилъ нѣкогда своимъ подвластнымъ; „какъ и что скажу я вамъ, или не долженъ ничего говорить вамъ? Не знаю, что тяжелѣ, рука ли Провидѣнія меня убивающая, или чувство, что съ каждымъ днемъ разрушаюсь я....“

Но еще не всѣ скорби испыталъ Іоаннъ въ жизни своей. Судьбамъ угодно было, чтобы онъ узналъ ужасное чувство униженія своей гордости отъ враговъ, которыхъ презиралъ; чтобы тѣ, кто

прежде трепеталъ отъ его имени, заставили его трепетать въ свою очередь; чтобы въ то время, когда сотни тысячъ войска повиновались Иоанну, хитрая толпа Крымцевъ пировала побѣду свою на пеплѣ Москвы, а онъ предавался постыдному бѣгу; чтобы горсть храбрыхъ непріятелей вырывала изъ рукъ Иоанна побѣду; чтобы Швеція и Польша изторгли у него Ливонію, стоившую ему столько лѣтъ браней и столько крови, и наконецъ, чтобы Иоаннъ видѣлъ во всемъ этомъ гнѣвъ Божій, за грѣхи его наказующій русское царство, не смѣлъ противиться сему гнѣву и совершилъ послѣднее, тяжкое преступленіе — сыноубійство, уже стоя самъ при дверяхъ гроба.

Г Л А В А V.

Странная была въ это время судьба Ливоніи. Сей несчастной землѣ непрерывно угрожали тѣ бѣдствія, какія она испытывала уже въ теченіи 12ти лѣтъ. Разорванная на четыре части, она потеряла свою самобытность, даже память своего прежняго образованія, при ужасахъ войны, грабежей, пожаровъ, она утратила свое богатство, свое довольство, даже казалось, самую свою будущность, ибо хотя Польша, Россія, Швеція, Данія владѣли ея частями,

но не ручались за безопасность подвластныхъ, и города и селенія ливонскія были военнымъ кочевьемъ Русскихъ, Поляковъ, Датчанъ и Шведовъ. Каждый изъ властителей Ливоніи держалъ наготовѣ мечъ и только ждалъ случая обратить его на пагубу другой части Ливоніи, подвластной врагу его.

Въ 1570 Іоаннъ приступилъ къ исполненію замысла, уже съ нѣсколькихъ лѣтъ его занимавшаго. Онъ рѣшился, удержавъ за собою завоеванную часть Ливоніи, соединить остальную въ государство отдѣльное, зависимое отъ Россіи, какъ будто не надѣясь на силы свои, не смѣя думать, чтобы одна Россія могла управиться въ Ливоніи съ Польшею, Швеціею и Даніею, и полагая, что сіи государства согласятся на отдачу взятыхъ ими земель, когда откажется отъ нихъ Царь московскій. Еще въ 1564 г. были объ этомъ сношенія съ Императоромъ и находившимся въ его покровительствѣ нѣмецкимъ магистромъ. Послы магистровы прожили въ Москвѣ почти годъ. Іоаннъ соглашался возвести старца Фюрстенберга въ санъ отдѣльнаго ливонскаго властителя, но видя, что Императоръ и магистръ при желаніи не имѣютъ средствъ исполнить свое предпріятіе, онъ отрекся отъ бесполезныхъ переговоровъ. Таубе и Крузе писали послѣ того къ Ревельцамъ; предлагали Кеттлеру

быть зависымымъ отъ Іоанна властителемъ Ливоніи, и Ревельцы и Кеттлеръ отказались имѣть дѣло съ Царемъ своевластнымъ. Наконецъ нашелея безрадсудный охотникъ до власти на какихъ угодно условіяхъ: это былъ юный вѣтренный, тщеславный Магнусъ датскій Принцъ, владѣвшій въ 1560 году, островомъ Эзелемъ, но бывшій подъ зависимостью брата своего, Короля датскаго. Не спрашивая Фредерика, Магнусъ рѣшился ѣхать въ Россію для договоровъ съ Царемъ, не побоялся слуховъ объ участи Новгорода и прибылъ въ Москву въ іюнь 1570 года. Онъ не видѣлъ въ Царѣ ни грозы, ни свирѣпства, былъ встрѣченъ, угощенъ великолѣпно. Положили, что Магнусъ приметъ титулъ Короля ливонскаго, съ помощью Русскихъ отниметь области у Шведовъ и Польши и сдѣлается властителемъ ихъ, съ платежемъ дани и зависимостью отъ Россіи. За то Іоаннъ немедленно подарилъ ему Оберпаленъ, обѣщалъ выдать за него свою племянницу, дочь Владиміра, обѣщалъ въ приданое за нею нѣсколько бочекъ золота, всегдашнюю милость свою и радовался, что наконецъ начнется мщеніе его гордому Королю шведскому. Съ радостію выѣхалъ Магнусъ изъ Москвы, за нимъ слѣдовали Крузе и Таубе, какъ вѣрные совѣтники Іоанна и приставъ новаго Короля, а лѣтомъ двинулось вой-

ско русское. Скрывая всё ужасы своего правленія отъ взоровъ Магнуса, Иоаннъ отлагалъ казнь измѣнниковъ пока Магнусъ находился въ Москвѣ. Едва выѣхалъ онъ, ихъ разтерзали въ глазахъ самого Иоанна, о чемъ мы уже говорили выше.

Обезопасивъ себя миромъ отъ Польши (весною 1570 г.), отправивъ Магнуса на Шведовъ, Царь хотѣлъ опезопасить себя съ южной стороны, видя явную неприязнь Султана и Крымцевъ. Уже онъ не смѣлъ, какъ прежде грозить Хану въ его собственномъ жилищѣ: войско Русское въ началѣ 1570 года только загородило Москву, по Окѣ и за Окою. Крымцы являлись повсюду до самой осени, ихъ разбивали и гнали. Весною 1571 г. учиненъ былъ въ Москвѣ необыкновенный разрядъ войска. Воеводы Бѣльскій, Мстиславскій, Иванъ Шереметевъ меньшей, Мих. Воротынскій, Татевъ, Иванъ Андр. Шуйскій, Плещеевъ, Иванъ Пет. Шуйскій предводили полками, Иоаннъ находился въ Серпуховѣ съ опричниною. Бѣглецы русскіе извѣстили Хана о кровавыхъ ужасахъ въ Москвѣ, о нелюбви вельможъ къ Царю. Ханъ тщательно скрылъ походъ свой, обманулъ воеводъ русскихъ, оставилъ ихъ за собою, и въ маѣ сильное войско Девлета явилось близъ Серпухова. Иоаннъ ужаснулся, думалъ, что его предали врагу и безъ остановки бѣжалъ

въ Москву. Ханъ шелъ по слѣдамъ его. Царь оставилъ столицу на волю судебъ и уѣхалъ въ Ярославль. Воеводы успѣли перегнать Хана, и заслонили Москву, когда Татары стояли только въ 30ти верстахъ отъ нея. Ужасъ, безпорядокъ, смятеніе были неопысанны, множество бѣглецовъ, спасавшихся отъ огня и меча татарскаго; наполняли Москву и ея окрестности. Оробѣвшіе воеводы не смѣли выйдти въ поле, стали вокругъ Москвы и были какъ овцы безъ пастыря. „Совершилось, о чѣмъ не слыхали уже съ 1521 года, отъ чего отвыкли въ теченіе полувѣка. Ханъ крымскій приблизился къ самой Москвѣ. Но при Василии успѣли откупиться отъ хищниковъ, удалить ихъ, хотя со стыдомъ. Теперь случилось то, чего не бывало со временъ Тахтамыша! Начавъ легкую битву, Девлетъ велѣлъ зажечь предмѣстія Москвы (24 мая 1571 г.), Москва вспыхнула, огненный вихрь разлился повсюду, Татары хотѣли грабить и не могли, Русскіе не думали защищаться, войско и жители гибли въ пламени. 600,000 человѣкъ, какъ говорили тогда современники, сдѣлались жертвою огня, Москва рѣка запрудилась мертвыми тѣлами и не могла пронести ихъ. Самъ главный предводитель русскаго войска, князь Иванъ Бѣльскій, задохся въ домѣ своемъ, куда укрылся отъ

огня, Кремль уцѣлѣлъ въ пожарѣ..... „Молю Бога, чтобы мнѣ не видать болѣе въ жизни моей зрѣлица, столь ужаснаго!“ писалъ Англичанинъ, бывшій самовидцемъ пожара московскаго.

Надмѣнно отошелъ отъ Москвы Девлет-Гирей, грабилъ окрестности, бралъ добычу, въ полонъ и тихо, спокойно двигался восвояси. Слыша объ удаленіи его, Іоаннъ осмѣлился пріѣхать въ Александровскую слободу, собралъ войско, велѣлъ Воротынскому наблюдать за удаляющимся непріателемъ но не вѣзжалъ въ Москву, и принялъ ханскаго посла въ селеніи Братовщинѣ. Никогда еще не осмѣливались Крымцы говорить такъ, какъ говорилъ теперь посолъ Девлета Іоанну. Царь слушалъ смиренно, велѣлъ бить челомъ Хану, соглашался на всѣ требованія, умолялъ о мирѣ. Русскіе полки снова стали по Окѣ и за Окою. Они были многочисленны. Царь не поѣхалъ на ужасное пожарище московское, и на время поселился въ слободѣ.

Еще до бѣдствія Москвы, онъ узналъ, что хвастливый Магнусъ не исполнилъ его препорученія.

Съ 25,000 Русскихъ и нѣмецкими полками осенью 1570 г., онъ вышелъ въ Эстонию и 23 августа осадилъ Ревель. До 16 марта 1571 г. про-

должалась осада и еще разъ Іоаннъ видѣлъ полки свои униженными храбростію жителей Ревеля. Ни жестокая пальба, ни грабежи окрестностей, ни недостатокъ припасовъ, ни лестныя предложенія осаждающихъ, ничто не могло побѣдить упорства осажденныхъ. Со стыдомъ удалился Магнусъ въ Оберпаленъ, гдѣ сосредоточивалось все его королевство, ибо Эзель былъ уступленъ имъ во владѣніе брата. Русскіе воротились въ занятыя ими ливонскіе города, а Таубе и Крузе, не смѣя возвратиться въ Москву, рѣшились загладить въ глазахъ соотчичей покорность свою Царю московскому новою измѣною. Они мирно вошли въ Дерптъ съ нѣмецкимъ своимъ полкомъ, неожиданно напали, начали рѣзать Русскихъ и хотѣли взбунтовать жителей. Но никто не осмѣлился пристать къ нимъ, дружину ихъ пересилили числомъ и измѣнники бѣжали. Ревельцы праздновали побѣду, но не хотѣли принять бѣглецовъ, Таубе и Крузе удалились въ Курляндію, ругали, поносили Іоанна и въ письмѣ къ Кеттлеру описали всѣ ужасы, какихъ были свидѣтелями въ Москвѣ. Магнусъ услышавъ о поступкѣ измѣнниковъ, не считалъ себя безопаснымъ отъ гнѣва царскаго даже и въ Оберпаленѣ и бѣжалъ въ Эзель.

Но Іоаннъ не изъявилъ гнѣва, велѣлъ сказать

Магнусу, что неудача не разрушаетъ его намѣреній. Увѣдомляя о смерти княжны Евфиміи, невѣсты Магнуса, онъ предлагалъ ему руку сестры ея Маріи, опять съ королевскимъ титуломъ, бочками золота, своею милостию, и обѣщаніемъ помощи на завоеваніе остальной Ливоніи. Іоаннъ не жаловался и на то, что братъ Магнуса, Король датскій, помирился съ Швеціею (въ декабрѣ 1570 г.). Магнусъ опять увлекся блестящими надеждами, снова изъявлялъ свою покорность Царю. Іоаннъ обѣщалъ самъ придти въ Ливонію съ сильнымъ войскомъ и устроить дѣло.

Между тѣмъ въ Александровскую слободу везли красавиць со всѣхъ сторонъ Россіи: Царь вздумалъ жениться самъ, женить старшаго сына. Изъ 2000 дѣвиць знатныхъ и не знатныхъ, Іоаннъ выбралъ дочь купца новгородскаго, Марѳу Собакину, и объявилъ ее своею невѣстою. Милости посыпались на безвѣстныхъ дотолѣ Собакиныхъ, но, къ досадѣ Царя, Марѳа сдѣлалась больна, говорили что она испорчена, велѣно было разыскивать такой страшный умыселъ; разыскивали вмѣстѣ о порчѣ невѣсты царской и объ измѣнѣ людей, приведшихъ Девлета на Москву. Вскорѣ нашли виноватыхъ, Царь велѣлъ казнить ихъ, и немедленно казнили брата бывшей царицы Маріи, князя

Михаила Черкаскаго, Замятню Сабурова, двухъ Яковлевыхъ, Григорія Грязнаго и Гвоздева (двухъ шутовъ и любимцевъ Иоанна), Левъ Салтыковъ неволею постриженъ въ монашество. Не смотря на болѣзнь невѣсты Иоаннъ обвинчался съ нею 28го октября 1571 г., а 4го ноября женилъ царевича Иоанна на Евдокии Сабуровой. Ноября 13го Марфа скончалась. Царь объявилъ что горестъ не мѣшаетъ ему заниматься дѣлами и что онъ идетъ противъ непріятеля своего шведскаго Короля. Новгородъ назначенъ былъ мѣстомъ его пребыванія: въ декабрѣ Царь выступилъ въ походъ съ войскомъ и дворомъ многочисленнымъ, за ними везли шведскихъ пословъ, почти два года сидѣвшихъ въ заточеніи. Велѣно было предварительно объявить Новгородцамъ милость царскую; впереди Царя ѣхалъ новый владыка ихъ Леонидъ. Царя встрѣтили въ Новгородѣ униженно и покорно.

Но войны не было. Иоаннъ жилъ въ Новгородѣ до 18го января, распоряжался устройствомъ города, велѣлъ переговаривать съ шведскими послами и предложить имъ условія. Бояре обѣщали бѣднымъ посламъ свободное возвращеніе въ отчизну, если они согласятся убѣдить своего Короля на предложенія царскія. Требовали: уступки Ревеля, Эстоніи, части Финляндіи, уплаты 10,000 эфимковъ.

за оскорбленіе пословъ русскихъ; союза противъ Даніи и Польши; признаніе покорности русскому Царю съ титуломъ повелителя Швеціи. Изнуренные заточеніемъ, трепещущіе за жизнь свою, послы на все согласились, даже подписали предварительный договоръ, и приглашенные къ Царю кланялись ему въ ноги. Іоаннъ казался довольнымъ, бранилъ ихъ Короля, обѣщалъ ему милость свою, снова подтвердилъ, будто требовалъ прежде Екатерины потому только, что считалъ супруга ея умершимъ, наконецъ онъ объявилъ, что будетъ ждать отвѣта до Троицына дня, отпустилъ пословъ съ хвастливою грамотою, и отправился въ Москву.

Здѣсь разныя дѣла заняли Іоанна. Митрополитъ Кириллъ умеръ февраля 8го, 1572 г.; Царь собралъ соборъ для избранія ему преемника, но прежде предложилъ владыкамъ неожиданное требованіе: въ Успенскомъ соборѣ предсталъ онъ смиреннымъ грѣшникомъ, жаловался на злыхъ людей, погубившихъ трехъ супруговъ его и молилъ разрѣшенія на четвертый бракъ. Предсѣдателемъ собора былъ Леонидъ новгородскій; онъ и другіе владыки плакали, слыша, что Государь хочетъ принять иночество, если его не разрѣшатъ на супружество и торжественно разрѣшили Іоанна, съ эпитиміею. Надобно знать, что между тѣмъ свадьба Іоанна была

уже отпраздновала до разрѣшенія собора, онъ избралъ себѣ какую-то незнатную дѣвицу Колтовскую и обвѣнчался съ нею въ слободѣ. Царь осыпалъ Леонида милостями и дарами, но избралъ въ митрополиты другаго, архіепископа полоцкаго Антонія (въ маѣ 1571 г.). Иоаннъ усердно занимался послѣ того переговорами съ Польшею, Данишею, но думалъ объ одномъ.

Слышно было, что Ханъ крымскій не довольствуется отговорками Иоанна, требуетъ исполненія обѣщаній, данныхъ подѣ Москвою, и не разсѣдываетъ коней, готовый снова ринуться на Россію и увѣренный въ легкости добычи послѣ похода 1571 года. Пожарище Москвы, очищенное отъ труповъ, но малолюдное, едва застроенное кое-гдѣ, было несчастнымъ доказательствомъ важности угрозы ханскихъ. Страшась гнѣва Божія, который казался явель и бѣдствій Москвы, не вѣря своимъ полководцамъ, Царь не смѣлъ оставаться въ Москвѣ, но не хотѣлъ и показаться бѣглецомъ. Отрядивъ войско для охраненія Москвы, съ воеводами Воротынскимъ, Иваномъ Шереметевымъ, Иваномъ Шуйскимъ, еще въ январѣ по зимнему пути, Царь отправилъ въ Новгородъ изъ слободы и Москвы драгоцѣнности, припасы, снадобья на 450ти подводахъ. Весною удостовѣрился онъ о предпо-

ложенномъ Крымцами походѣ и объявилъ что не получая отвѣта отъ шведскаго Короля, идетъ покорять сего врага строптиваго. Въ маѣ онъ дѣйствительно простился съ Москвою, взявъ свою царницу, дѣтей, царедворцевъ, опричниковъ, часть войска и уѣхалъ въ Новгородъ. Дружины воинскія пошли въ ливонскія города, но Царь не воевалъ, молился, пировалъ, судилъ и казилъ какихъ-то преступниковъ, праздновалъ свадьбу своего шурина. Въ іюлѣ услышалъ онъ, что Ханъ уже вступилъ въ русскія области, съ полчищемъ еще болѣе прошлогодняго многочисленнымъ, съ Нагаями, Янычарами, Турками, что онъ уже близъ Оки, миновалъ всѣ города, и стремясь прямо къ Москвѣ, гдѣ располагался зазимовать, назначалъ себѣ мѣсто кочеванія на всю зиму. Съ часу на часъ Іоаннъ ожидалъ вѣсти, какъ измѣнники предадутъ царство его Крымскому Хану и услышалъ о побѣдѣ, о славѣ, уже давно забытой, и имъ и его подданными.

Не измѣнникъ былъ покоритель Казани, смиренно переносившій немилость царскую; въ горестной ссылкѣ своей онъ не разучился воевать. Вѣроятно присутствіе Бѣльскаго и Метиславскаго связывало его въ дѣйствіяхъ въ 1511 году. Теперь онъ былъ свободенъ, первый воевода царскій, и

оправдалъ прежнюю славу свою. Укрѣпясь на берегу Оки, въ трехъ верстахъ отъ Серпухова, Воротынскій мужественно ждалъ Хана. Девлетъ хотѣлъ обмануть его, завязалъ битву, перешелъ Оку и пустился къ Москвѣ. Воротынскій замѣтилъ хитрость, и не дался въ обманъ. Одни изъ отрядовъ его переняли у Татаръ дорогу въ Москву, другіе сбили оставленные Ханомъ отряды, третьи обошли его самого со всѣхъ сторонъ. Какъ звѣрь, пойманный тенетами, Девлетъ бросался во всѣ стороны, нападалъ, отступалъ; іюля 30го 1572 г. дана была кровопролитная битва на пространствѣ между рѣками Лопаснею и Рожаемъ, близъ Молодей; сражались съ утра до ночи, на разсвѣтѣ Татары бѣжали. Ханъ увелъ съ собою не болѣе 20000 воиновъ — остальные, болѣе 100000 погибли въ бою, попались въ плѣнъ, утонули въ Окѣ, были побиты при преслѣдованіи. Августа 6го привезли Іоанну донесеніе о побѣдѣ и трофеи, отнятыя у непріятеля. Августа 17го Царь уже отправился въ Москву, забывъ о войнѣ съ Шведами. Празднуя побѣду въ Новгородѣ, онъ только написалъ письмо къ шведскому Королю, ругалъ его, называлъ воровъ, грозился заплатить ему за всѣ обиды, и пріѣхалъ въ Москву славиться своею непобѣдимостью.

Девлетъ смирился, прислалъ пословъ, грамоты,

увѣрять, что шелъ повидаться съ другомъ своимъ Царемъ московскимъ, но холопы царскіе приняли его невѣжливо. Царь не щадилъ Хана въ рѣчахъ по коимъ его увѣрять, что и прежде только измѣнники открыли ему путь къ Москвѣ. Одинъ изъ любимцевъ царскихъ, шутъ Василій Грязной, братъ казненнаго Григорія, попался въ плѣнъ Крымцамъ. Думая угодить Царю, Ханъ соглашался обмѣнить его на храбраго Мурзу Дивія. Царь смѣялся надъ Грязнымъ и писалъ къ нему: „что Вася узналъ ты Крымцевъ? за чѣмъ заѣхалъ далеко! Думалъ ты, что Крымцевъ бить, какъ зайцевъ съ собаками травить, ажно самъ попался къ нимъ въ торока. Видно война не то, что балагурство за царскимъ столомъ и спасибо Татарамъ, что они васъ негодяевъ учить умѣютъ. Когда бояре стали намъ измѣнны, я приблизилъ къ себѣ васъ, мерзавцевъ, а вы и подумали, что вы ужъ великіе люди. Дѣлать нечего: тысячи двѣ брошу я за тебя, хоть прежде продавали вашу братью по 50ти рублей, и ты самъ ѣзжалъ въ старыя годы со псарями.“ Грязной оправдывался полусхута и былъ выкупленъ. Царь отпустилъ къ Хану Янъ-Болдыя, посла, сидѣвшаго въ неволѣ 17^{ть} лѣтъ. Ханъ отдалъ за то Іоанна отпускомъ знаменитаго посла Аѳанасья Нагаго (осенью 1573 г.), и клялся никогда болѣе

не воевать Россіи. Въ Крыму былъ тогда голодъ. Ободренные Козаки донскіе снова воевали Татаръ, даже успѣли захватить Азовъ и раззорить его.

Изъявляя презрѣніе свое къ Грязному и людямъ ему подобнымъ, Іоаннъ не удалялъ ихъ, и равно презиралъ, а еще болѣе опасался людей, подобныхъ Воротынскому. Отъ подозрѣній не могли спасать ихъ ни заслуги, ни подвиги. Но Іоаннъ увидѣлъ тогда ничтожность опричнины и пренебрегъ ею, такъ что многіе почитаютъ ее уничтоженною съ 1572 года. Она существовала до кончины Іоанна, только потеряла свою ужасную силу. Царь жилъ въ Москвѣ и въ Слободѣ своей, считая себя безопаснѣе прежняго. Тогда же казнилъ и истребилъ онъ гонителей и клеветниковъ святителя Филиппа.

Важныя событія въ Польшѣ занимали Іоанна, но поступки его были такъ же странны, какъ и всѣ другія дѣла сего времени. Надобно было думать о мирѣ: перемирію оставался только годъ срока. Сигизмундовъ посолъ пріѣхалъ въ Москву въ 1572 году, но не засталъ уже Іоанна въ Москвѣ, догналъ его и переговаривалъ съ нимъ въ Клину. Король жаловался на оскорбительныя писанія, разсѣваемыя объ немъ, на войну въ Ливоніи, требовалъ Полоцка, Царь отвѣчалъ что писанія разсѣ-

ваетъ не онъ, но измѣнники его Крузе и Таубе, что въ Ливоніи воевали Русскіе со Шведами, и что онъ готовъ уступить Полоцкъ, если границею ливонскихъ земель положить Двину. Изъ Новгорода Іоаннъ увѣдомилъ Короля, что ожидаетъ новыхъ пословъ его. Сигизмундъ обѣщаль прислать. Но вскорѣ получили извѣстіе о пресѣченіи рода Ягелова въ Польшѣ: Сигизмундъ скончался 18го іюля 1572 года. Надлежало избирать Короля. Въ Москву присланъ былъ отъ вельможъ польскихъ гонецъ Воропай, съ просьбою, чтобы Іоаннъ не начиналъ войны съ Польшею, пока польское государство будетъ безъ главы. Тогда Царь вспомнилъ, что еще при жизни Сигизмунда ему предлагали тронъ польскій. Грубо отвергнувъ его въ то время, теперь онъ самъ началъ искать согласія Поляковъ; призвалъ къ себѣ Воропая, хвалилъ вѣрность Поляковъ и Литовцевъ къ королямъ ихъ, жаловался на своихъ измѣнниковъ, соглашался на миръ, союзъ, уступки и требовалъ избранія въ короли сына его. Воропай обѣщаль донести о предложеніи его вельможамъ Польши и Литвы, а Царь рѣшился исполнить давнюю угрозу противъ Шведовъ, и уже не словами, но дѣломъ.

Въ сентябрѣ 1572 г. онъ выѣхаль въ Новгородъ, звалъ къ себѣ Магнуса, зимою пошелъ къ

Нарвѣ и въ декабрѣ 80,000 русскаго войска и самъ Царь вступили въ Эстонію. Возобновились убійства, грабежи, пожары, ужасы прежнихъ лѣтъ. Царь осадилъ Виттенштейнъ, и на приступѣ къ сей небольшой крѣпости палъ другъ и любимецъ его, убійца святителя Филиппа, Малюта Бѣльскій. Крѣпость была взята. Иоаннъ велѣлъ сжечь плѣнниковъ и съ честью похоронилъ Малюту въ Іосифовскомъ монастырѣ. Довольный успѣхомъ, онъ поѣхалъ отдыхать въ Новгородъ, оставивъ воеводу своихъ и Магнуса воевать и грабить Эстонію. „Видишь-ли дѣйствіе моего гнѣва и казнь за твою непокорность“ писалъ онъ къ шведскому Королю. „Неужели ты думалъ, что я дорожу честью жениться на твоей женѣ! Ея сестры бывали за конохами, а твои Шведы рабски служили моимъ предкамъ. Ты осмѣливаешься называть себя Королемъ, самозванецъ, мужичій сынъ! живы еще люди, которые помнятъ, какъ отецъ твой пасъ скотину и когда бывало привезутъ наши русскіе купцы воскъ, или сало, онъ надѣнетъ рукавицы и пойдетъ бывало смотрѣть товаръ и пробовать сало, да воскъ. Смирись предъ потомкомъ Кесаря Августа.“

Король потерялъ наконецъ терпѣніе, самъ отвѣчалъ ругательствами, называлъ Царя сыномъ не

отца вѣнчаннаго, по какаго-нибудь пьянаго монаха, клеветникомъ, лжецомъ, злодѣемъ. Еще лучшимъ отвѣтомъ Короля были дѣйствія полководца его Акенсона. Магнусъ и русскіе воеводы удачно заняли Нейгофъ и Каркусъ, но были разбиты Акенсономъ, такъ, что опрометью бѣжали отъ малочисленнаго непріятеля, Магнусъ прискакалъ въ Новгородъ, а Царь, испуганный новою измѣною, велѣлъ прекратить войну, послалъ ласковую грамоту къ шведскому Королю и предлагалъ ему мириться. Начались переговоры. Царь праздновалъ между тѣмъ свадьбу Магнуса, плясалъ на свадебномъ ширѣ, пѣлъ молитвы, пѣсни въ честь новобрачныхъ, и билъ тѣхъ, кто ошибался въ пѣніи.

Въ Новгородѣ видѣлся съ Іоанномъ посоль Герцога мекленбургскаго. Сигизмундъ обѣщаль сыну его Ригу съ титуломъ Герцога, хотѣли согласія русскаго Царя. „Рига еще не моя“ — отвѣчалъ Іоаннъ, „когда добуду ее, готовъ отдать и благодарю за смиреніе вашего Герцога, но вы Нѣмцы все обманщики, и я вамъ не вѣрю.“

Тоже говорилъ онъ и бѣдному Магнусу, когда этотъ Король ливонскій послѣ свадьбы не получилъ ни богатаго приданнаго, ни королевства, ни золота. Царь придалъ ему Каркусъ къ Оберпалену, велѣлъ дожидаться милостей, и прежде до-

казать свою вѣрность. Магнусъ принужденъ былъ повиноваться приказанію Грознаго дяди, уѣхать въ удѣль свой, утѣшать молодую супругу въ скукѣ уединенія и ждать въ будущемъ.

Только въ февралѣ 1573 года пріѣхали изъ Польши говорить съ Іоанномъ объ его предложеніяхъ, касательно избранія въ короли послѣ Сигизмунда. Кажется, однакожъ, что ни вельможи польскіе, ни Царь не видѣли возможности исполнить предполагаемое соединеніе Польши съ Россіею.

Вѣковая вражда, различіе религій, правленія, нравовъ обычаевъ — все раздѣляло Россію отъ Польши. Исторія Европы не много представляетъ примѣровъ правленія столь самовластнаго, каково было въ это время правленіе Іоанна. Власть королей польскихъ, напротивъ была тогда полуразрушенною. Уравненіе Литвы съ Польшею въ правахъ прибавило большинства свободныхъ голосовъ на сеймахъ. Личныя выгоды раздѣляли избирателей на множество партій и каждая имѣла въ виду умноженіе преимуществъ свободы при вольномъ выборѣ Королей. Послѣ сего соглашались на выборъ Грознаго Іоанна, или сына его, не было возможности. Еслибы онъ согласился отдать сына своего въ полную волю вельможамъ польскимъ,

была еще надежда. Но Иоаннъ и не думалъ о согласіи на условія Поляковъ.

Ему предложили жениться на немолодой и не красивой сестрѣ Сигизмунда, Аннѣ, если онъ отдастъ сына своего въ короли польскіе, за это требовали приданого: Полоцка, Смоленска, Ливоніи. Еще важное условіе: сынъ его долженъ былъ принять католическую вѣру.

Иоаннъ выслушалъ предложенія, жаловался на медленность отвѣта въ дѣлѣ столь важномъ, и потомъ хладнокровно сказалъ что „государство ему не новина; сынъ его молодъ и справить государствомъ не сможетъ, и что онъ совѣтуетъ всего лучше звать на королевство одного изъ сыновей Императора.

Послы видѣли холодность Иоанна, испугались вреда, какой могъ причинить въ это время Польшѣ, неготовой на защиту. Они умоляли его согласиться, или самому быть королемъ, или отдать сына. Тогда Иоаннъ началъ говорить: сказалъ что не онъ ищетъ королевства, но Польша ищетъ его, и послѣ сего прилично ли требовать приданого за сыномъ его, какъ будто за дѣвицею? Онъ объявилъ свои непремѣнныя условія: Польша присоединяется къ Россіи; Царь и Король будутъ въ одной особѣ, если же Поляки изберутъ

сына царскаго, то въ послѣдствіи, въ случаѣ бездѣтной кончины его должны исполнить означенное условіе. Но отдавая царевича въ короли, Россія получаетъ Кіевъ, Полоцкъ и Ливонію. „Знаю, прибавилъ Іоаннъ, что другіе предложатъ вамъ условія легче, но кто въ Европѣ сравнится величіемъ со мною, Царемъ, изначальнымъ потомкомъ Кесаря Августа! обещаю уваженіе всеѣхъ вашихъ правъ, и думаю, что меня самого лучше избирать вамъ, нежели моего сына, ибо тогда утвердятся прочное благоденствіе Россіи и Польши.

Послы возразили, что Король долженъ быть латинской вѣры, жить въ Польшѣ, а Царь не можетъ управлять Польшею изъ Москвы. Іоаннъ пересталъ говорить съ ними и приказалъ имъ удалиться.

На другой день онъ опять былъ милостивъ, сказалъ, что согласенъ попеременно ѣздить для временнаго управленія двумя государствами, и жить то въ Москвѣ, то въ Варшавѣ. Наконецъ Царь объявилъ и послѣднюю, тайную мысль свою; онъ желалъ отдѣлить Литву отъ Польши присоединить ее къ Россіи съ Ливоніею, а Польшу отдать Императору, или его сыну, съ титуломъ короля. Многоглаголюя изъяснялъ онъ выгоды подобнаго распоряженія.

Съ такими странными предложеніями отпра-
вились послы, увѣрясь, что Іоаннъ, обольщенный
мечтою владычества надъ Польшею, по крайней
мѣрѣ, не станетъ вредить ихъ отечеству. Мысль
о раздѣленіи между Австріею и Россіею Польши и
Литвы, сдѣлалась любимою мыслью Царя.

Но для исполненія предпріятія столь смѣлаго,
надобно было дѣйствовать сильно, рѣшительно и
Іоаннъ бездѣйствовалъ, сидя въ Москвѣ. Между
тѣмъ, на избирательномъ сеймѣ въ Варшавѣ явился
полный разгулъ страстямъ и партіямъ. Пріѣхали
послы Императора и Короля французскаго, като-
лики спорили съ протестантами, партія одного
вельможи съ партіею другаго. Объявлены были
кандидатами: сынъ Императора, Генрихъ Ва-
луа, братъ Короля французскаго, Король
шведскій, сынъ его Сигизмундъ, Царь Іо-
аннъ, сынъ его Федоръ. Назначали корону еще
Яну Фирлею, воеводѣ краковскому и даже Ка-
стеллану вецкому Яну Шафранцу и послу им-
ператорскому Богемцу Розенбергу. Но вскорѣ
остались спорными кандидатами только двое пер-
выхъ. И безъ того опасаясь, что Императоръ сдѣ-
лаетъ съ Польшею то же, что уже сдѣлалъ съ Бо-
геміею и Венгріею, боясь и Султана, объявлявшаго
непріязнь свою Польшѣ при выборѣ австрійскаго

принца, избиратели были еще оскорблены грубыми поступками императорскихъ пословъ. Напротивъ ни ласкательствъ, ни обѣщаній не щадилъ посольство Короля французскаго и мая 17го 1573 г. Генриха Валуа провозгласили Королемъ польскимъ. Знаменитое посольство отправилось во Францію. Статьи, подписанныя французскимъ посломъ показывали явную непріязнь избирателей противъ Иоанна: Франція обязывалась всѣми силами защищать Польшу, на сухомъ пути и на морѣ, отъ притѣсненій и жестокости русскаго Царя.

Тоже обѣщаль и Императоръ, но изъявляя не дружелюбіе къ Россіи пока дѣло о выборахъ не было еще рѣшено, онъ сдѣлался другомъ Иоанна, едва только потерялъ надежду видѣть сына своего на престолѣ польскомъ. Въ Іюля 1573 г. получили въ Москвѣ грамоту императорскую. Увѣряя въ дружбѣ, Императоръ брался исполнить мысль Иоанна, соглашался уступить ему Литву, съ предоставленіемъ себѣ Польши. Онъ говорилъ объ опасности, угрожающей имъ обоимъ отъ выбора въ Короли французскаго принца, ибо Франція всегда была союзница Турокъ; жаловался на безчеловѣчіе Карла IXго, истреблявшаго подданныхъ за различіе вѣръ. Гонецъ Скобельцынъ немедленно отправился къ Императору съ отвѣтомъ. Иоаннъ

соглашался съ опасеніями Императора, совѣтоваль спѣшить предположеннымъ дѣломъ, стараться задержать Генриха на пути, а между тѣмъ исполнить общій ихъ замыселъ. Особенное сожалѣніе изъявлялъ онъ о безуміи французскаго Короля, который такъ безчеловѣчно губить своихъ добрыхъ подданныхъ.

Но на всѣ изъявленія дружбы Іоанна, Императоръ отвѣчалъ только учтивою благодарностью, въ январѣ 1574 года, потомъ въ февралѣ. Въ маѣ пріѣхалъ въ Москву нѣмецкій купецъ для торговли, привезъ императорское письмо, но Императоръ не говорилъ уже ничего, даже и о дружбѣ. Онъ также не препятствовалъ проѣзду Генриха въ Польшу. Вступивъ на престолъ польскій въ февралѣ 1574 г., Генрихъ прислалъ къ Іоанну грамоты въ іюнѣ; увѣряя его въ желаніи мира, съ горестію увѣдомлялъ о кончинѣ брата своего Карла IXго, о томъ что онъ долженъ ѣхать во Францію и предоставляетъ польскимъ вельможамъ говорить о прочномъ мирѣ съ Россіею во время его отсутствія. Въ августѣ воротился Скобельцынъ изъ Вѣны безъ отвѣта, который Императоръ обѣщаль прислать особо. Іоаннъ видѣлъ недоумѣніе и недоброжелательство Императора, дружески отвѣчалъ Генриху и соглашался на миръ. Странное

извѣстіе пришло въ это время изъ Варшавы: Генрихъ легкомысленно презрѣлъ тронъ польскій, и тайно ускакалъ въ Парижъ (въ іюль 1574 г.). Въ Польшѣ начались новыя несогласія: одни хотѣли объявить между-царствіе и избрать новаго Короля; другіе предлагали звать Генриха обратно, рѣшено было наконецъ ожидать его возвращенія до мая 1575 года. Но все показывало что Генрихъ уже не воротится. Политика Императора явилась въ ужасномъ затрудненіи. Генриха чрезвычайно обласкали въ обратный проѣздъ его черезъ Вѣну на случай его возвращенія, не смѣли согласиться на мысль Іоанна — ожидая выборовъ въ Польшѣ; не хотѣли и раздражать Царя — если паче чаянія, сынъ императорскій не будетъ избранъ. Почти въ одно время, гонецъ Ельчаниновъ, возившій грамоту къ Генриху, привезъ тайныя грамоты отъ польскихъ вельможъ и Императоръ прислалъ отвѣтъ на грамоту, посланную съ Скобельцынымъ. Поляки писали открыто, что всего охотнѣе изберутъ Царя, или сына его, если только Царь согласится принять условія, на какихъ былъ избранъ Генрихъ, и польститъ самолюбію знатнѣйшихъ избирателей, пославъ къ нимъ просительныя грамоты; присланы были списки съ условій и образцы грамотъ. Императорская грамота со-

стояла только въ жалобѣ на Скобельцина, что онъ велъ себя грубо и неприлично; въ заключеніе Императоръ обѣщаль прислать особеннаго посла своего для переговоровъ. Гордость Іоанна оскорбилась письмами польскихъ вельможъ; онъ отвѣчалъ имъ, обѣщая милость за ихъ усердіе, но не говорилъ ничего объ условіяхъ, видя болѣе вѣрнаго въ раздѣлѣ Польши съ Императоромъ; для того принялъ онъ всѣ извиненія Императора, возложилъ опалу на Скобельцына, писалъ, что нетерпѣливо ждетъ посла. Но посолъ не пріѣзжалъ. Въ іюлѣ 1575 г. пріѣхалъ купецъ нѣмецкій, торговать въ Москвѣ и увѣдомилъ, что важные недосуги отвлекаютъ Императора. вмѣсто дѣла вздумали занять вниманіе Іоанна мелкими интригами и подозрѣніями на Магнуса.

Царь до того былъ увлеченъ дѣлами въ Польшѣ, что переносилъ всѣ оскорбленія Швеціи и хотѣлъ мира съ нею, представляя мщеніе будущему времени. Не полагаясь на своихъ измѣнниковъ, онъ изумлялся при томъ неожиданной твердости шведскаго Короля и сбора войска шведскаго. Посланника русскаго оскорбили, даже прибили въ Стокгольмѣ, Король говорилъ съ нимъ дерзко. Іоаннъ терпѣлъ выслать переговоривась съ Шведами на русской границѣ, ибо Король сказалъ, что

не пошлетъ посла своего въ варварскую землю, гдѣ не уважаютъ правъ государственныхъ и держатъ пословъ въ темницахъ. Странный конецъ былъ этимъ переговорамъ: когда Шведы показали родословную своего Короля, царскій посланникъ неожиданно призналъ его высокое достоинство, и отъ имени Царя согласился чтобы впредь Швеція сносилась черезъ пословъ своихъ въ Москвѣ непосредственно съ самимъ Царемъ, а не съ новгородскими намѣстниками, какъ прежде. Но за то Царь велѣлъ требовать Эстоніи; Шведы не уступили. Рѣшено, чтобы отъ сего времени въ теченіи трехъ лѣтъ не было войны на сѣверныхъ предѣлахъ между Россіею и Швеціею. Переговоры кончились. Въ Москву отправили договоръ для царскаго подтвержденія. Царь остановился.

Отъ Императора не было слуховъ, а въ Польшѣ приступили къ новымъ выборамъ, и Императоръ снова представилъ сына своего въ кандидаты, льстилъ Полякамъ, обѣщалъ имъ воевать Россію. Ноября 4го 1576 года начались выборы. Явились прежніе разборы, объявлены были прежніе кандидаты: сынъ Императора Эрнестъ, Король шведскій и сынъ его. Изъ вельможъ польскихъ опять объявлены: Янъ Костка, и Янъ Тенчинскій. Кромѣ того были новые: братъ Императора Фердинандъ

и Альфонсъ Герцогъ феррарскій. О Царѣ и сынѣ его даже не упомянули, какъ о несогласныхъ на условія, имъ предложенныя. Духовенство вообще стояло за Эрнеста; военные и гражданскіе чины соглашались избрать всякаго другаго, только не Нѣмца. Наконецъ провозглашено было безвѣстное дотолѣ имя Стефана Баторія, князя Седмиградскаго. Султанъ объявилъ, что только при избраніи Стефана Польша можетъ надѣяться мира съ Турціею. Оскорбленный неуваженіемъ словъ его, Султанъ грозилъ войною; Крымцы набѣжали на Литву. Это сильно подѣйствовало и вскорѣ имя Стефана раздалось въ устахъ многихъ. Согласіе знаменитаго Іоанна Замойскаго соединило голоса. Стефана провозгласили Королемъ польскимъ. Другая партія не уступала и объявила Королемъ Императора Максимиліана. Такое несогласіе раздѣлило всю Польшу: однѣ области признали Максимиліана, другія Баторія. Сеймъ кончился, но раздоры продолжались.

Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ услышалъ, что къ нему ѣдутъ наконецъ давно обѣщанные послы императорскіе. Онъ до того былъ раздраженъ, что послалъ спросить у нихъ: точно-ли они послы великіе и ѣдутъ за рѣшеніемъ дѣла, а не за торговлею и не просто съ грамотою, которая ничего не

рѣшить? Узнавъ, что это были два почетные чиновника императорскіе, Кобенцель и Букхау, Иоаннъ встрѣтилъ ихъ великолѣпно (въ январѣ 1576 г.). Послы представили богатые подарки. Но рѣчи ихъ не понравились Иоанну. Послы не скрывали, что сынъ Императора былъ въ числѣ избираемыхъ на польскій престолъ, уговаривали Царя не вступаться въ это дѣло, не трогать Ливоніи, помириться съ Швеціею, и за то въ громкихъ выраженіяхъ приглашали его воевать противъ Султана, изгнать Турокъ изъ Европы, взять Царьградъ и быть Царемъ русскимъ и греческимъ. Насмѣшливо отвѣчалъ на это Иоаннъ, припомнилъ прежнія неудачи сего замысла, соглашался помогать Императору въ выборѣ сына его, на престолъ польскій, но за то требовалъ Литвы и Кіева. „Дивлюсь,“ говорилъ онъ, „что едва вздумалъ я взять Ливонію, она стала всѣмъ наследною землею и Швеціи, и Польшѣ, и Императору, но Ливоніи я ни кому не отдамъ, не прощу и шведскаго Короля (грубіяна и невѣжду), принужу его покориться мнѣ.“ Послы замѣтили, что при несогласіи Царя, Императоръ принужденъ будетъ уступить тронъ польскій Баторію, котораго избираютъ Поляки! „Не посмѣютъ,“ отвѣчалъ Царь. Послы ничего не рѣшили и просили отпуска. Царь требовалъ, по крайней мѣрѣ, заклю-

ченія договора о Ливоніи. Послы отвѣчали что Императоръ пришлетъ для того самыхъ знаменитыхъ пословъ, какіе уже сто лѣтъ никуда не были отъ него посланы. Честолюбіе Іоанна удовлетворилось. Милостиво отпустилъ онъ пословъ и отправилъ къ Императору отъ себя пословъ легкихъ, князя Суторскаго и дьяка Арцыбашева, убѣждая Императора поспѣшить заключеніемъ прочнаго договора, пока дѣла въ Польшѣ еще некончены.

Тамъ жестоко боролись между тѣмъ партіи. Уже Стефанъ ѣхалъ въ Польшу. Но сообщники Императора не унимались, объявили его Королемъ, собрались въ Ловичѣ, отправили къ нему пословъ. Партія Баторія собралась въ Андрѣевѣ. Тогда явился въ Польшѣ русскій гонецъ Басмановъ, съ грамотами, Царь писалъ къ польскимъ вельможамъ, чтобы они избрали Эрнеста, къ ливонскимъ, чтобы они избрали отдѣльно въ Литвѣ сына его Теодора. Ему предложили скорѣе согласиться на условія, и двинуть войска, говорили, что всё искренно примутъ его, что именно таково было желаніе покойнаго Сигизмунда. Но Императоръ и Царь медлили; одинъ хотѣлъ совѣтоваться съ имперскими чинами, другой ждалъ отвѣтовъ императорскихъ, предлагалъ раздѣлъ Польши отъ Литвы, требовалъ

Ливоніи, Кіева. Между тѣмъ защитники Стефана усиливались, Сеймъ въ Андреевѣ умножался вновь прїѣзжавшими: Стефанъ успокоилъ католиковъ, сомнѣвавшихся въ его приверженности къ католицизму, протестантамъ обѣщалъ защиту; соглашался на все условія, обѣщалъ Польшѣ дружбу Султана, безопасность отъ Крымцевъ и брался непременно усмирить горделиваго русскаго Царя. Наконецъ Стефанъ согласился на бракъ съ сестрою Сигизмунда, Анною, пятидесятилѣтнею принцессою. Все это рѣшило выборы въ его пользу; послѣдніе противники замолчали, когда Стефанъ явился въ Краковѣ и силою готовъ былъ заставить ихъ повиноваться. Мая 1го 1576 г. совершилось коронованіе Стефана. Въ іюлѣ Императоръ прислалъ въ Москву извѣстіе, что онъ побѣдилъ враговъ своихъ, противившихся ему въ Польшѣ и можетъ назвать себя польскимъ Королемъ. Царь отвѣчалъ, что весьма радъ этому, дивится только, почему въ Краковѣ какой то Стефанъ также объявляетъ себя Королемъ. Однакожъ гонецъ поѣхалъ отъ него къ Императору съ поздравительною грамотою. Но Царь видѣлъ уже бесполезность усилій, пересталъ думать о Польшѣ, и объ избраніи въ короли. Въ январѣ 1577 г. возвратились Сугорскій и Арцыбашевъ. Царь утѣшался, слушая ихъ рассказы о почестяхъ,

какія воздавали имъ при дворѣ императорскомъ. Прежде ихъ пріѣзда, онъ холодно принялъ грамоту императорскую (въ ноябрѣ 1576 г.), въ которой Императоръ просилъ его не воевать Ливоніи, услышавъ, что Іаннъ уже велѣлъ снова громить эту бѣдную страну. Вскорѣ услышали о смерти Максимилиана: онъ скончался въ октябрѣ 1576 г. и тѣмъ очистилъ дорогу Стефану, къ безспорному владычеству въ Польшѣ.

Стефанъ хотѣлъ союза и дружбы Царя, но Іоаннъ не думалъ уважать бѣднаго воеводу Сендомирскаго. Онъ полагалъ, что по его наущенію, въ августѣ 1576 г., Девлетъ ходилъ на Россію. Іоаннъ послалъ войско на Оку; донскіе Козаки воевали въ окрестностяхъ Крыма, Девлетъ оробѣлъ и оборотился восвояси. Царь почелъ себя безопаснымъ со стороны юга, слышалъ что прусскіе города, особливо Данцигъ, не признаетъ еще Стефана, что его худо слушаютъ въ самой Польшѣ, что у него нѣтъ ни денегъ, ни войска. Сперва рѣшить дѣло въ Ливоніи, потомъ наказать гордость новаго Короля польскаго: такъ думалъ и рѣшилъ Іоаннъ. Гордостью почиталъ онъ посольство Стефана: пріѣхали совсѣмъ незнатные послы. Хотѣли узнать отъ нихъ, прежде всего, какъ написанъ титулъ царскій. „Увидите, когда прочитаете

грамату,“ отвѣчали они. Царь принялъ грамату въ полномъ величїи двора. Стефанъ смиренно просилъ его продолжать перемиріе, обѣщалъ прислать пословъ для переговоровъ о мирѣ. Но Царь велѣлъ отвѣчать, что Стефанъ оскорбляетъ его, не называя царемъ, и не полоцкимъ ни даже смоленскимъ княземъ, а себя именуя братомъ царевымъ и ливонскимъ государемъ, когда онъ рабъ венгерскаго Короля, присвоивающій себѣ власть надъ наслѣдною областью русскаго Государя. „Пусть исправится вашъ Король и тогда я пожалую его миромъ,“ прибавлялъ Царь. Стефанъ былъ доволенъ отвѣтомъ, спѣшилъ усмирить Данцигъ, отложилъ все споры до будущаго времени, а Иоаннъ, презирая Польшу, думалъ только о Швеціи и Ливонїи.

Тамъ уже начались битвы. Во время переговоровъ съ Швеціею и послѣ заключенїя страннаго договора 1576 года, русскіе воеводы подкрѣпляли угрозы Иоанна оружіемъ, ходили, „куда лучше и гдѣ просторнѣе, то есть, гдѣ еще можно было что нибудь опустошить въ бѣдной Ливонїи. Пернау былъ взятъ послѣ жестокой битвы. Шведы мстили осадою Везенберга. Никита Романовъ предводилъ Русскими, обѣщалъ милость покорнымъ, гибель противникамъ, и нѣсколько зам-

ковъ и наконецъ и Гапсаль сдались безъ сопротивленія. „Не знаемъ, что сдѣлать бы съ ними Царь нашъ за подобное дѣло,“ говорили побѣдители робкимъ защитникамъ Гаспала. Покорность спасла, по крайней мѣрѣ жизнь несчастныхъ обитателей Ливоніи, и болѣе они ничего и не надѣялись. Иоаннъ не былъ доволенъ успѣхами, хотѣлъ отнять у Шведовъ всю Эстонію. Насмѣшки шведскаго Короля еще болѣе раздражали его. „Изъ чего хочешь ты воевать со мною?“ писалъ ему Король. „Я продаю Ревель Императору; лучше поторгуйся съ нимъ.“ Царь велѣлъ идти и взять Ревель. Пятьдесятъ тысячъ войска отправилось зимою, и Иванъ Шереметевъ - меньшей даль слово, или умереть или завладѣть Ревелемъ. Въ январѣ 1577 г. отряды русскіе перешли по льду чрезъ Финскій заливъ и грабили Финляндію; договоръ съ Швеціею еще не былъ утвержденъ и это казалось позволительнымъ. Въ то же время осажденъ былъ Ревель, болѣе мѣсяца длилась свирѣпая осада — Ревельцы еще разъ торжествовали, Шереметевъ сдержалъ слово — онъ былъ убитъ на приступѣ, товарищи его отступили, въ началѣ марта, и довольствовались грабежами окрестностей.

Троекратное отступленіе Русскихъ отъ Ревеля, бѣдствія жителей, отчаяніе, до какого они

были доведены — все это произвело новый, опасный для Русскихъ, образъ войны мелкими отрядами и шайками. Шведы, Нѣмцы, Чухонцы вооружились, ходили въ мѣста занятія Русскими — умирать было все равно. Наконецъ явился какой-то отчаянный удалецъ Швакенбергъ, и не было мукъ, которыхъ не испыталъ бы онъ надъ Русскимъ, попавшимся его отчаянной шайкѣ; имя разбойника вскорѣ сдѣлалось ужасомъ Русскихъ, онъ занялъ Виттенштейнъ, Пернау, другія мѣста.

Іоаннъ ничему не внималъ, клялся отмстить; ужасныя полчища его вступили въ Ливонію; самъ Царь, съ дѣтьми своими, дворомъ, воеводами, прибылъ во Псковъ, и здѣсь явился къ нему Магнусъ. Ревель ожидалъ конечной гибели; жители умоляли помогать имъ въ новомъ бѣдствіи. Но, къ изумленію всѣхъ, меддивъ до конца іюля 1577 г., Іоаннъ не пошелъ туда, гдѣ готовились встрѣтить его мечемъ: онъ обратился на Ливонію, занятую Поляками. Никто не ожидалъ Русскихъ въ этой сторонѣ. Никто не готовился къ защитѣ. Города безъ сопротивленія сдавались отрядамъ царскимъ, покорныхъ щадили, даже отпускали въ Польшу, но кто дерзалъ защищаться — погибалъ. Въ Зесвегенѣ, взятомъ приступомъ, плѣнныхъ посадили на колъ. Вдругъ услышалъ Іоаннъ, что Магнусъ,

съ своею дружиною, осмѣливается брать города на свое имя и заставляетъ присягать себѣ, какъ ливонскому Королю. „Я тебѣ велѣлъ взять только Венденъ, мой Магнусъ, что же ты дѣлаешь?“ писалъ Иоаннъ, и съ страшными угрозами пошелъ отнимать у Магнуса избранные имъ города. Начали съ Кокенгузена, гдѣ перерѣзали 50 воиновъ магнусовой дружины, и терзали жителей, пока Иоаннъ спокойно разсуждалъ съ пасторомъ о вѣрѣ. Горячій заступникъ Лютера, пасторъ осмѣлился назвать его апостоломъ. Царь вспыхнулъ, ударилъ его плетью, закричалъ: „Убирайся къ чорту съ своимъ Лютеромъ!“ и прогналъ испуганнаго богослова. Потомъ сдался Вольмаръ, гдѣ умертвилъ 80 воиновъ Магнуса, разбивъ дома и имѣніе, объявивъ всѣхъ жителей рабами, Царь требовалъ къ себѣ Магнуса. Въ Венденѣ былъ этотъ жалкій Король, не зналъ, что дѣлать и отправилъ въ подарокъ Иоанну, захваченнаго имъ въ Вольмарѣ, польскаго воеводу, князя Полубенскаго. Въ досадѣ на Магнуса, Полубенскій открылъ Царю, что Магнусъ уже давно ссылается съ Герцогомъ курляндскимъ и хочетъ предаться Польшѣ. Иоаннъ подошелъ къ Вендену. Магнуса требовалъ онъ, и — Магнусъ явился въ русскомъ станѣ, когда по приказанію царскому сѣкли розгами двухъ по-

сланниковъ мнимаго Короля ливонскаго. Онъ упалъ въ ноги Царю, молилъ о пощадѣ, и безмолвно слушалъ, какъ Царь бранилъ его; послѣ сего заперли Магнуса въ бѣдной хижинѣ. Венденъ былъ занятъ. Но воины Магнуса убѣжали въ крѣпость съ женами, дѣтьми, не слушали никакихъ увѣщаній и не хотѣли сдаваться. Напрасно приказывалъ имъ Магнусъ, напрасно, ужасая ихъ, въ виду крѣпости посадили на колъ Георга Вильне, взятаго въ плѣнъ въ Вольмарѣ. „Не отдадимся на муки тирану!“ говорилъ Генрихъ Байсманъ, начальникъ Вендена — „умремъ, если Богъ не сотворитъ чуда для спасенія нашего!“ Тогда не было уже мѣры гнѣву Иоанна. Горсть храбрыхъ вызвала на битву Царя, среди его безчисленныхъ полчищъ, оставленная своимъ Королемъ.... Три дня разбивали пушками стѣны венденской крѣпости. Не видя спасенія, когда Русскіе ворвались уже сквозь развалившіяся стѣны, Байсманъ, воины его, жены, дѣти убѣжали въ огромный домъ Магистра. Здѣсь всѣ встали на колѣна; пасторъ причастилъ ихъ св. Таинъ, благословилъ; Байсманъ зажегъ приготовленный порохъ, и — зданіе взлетѣло на воздухъ; всѣ бывшіе въ немъ погибли.... Царь велѣлъ искать обезображенный трупъ Байсмана; его сыскали и посадили на колъ. Иоаннъ объявилъ смерть Вен-

дену... Содрагаемся, читая, что происходило среди его окровавленныхъ развалинъ.

Но Иоаннъ находилъ еще возможность видѣть въ такихъ событіяхъ, въ такихъ подвигахъ предметъ для гордости и хвастовства.

За чѣмъ шель онъ съ своимъ многочисленнымъ воинствомъ въ Ливонію? Оскорбить Стефана, тщетно угрожая местію шведскому Королю, мстить безразсудному, вѣтренному Магнусу, терзать несчастныхъ жителей Ливоніи? Чего же хотѣлъ онъ въ будущемъ? Чѣмъ хотѣлъ онъ кончить?

Еще нѣсколько городовъ сдались Русскимъ. Иоаннъ не пошелъ къ Ригѣ. Угостивъ своихъ воеводъ и польскихъ плѣнниковъ, онъ отпустилъ Полубенскаго въ Польшу, приказывая ему сказать Стефану: „видишь-ли мое величіе? Мирись, если не хочешь погибнуть!“ Тогда же вспомнилъ онъ о ненавистномъ ему человѣкѣ: это былъ Курбскій, смѣявшійся надъ его гнѣвомъ, дерзнувшій говорить ему истины и горькія укоризны. Царь вручилъ Полубенскому письмо, приказывая отдать его Курбскому — странное письмо, смѣшеніе гордости, досады, смиренія, ненависти. Уже пятнадцать лѣтъ опальные кости Адашева тлѣли въ могилѣ, множество соблѣтъ въ сіи годы давно унесли, смѣнили

собою дѣла, прежде бывшія; но Іоаннъ вспомнилъ и все высказывалъ Курбскому.

„Всемогущаго Бога, благоволившаго намъ, смиреннымъ и недостойнымъ рабомъ своимъ дать скипетръ Россійскаго царства — писалъ Іоаннъ — мы Царь и Великій князь (слѣдуетъ большой, полный титулъ) пишемъ бывшему нашему боярину и воеводѣ, князю Андрею Михайловичу Курбскому: смиренно говоримъ мы тебѣ князь — смотри на величіе Божіе и дивись; ожидая моего исправленія, меня, беззаконнаго, но не отступника и не отчаяннаго въ милости Божіей, меня грѣшника, блудника, мучителя, еще милуетъ и хранитъ Господь — ничья сила не стоитъ противъ меня, при помощи Божіей: это узнали Нѣмцы, Литва, Татары — спроси ихъ, я ничего не пишу, не хвалюсь, ибо не моя побѣда, но Божья. Припомню тебѣ изъ многихъ твоихъ упрековъ, на которые уже отвѣчалъ я, еще не многое. Хотѣли было вы съ попомъ Сильвестромъ и съ Алексіемъ Адашевымъ видѣть подъ своими ногами всю землю русскую, но видно, Господь Богъ даетъ власть, ему же хочетъ. Писалъ ты, что я растлѣнъ умомъ, но лучше разсуди самъ: кто въ самомъ дѣлѣ растлѣнъ, я или вы, желавшіе владѣть мною, снять съ меня власть прозорливо государиться, меня оставитъ царемъ по

имени, а самимъ быть царями по дѣлу! чего не претерпѣлъ я отъ васъ, а за что, за какую вину? или я уже послѣдняго слуги моего не стоилъ, какихъ у меня по Божьему и отцовскому благословенію была не одна сотня? Да, что объ этомъ — всего написать нельзя. Еслибы не разлучили вы меня съ моею женою, не приносилъ бы я жертвы Крону. Скажешь: для чего я непобѣдилъ страстей? но всѣ мы человѣки; ты самъ не взялъ ли себѣ стрѣлцкой жены? — Не возстаньте вы на меня съ попомъ Сильвестромъ, ничего-бы не было. Съ чего затѣвали вы возводить на престолъ Владиміра, а меня и дѣтей погубить? Развѣ я похитилъ войной, или кровью сѣлъ на него? Я родился на царствѣ и не помню, какъ отецъ благословилъ меня въ дѣтствѣ и какъ выросъ я на престолѣ. А Владиміру съ чего слѣдовало царство? по роду? по поколѣнію? нѣтъ! только по вашей измѣнѣ и его дурости. Виноватъ ли я былъ передъ нимъ? вы же, вельможи мои, уморили его отца, а его самого и съ матерью въ тюрьмѣ держали. Я возвратилъ ему честь и свободу, а онъ противъ меня пошелъ: я не вытерпѣлъ, мстилъ за себя. Вы упорнѣе начали противиться и измѣнять, а я еще жесточѣе явился надъ вами. Да, я хотѣлъ покорить васъ, а вы и святыню Господню осквернили и по-

ругали, осердясь на человѣка, да на Бога вскинулись. Отдавайте-жъ теперь отчетъ... Но я молчу, и только о настоящемъ напишу тебѣ: не видишь-ли, что Богъ даетъ власть кому хочетъ? Вы хотѣли сдѣлать по своему, какъ дьяволъ въ книгѣ Іова хвастая, но ваша.... ни во что обратилась Божиимъ изволеніемъ. Только, чтобы указать тебѣ на это, я пишу къ тебѣ. Вы говорили: „безъ насъ нѣтъ людей въ Россіи, некому за нее стоять! — Что же?“ Вотъ у меня нѣтъ васъ, а мы грады Германіи забираемъ? Они и боя не дожидаются — сдаются, а случится бой — тяжело побѣждены бываютъ. Спроси самъ — я многихъ плѣнниковъ къ вамъ отпустилъ.“

„Писалъ ты, что мы, изъявляя гнѣвъ свой, тебя въ дальноконечные грады посылали, но вотъ, съ Божіею помощію, при нашей сѣдинѣ, и подалѣ твоихъ дальноконечныхъ градовъ мы проѣхали и верхомъ и пѣшкомъ изъ Литвы и въ Литву все пути ваши перешли, и воды испили здѣшной. И какъ еще: тамъ, гдѣ ты хотѣлъ успокоиться, въ Вольмарѣ, и туда насъ Господь Богъ принесъ, и куда ты было ушелъ, пришли мы — изгнали тебя! Нечего дѣлать бѣги подалѣ! — Вотъ что мы тебѣ отъ немногаго малое хотѣли написать; разсуди о томъ, что ты дѣлалъ, и какова является къ намъ

милость Божія. Богъ видитъ, что мы не гордимся и не надмѣваемся, а пишемъ для того только, чтобы ты о спасеніи души своей подумалъ и покаялся. Писано въ отчинѣ нашей, лифляндской землѣ, городѣ Вольмарѣ, Лѣта 7086 (1577), государствованія нашего 43го, государствованія надъ Россією 31го, надъ Казанью 25го, надъ Астраханью 24го.

Курбскій неотвѣчалъ. Что могъ онъ теперь сказать Іанну, торжествовавшему побѣды? Стефанъ молчалъ, не двигался, шведскій Король также, а Іоаннъ считалъ походъ свой въ самомъ дѣлѣ побѣдоноснымъ, съ торжествомъ готовился онъ ѣхать въ Москву. Въ Дерптѣ былъ отдыхъ. Здѣсь, велѣлъ Іоаннъ подтвердить договоръ съ Шведами и сказать шведскому Королю, что скоро явятся Русскіе передъ Ревелемъ и Ригою. Долго думалъ Іоаннъ о судьбѣ Магнуса, и къ удивленію всѣхъ, не казнилъ, не послалъ его въ заточеніе. Довольствуясь униженіемъ, раскаяніемъ Короля ливонскаго, онъ снова отправилъ его царствовать въ Оберъ-Паленѣ и другихъ городахъ Ливоніи. Во многихъ киркахъ ливонскихъ сдѣланы были по волѣ Іоанна надписи, въ плохихъ нѣмецкихъ стихахъ, прославлявшія Царя и его могущество. Говорили, будто самъ Іоаннъ сочинялъ ихъ. Если письмо къ Курбскому доказывало, что Іоаннъ не

забывалъ прошедшаго, еще болѣе подтвердили это новыя казни, совершенныя послѣ его возвращенія въ Москву. Считая себя обеспеченнымъ отъ враговъ внѣшнихъ, онъ не видѣлъ уже надобности щадить остальныхъ измѣнниковъ. Князь Никита Одоевскій, шурина Владиміра, боярина Михайлъ Морозовъ, управлявшій подъ Казанью и въ первой ливонской войнѣ огнестрѣльнымъ снарядомъ; бояре Петръ Куракинъ и Иванъ Бутурлинъ, нѣсколько родственниковъ бывшей царицы Марѣи и многіе другіе знатные и незнатные, погибли въ мукахъ. За Іоанномъ привезли въ Москву подъ стражею псковскаго игумена Корниля, святаго мужа по добродѣтелямъ и Леонида, архіепископа новгородскаго, потакавшаго веѣмъ слабостямъ Іоанна, удостоеннаго его милостей и наградъ; обоихъ предали, безъ различія, казни. Наконецъ погибъ и знаменитый князь Михайлъ Воротынскій, завоеватель Казани, то изгнанникъ опальный, то побѣдитель, подарившій Іоанна послѣднею великою, славною побѣдою; впрочемъ его не казнили, только тяжело пытали, мучили, жгли на горящихъ угольяхъ.... Воротынскій умеръ отъ мученій дорогой, когда повезли его въ ссылку на Бѣло-озеро.

Между тѣмъ Царь видѣлъ передъ трономъ своимъ пословъ иноземныхъ, хотѣлъ чести, славы,

побѣдъ, датскій Король прислалъ къ нему посла своего Ульфельда, извѣщалъ о дружбѣ своей, не заступался за брата, называлъ Стефана врагомъ своимъ, и за все это просилъ оставить ему спокойное владѣніе Эзелемъ. Договоромъ, заключеннымъ въ Москвѣ (въ сентябрѣ 1578 г.), Данія обязалась не помогать Польшѣ, признавала Іоанна воспитателемъ всей Ливоніи и за то получила Эзель, свободу торговли, обѣщаніе дружбы.

Явились и польскіе послы. Царь слышалъ объ нихъ, бывши въ Ливоніи, но велѣлъ имъ ѣхать въ Москву и принялъ ихъ только въ январѣ 1578 года. Еще смиренно говорилъ Стефанъ, изъясняя свое удивленіе, что среди мира, Русскіе забрали города въ Ливоніи, принадлежавшіе Польшѣ. „Развѣ Ливонія ваша?“ — „Она моя!“ отвѣчалъ Царь, и за миръ потребовалъ Витебска, Курляндіи, Кіева. Долго говорили о мирѣ и заключили перемиріе на три года. За Россією оставлялъ Стефанъ всё завоеванія, хотѣлъ только вѣрнаго слова, что войны не будетъ. Іоаннъ далъ слово, но употребилъ хитрость недостойную: въ русскій подлинникъ договора включили слова, которыхъ не было въ польскомъ переводѣ, именно, что Стефанъ обязывается не вступаться въ Ливонію. Послѣ сего Царь думалъ, что ему можно управляться въ Ливоніи по

своей волѣ. Послы его поѣхали въ Польшу принять подтвержденіе мира Королемъ, а войска Іоанна начали дѣйствовать противъ Шведовъ и Поляковъ въ одно время. „Беру свое!“ отвѣчалъ Царь на всѣ увѣщанія, и послалъ искать союзниковъ въ Крыму, гдѣ умеръ тогда Девлетъ Гирей (въ іюнѣ 1577 г.); писалъ и къ Императору, предлагая ему выгнать Стефана изъ его королевства, и раздѣлить Польшу и Литву между Имперією и Россією.

Раздѣлить беззащитное царство Стефана, думалъ онъ — но громъ побѣдъ стефановыхъ скоро загремѣлъ въ Ливоніи. Польша заключила договоръ съ Швецією, обязавшись дѣйствовать заодно. Стефанъ еще не являлся самъ, но воеводы его отняли у Русскихъ Динабургъ и Венденъ; отбили русское войско, пришедшее осаждать сей городъ; Шенкенбергъ съ своею вольницею выжегъ предмѣстіе Дерпта, Шведы напали съ моря и сожгли предмѣстіе Нарвы. Наконецъ услышали, что Магнусъ оставилъ свое несчастное королевство и съ супругою своею уѣхалъ въ Курляндію, передался Стефану. Только крѣпость Ленворденъ отбилась отъ Поляковъ. „Немедленно отнять Оберъ-Паленъ и Венденъ!“ приказалъ Іоаннъ. Воеводы, князя Голицынъ, Тюфякинъ, Хворостининъ, Тюменскій взяли Оберъ-Паленъ, гдѣ захватили 200 Шведовъ,

осадили Венденъ и въ октябрѣ 1578 года были совершенно разбиты Поляками и Шведами. Кто бѣжалъ въ ужасѣ, кто отдавался въ плѣнъ; оставленные вождями, русскіе пушкари умертвили себя близъ своихъ пушекъ, но не сдались. Объ нихъ надобно вспомнить... Иоаннъ услышалъ и испугался.

Прежде вовсе не хотѣвши слушать граматы Стефана, увидѣвшаго подлогъ въ договорѣ и требовавшаго особыхъ условій о ливонскихъ городахъ, теперь онъ соглашался на условія, если Король подтвердитъ московскій договоръ и пришлетъ особыхъ пословъ. Но Стефанъ уже не хотѣлъ бесполезныхъ пересылокъ. Изъ Крыма вѣсти были неблагоприятны. Новыи Ханъ Магнетъ сначала казался другомъ Россіи, и нападалъ на Волынь. Иоаннъ велѣлъ униженно просить его о дружбѣ, послалъ къ нему множество подарковъ мелкихъ. Но Ханъ требовалъ большихъ даровъ, требовалъ, чтобы Козаки очистили Днѣпръ и Донъ, чтобы ему отдали Астрахань. Напрасно говорили ханскимъ посламъ, что донскіе Козаки бѣглецы и разбойники, неподвластные Россіи, а днѣпровскіе суть подданные Польши; что Астрахань уже 25^{тъ} лѣтъ область русская. Щедрость Стефана перемогла все доводы: униженіе, скупыя дары и обѣщанія царскія.

Сношенія съ Императоромъ тоже оказались

безуспѣшны. Максимилианъ, по крайней мѣрѣ, не отвергалъ мысли Иоанна о раздѣлѣ Польши. Новый Императоръ Рудольфъ, думая болѣе объ астрологѣи и алхиміи, соглашался только быть бесполезнымъ другомъ русскаго Царя; но совѣтовалъ на безчеловѣчное раззореніе Ливоніи Русскими и хотѣлъ прислать въ Москву посла своего, мирить Польшу и Россію.

Еще не унывалъ Иоаннъ. Поспѣшно двинулись его многочисленныя войска въ началѣ 1579 года. Самъ онъ выѣхалъ въ іюнѣ мѣсяцѣ и остановился въ Новгородѣ! Наступила година великаго кровопролитія; „иду на дѣло отечества и свое!“ говорилъ онъ въ думѣ боярской! Но если Иоаннъ забылъ уже о набѣгѣ Девлета на Москву, если не считалъ еще наказаніемъ Божиимъ успѣховъ непріятельскихъ въ Ливоніи, то вѣсти, полученныя имъ въ Новгородѣ, смутили его душу, робкую при малѣйшей неудачѣ, ибо они казались ему ужаснымъ привидѣніемъ, измѣною подвластныхъ и гнѣвомъ Божиимъ за грѣхи его!

Воротились Головинъ и Граматинъ, посланные для выслушанія присяги Стефана на договоръ 1578 г., и задержанные въ Польшѣ болѣе года. Король надѣялся убѣдить Иоанна на миръ, или хотѣлъ провести время, и между тѣмъ собрать силы. Теперь

готовъ былъ Стефанъ, усмирившій Данцигъ, соединившій всѣ мнѣнія подданныхъ своею смѣлостію, обнадеженный дружбою Швеціи, Даніи, Имперіи, Турціи, Крыма, и ненавистію всѣхъ къ Иоанну. Наступила минута, борьба отважнаго ума съ тяжелою вещественною силою. Головинъ и товарищи его донесли Иоанну, что ихъ долго не допускали къ Королю, что наконецъ Король принялъ ихъ среди великолѣпнаго двора, не хотѣлъ ни кланяться имъ, ни спрашивать о здоровьѣ Царя; что они не смѣли нарушить чести государя своего, сказали, что уѣдутъ не слушая рѣчей королевскихъ. „Пусть уѣдутъ,“ отвѣчалъ Стефанъ. — Что же сказать намъ Царю?“ спрашивали они потомъ у польскихъ вельможъ. „Король самъ пришлетъ отвѣтъ,“ отвѣчали вельможи. Послы русскіе немедленно уѣхали, а въ слѣдъ за ними поскакалъ гонецъ съ граматою къ Царю. Можно было предвидѣть отвѣтъ Стефана. Послы царскіе сказывали, что всюду въ Польшѣ собираются войска, что всѣ горятъ нетерпѣніемъ сразиться съ Русскими, ободренные храбростію своего Короля и успѣхами въ Ливоніи. Иоаннъ совѣтовался съ боярами, говорилъ, что если гонецъ королевскій везетъ непристойную дерзкую грамоту, ему невмѣстно явиться предъ царскимъ пресвѣтлымъ лицомъ. Нарочно-

посланные отобрали грамоту у гонца въ Дорогобужѣ, и его самого оставили въ неволѣ. Не имевъ Иоанна царемъ, самъ называясь королемъ ливонскимъ, Стефанъ исчислялъ все давнія обиды предковъ Иоанновыхъ, укорялъ его въ вѣроломствѣ, въ желаніи кровопролитія, въ овладѣніи ливонскими городами во время міра доказывалъ ему несправедливость мнѣнія, будто Русскіе брали тамъ свои города; укорялъ за нападеніе на Литву, смѣялся надъ мнимымъ происхожденіемъ Иоанна отъ Августа Кесаря. Смѣло объявлялъ онъ, что „взявъ Бога сотворителя въ помощь, за неправды, притѣсненія, обиды посламъ, оскорбленія сану королевскому, идетъ не проливать кровь Русскихъ, но отнять свое и повидаться въ полѣ съ государемъ, столь гордымъ и недоступнымъ.“ Бояре совѣтовали ничего не отвѣчать дерзкому Королю, но Стефанъ и не дожидаясь отвѣта: грамота была отправлена іюня 26го 1579 г., 30 іюня Король былъ уже въ Свирѣ и думалъ куда ему обратиться съ войскомъ; іюля 12го выданъ былъ отъ него манифестъ о причинахъ войны съ Москвою; въ августѣ, онъ былъ уже подъ Полоцкомъ.

Въ долготнее царствованіе свое Иоаннъ пережилъ двѣ эпохи европейскихъ государей. Онъ засталъ еще въ живыхъ Франциска, Карла I,

Солимана, Густава, сіи властители прешли, оставались Генрихъ III, Рудольфъ, Селимъ, Филиппъ, Иоаннъ шведскій, въ это бѣдное время, послѣ неславныхъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій королей польскихъ, Стефанъ Баторій являлся свѣтлою звѣздою на тронѣ Польскомъ и особливо среди своихъ современниковъ. Рожденный подданнымъ Венгріи, онъ былъ отлично образованъ, учился въ Италіи, говорилъ и превосходно писалъ по-латыни, любилъ науки и просвѣщеніе; умѣлъ угодить Султану и Императору, бывши Седмиградскимъ властителемъ съ 1570 года. До того времени онъ уже испытанъ былъ бѣдствіями, неудачами, и сидя въ тюрьмѣ у Максимилиана, когда пріѣхалъ въ Вѣну посломъ отъ Сигизмунда, хладнокровно читалъ записки Юлія Цезаря, и думалъ о будущей судьбѣ своей. Полагали, избирая его, что увидятъ въ немъ орудіе политики Султана и Императора; онъ казался удобнымъ орудіемъ и для замысловъ буйныхъ вельможъ Польши; но все ошиблись. Въ зрѣломъ возрастѣ (42^{хъ} лѣтъ) принявъ правленіе, согласясь на все унижительныя условія, на все ограниченія, Стефанъ въ три года примирилъ партіи, заставилъ протестантовъ любить, всехъ подданныхъ уважать себя, устроилъ войско, умножилъ доходы; казался богачемъ при

недостаткахъ, мощнымъ государемъ при малочисленномъ войскѣ. Первый онъ оцѣнилъ всю важность Козаковъ днѣпровскихъ и составилъ изъ нихъ сильную защиту отъ Крыма, важное пособіе въ войнѣ. Стефанъ умѣлъ избрать достойныхъ вельможъ: врагъ его Бекишъ самъ пріѣхалъ къ нему и былъ его другомъ; Радзивиль, князь Острожскій, наконецъ великій Замойскій были его совѣтниками и воеводами. Строгий къ непослушнымъ, твердый въ политикѣ, Стефанъ думалъ объ учрежденіи академіи въ воинскомъ станѣ, неберегъ себя въ битвахъ, не боялся трудовъ, опасностей военныхъ. Ему отказывали въ деньгахъ — онъ отдавалъ свои собственныя, не шли съ нимъ на войну — онъ призывалъ чужеземцевъ. Десятилѣтнее правленіе Стефана есть безспорное доказательство, что можетъ сдѣлать великій человѣкъ, не смотря на всё препятствіа.

Съ такимъ-то человѣкомъ, съ войсками, одушевленными его примѣромъ, надобно было сражаться Іоанну, одряхлѣвшему въ жизни буйной, гордому и недовѣрчивому, робкому и высокоумному, неударенному воинскими качествами, трепещущему и измѣнъ и гнѣва Божьяго. Противъ такого человѣка должно было ему посылать своихъ воеводъ, въ числѣ которыхъ не было уже ни Во-

ротынскихъ, ни Шереметевыхъ, Ивана и Никиты, ни Серебряныхъ, ни Адашева Данила. Крымъ, Султанъ были непріязненны Россіи; Швеція уже сражалась за оскорбленіе Короля своего, и Ревель, Венденъ, пожарище Нарвы доказывали, что Шведы могутъ биться мужественно. Стефанъ не имѣлъ и четвертой доли воиновъ противъ Іоанна: на его сторонѣ были умъ, и искусство.

Царь думалъ, что на кровавыхъ поляхъ Ливоніи откроются теперь битвы, не хотѣлъ самъ ѣхать и повидаться въ полѣ съ мужественнымъ соперникомъ. Надѣясь на крѣпкую стражу противъ Крыма и на Козаковъ противъ литовской границы, онъ послалъ князя Хилкова разорять Курляндію; отрядилъ другихъ воеводъ гнать Шведовъ отъ Нарвы. Но Стефанъ открылъ войну отъ Чернигова до Нарвы. Онъ совѣтовалъ Шведамъ напасть на отдаленные берега двинскіе и разорить торговые мѣста Русскихъ, куда пріѣзжали къ нимъ Англичане. Шведы не слушали его, довольствовались только нападеніемъ на занятые Русскими въ Ливоніи города. Стефанъ не сердился и подкрѣплялъ ихъ; Радзивиль отнялъ у Русскихъ Киземпе, отряды польскіе опустошили Псковскую, Смоленскую области. Толпа Козаковъ и князя Острожскій и Вишневецкій сожгли Ста-

родубъ, приступали къ Чернигову не могли овладѣть крѣпостью но выжгли городъ.

Самъ Баторій явился не въ Ливоніи. Онъ ударилъ на Полоцкъ, какъ мы уже говорили прежде. Съ нимъ были отборныя войска нѣмецкія, венгерскія, и вождями ихъ Замоискій, Бекишъ, Радзивилъ и самъ Стефанъ.

Смѣлость, быстрота натиска были необходимы Стефану, чтобы въ виду сильнаго войска іоаннова вырвать Полоцкъ, особенно укрѣпленный Русскими въ теченіе 16 лѣтъ. Двѣ крѣпости и острогъ составляли его; 6000 войска, и князя В. Телятевскій, Д. Щербатовъ, съ П. Волынскимъ и дьякомъ Ржевскимъ защищали Полоцкъ. Сильнымъ приступомъ Поляки овладѣли городомъ и острогомъ. Русскіе ушли въ крѣпость, утопили польскихъ плѣнниковъ, бывшихъ въ городѣ и упорно защищались. Осада продолжалась; начались дожди, въ войскѣ осаждающихъ былъ недостатокъ сѣна, припасовъ, начинались ропотъ и несогласія. Шеинъ, князя Лыковъ, Полецкій, Кривоборскій спѣшили съ войскомъ помогать Полоцку. Стефанъ выставилъ часть своего войска для удержанія Шеина, который не посмѣлъ послѣ сего нападать, занялъ Соколь и ждалъ приказовъ Царя. Стефанъ былъ въ одно время и королемъ и воинемъ, приказыва-

валъ и дѣйствовалъ, видѣлъ опасность, понималъ важность неудачи перваго подвига. Онъ назначилъ отчаянный приступъ, Венгенцы его пошли смѣло и зажгли стѣну крѣпости, другіе подкрѣпили ихъ, самъ Король бросился въ битву — и принужденъ былъ отступить. Калеными ядрами начали стрѣлять по крѣпости на слѣдующій день, пошли опять на приступъ — все было тщетно. Но три недѣли непрерывнаго боя изнурили осажденныхъ; Волынкій вступилъ въ договоры, вопреки мнѣнію своихъ товарищей; войско было согласно съ нимъ; даже архіепископъ не противорѣчилъ. Городъ сдали съ условіемъ, что осажденнымъ позволятъ свободный выходъ въ Россію: никто изъ Русскихъ не согласился вступить въ службу королевскую: такъ велика была ненависть къ Полякамъ, что лучше хотѣли подвергнуться всей строгости Царя, нежели принять ласковыя предложенія Короля польскаго. Телятевскій, Щербатовъ, Ржевскій несогласныя съ Волынскимъ, не утверждали договора, заперлись въ церкви св. Софіи, силою были извлечены изъ нея и отведены въ станъ польскій. Стефанъ не щадилъ наградъ и милостей; объявилъ свободу вѣры, безопасность жителей. Никто изъ воиновъ его не смѣлъ грабить и убивать.

Вѣсть о взятіи Полоцка, потерѣ завоеванія, ко-

торыми такъ гордился Іоаннъ, была получена имъ вмѣстѣ съ письмами Курбскаго. Бѣглець находился въ станѣ Баторія, и столько же помнилъ объ укоризнѣ Царю, какъ самъ Царь помнилъ, что ненавистный измѣнникъ еще живъ. — „Изгнанному, убогому, мнѣ-ли выписывать весь титулъ твой, мнѣ-ли быть твоимъ духовникомъ, хотъ ты не престаешь исповѣдываться мнѣ о грѣхахъ своихъ?“ — писалъ Курбскій — „я человекъ военный, но порадовался бы и я твоему исправленію, только не вижу его, и твое исправленіе, какъ изъ письма твоего видно, на обѣ ноги хромаетъ. И ты, Царь, не стыдишься писать такіе граматы въ нашу просвѣщенную землю? что въ твоей эписistolіи? То раскаеваешься ты, то ругаешься, то смиряешься, то гордишься. Нѣтъ! только на устахъ твое покаяніе, а не въ сердцѣ, отъ дьявола оно, а не отъ Бога. Называешь ты сынами бѣса святыхъ мужей, но забылъ, что клевета на христіанина есть хула на св. Духа, а сія хула въ вѣкъ не отпустится. И что гнуснѣе и сквернѣе, что ты на духовника своего, отчистившаго нѣкогда твою царскую душу отъ скверны грѣховной, клеветцешь и изрыгаешь хулу, даже и послѣ смерти его. И могила его не угашаетъ злобы твоей! Или забылъ ты, Царь, повѣсть о Хамѣ, наругавшемся наготѣ

отчей? Если такъ о тѣлесныхъ отцахъ, что же духовные? Если бы и дѣйствительно, какъ говорили твои ласкатели, ложными видѣніями обольстиль тебя нѣкогда Сильвестръ, и я скажу: правда, льстець онъ былъ, коваренъ, благокозненъ — исторгнулъ тебя изъ сѣтей діавола и привелъ къ Богу. Такъ творять врачи, рѣжущіе тѣло, пораженное гангреною, и изцѣляющіе недужныхъ; такъ исцѣлялъ тебя и блаженный Сильвестръ — прилагалъ тебѣ пластырь мучительныхъ словъ, какъ бритвою, рѣзалъ поученіемъ нравы твои и сбилось на немъ слово мудрое: обличай премудро и возлюбитъ тя. Окончаніе рѣчи ты самъ вѣдаешь, искусный въ священномъ Писаніи. И притомъ, какъ мнѣ браниться съ тобою, смогу-ли къ твоей царской высотѣ приразиться я, убогій! Удаюсь отъ брани, ибо не достоинъ воину, какъ рабу подлому, перебраниваться. А многое могъ-бы я напомнить тебѣ: и то, что было въ святые дни твоего исправленія: и то что было потомъ, глады, бѣдствія, болѣзни, насланные за грѣхи твои; и мечъ варварскій, мститель закона Божія, опустошеніе Россіи, сожженіе Литвы, града пресловутаго, опроверженіе твоей царской души, обращеніе плецъ твоихъ въ бѣгство, когда ты едва не погибъ голодомъ, хоронясь съ своими кромѣшниками. И отъ кого еще? Отъ

измаильскаго пса, который прежде бѣгая насъ, слугъ твоихъ, на поляхъ дикихъ мѣста не находилъ, которому нынѣ платишь ты дань, когда прежде платили мы ее саблями по бусурманскимъ головамъ.“

Курбскій доказывалъ далѣе, что присяга, по неволѣ данная, ничтожна, и никто не обязанъ исполнять ее предъ Иоанномъ. „Я бѣжалъ отъ тебя; но кто небѣжитъ отъ лютаго гоненія, тотъ самъ себѣ убійца и Господь нашъ не бѣгалъ ли отъ смута и зависти жидовъ? Не говори, что я, оскорбленный человѣкомъ, возсталъ на Бога, то есть раззорялъ и грабилъ церкви православныя — разсмотри лучше и не клевети: и Давидъ воевалъ по волѣ поганскихъ царей на Израиля, но я исполнялъ волю царей христіанскихъ. Исповѣдую грѣхъ мой: какъ по твоему слову нѣкогда сжегъ я Витебскъ съ 24мя церквами, такъ по слову короля Сигизмунда воевалъ Луцкую область.“ Оправдываясь въ войнѣ противъ родины своей, Курбскій обращается къ обвиненію Иоанна о разлученіи его съ Анастасією. „Не отвѣчаю на сіе, ибо слишкомъ нелѣпо обвиненіе, и за святыхъ почившихъ смертію друзей моихъ правда вопіетъ громче всякой трубы. О себѣ скажу, что рожденный отъ племени св. князя Феодора, я не привыкъ ѣсть са-

маго себя и пить кровь братій, какъ дѣлали это твои предки и дѣлаешь ты. Анастасія была мнѣ близкая родня; могъ ли я злоумышлять противъ нея?“ Упомянувъ мимоходомъ о Владимірѣ Андреевичѣ, Курбскій пространно насмѣхался надъ побѣдами, о которыхъ писалъ къ нему Іоаннъ „Еще и не двигался Король нашъ, дома пребывали дворяне наши и воины, а Латыши разрушали уже побѣды твои. Едва явились настоящіе наши воины, твои окаянные воеводишки, или лучше сказать каляки, повлечены были въ чимбурахъ, на посмѣяніе народное, на стыдъ русской землѣ.“ Называя баснями пьяныхъ бабъ слова Іоанна о Сицкихъ, Прозоровскихъ, Стрѣлецкой женѣ, кроновыхъ жертвахъ — „торжествуй,“ говорилъ Курбскій — „погубивши великихъ воеводъ своихъ, торжествуй съ каляками, исчезающими нетолько отъ появленія одного воина, но даже отъ вѣтрами листа. Не думай, чтобы я не хотѣлъ или не могъ давно отвѣчать на твой широковѣщательный листъ, но не могъ я послать къ тебѣ отвѣта, ибо затворилъ Русь, какъ твердыню адову: кто ѣдетъ отъ тебя, тотъ измѣнникъ, кто ѣдетъ къ тебѣ, ты казнишь. Прочти отвѣтъ мой, и умоляю тебя, не пиши болѣе ничего къ чужимъ слугамъ, умѣющимъ отвѣчать лучше тебя — заговоришь по

волѣ, услышишь отвѣтъ по неволѣ. Посылаю тебѣ двѣ главы изъ Цицерона, котораго также упрекали, какъ упрекаешь ты меня. Разсуди самъ: если поганскіе философы такъ благо разумно мыслили по естественному разуму, какой отвѣтъ Богу дадимъ мы, христіане, безумствуя при святой вѣрѣ нашей? Ты примѣръ суда и казни Божіей, ты униженный наказаніемъ, Фараонъ непокорностью, поправшій законъ и совѣсть. Въ какую бездну упалъ ты, прежде столь мудрый, нынѣ уже и памяти прежняго добра лишенный.“

Слѣдовало исчисленіе примѣровъ изъ Библии и исторіи — Ахавъ, Илія, Моисей, Константинъ, Мексентій, новыя укоризны о ничтожности побѣдъ въ Лифляндіи. „И Полоцкъ, добытый грудью твоею, когда еще были при тебѣ великіе воеводы, нынѣ ты предалъ, и собравшись во всѣмъ своимъ воинствомъ, за лѣсъ забился, хоронила, бѣгунъ, трепещешь, когда никто за тобой не гонится: совѣсть твоя гонитъ тебя. Ругайся — тебѣ осталось одно: ругаться, какъ пьяная баба, ибо все другое ты уже погубилъ, все въ тебѣ исчезло, приличное царю. Вспомни прежнее и покайся.“ Курбскій совѣтовалъ Іоанну въ заключеніе читать сочиненіе Ісаака Сирина и Іоанна Дамаскина. „Гордый своею премудростію, пишешь ты въ чужую

землю, чужимъ слугамъ, хочешь учить, и всё смѣются тебѣ, по слову Апостола: ты кто еси, судяй чужому рабу? усмирись, войди въ чувство — уже время, уже ты ближе тѣломъ къ гробу, а душою къ отвѣту предъ Богомъ, нежели къ щетѣ жизни. Аминь. Писано въ славномъ городѣ Полоцкѣ, землѣ свѣтлаго, паче же богатырскими дѣлами славнаго Короля Стефана, государя нашего, въ 3й день по взятіи града.“

Горькое для Іоанна время избралъ Курбскій, отвѣчая ему. Въ Новгородѣ услышалъ Іоаннъ о новыхъ подвигахъ Стефана. Шеинъ дождался въ Соколѣ взятія Полоцка, все еще недоумѣвалъ и 19 сентября увидѣлъ себя окруженнаго Поляками. Крѣпость загоралась отъ каленыхъ ядеръ; Стефанъ повелъ войско на приступъ. Видя пожаръ кругомъ, Русскіе бросились изъ крѣпости, дрались отчаянно, были вогнаны снова въ горящій Соколъ, и затворили ворота. За ними ворвалась и часть Нѣмцевъ; убійство происходило среди огня, дыма, удушающаго жара, пока съ другихъ сторонъ ворвался непріятель, и побѣда рѣшилась въ пользу Стефана. Шеинъ, Лыковъ, Полецкій, Кривоборскій были убиты; бѣжали немногіе; остальныхъ забрали въ полонъ, израненныхъ, обгорѣвшихъ, изувѣченныхъ. Завоеваніе Полоцка и Сокола, до-

рого стоившее Стефану, за то произвело ожидаемое дѣйствіе — никто болѣе не противился ему: безъ битвы сдались ему города: Красный, Туровль, Нецерда, Козьянъ, Ситна; Поляки ходили повсюду, жгли селенія, забирали въ полонъ, Стефанъ спѣшилъ послѣ сего явиться на сеймъ, указать на дѣла свои, требовать помощи, говорить о новыхъ предпріятіяхъ.

И Царь спѣшилъ въ Москву, гдѣ не могъ уже похвалиться побѣдами. Онъ велѣлъ даже предварительно объявить народу объ успѣхахъ Польши и надеждѣ своей только на Бога. Дьякъ Щелкаловъ, въ черномъ одѣяніи, сказалъ объ этомъ народу съ лобнаго мѣста. Народъ безмолвствовалъ, жены лишившіяся мужей въ Полоцкѣ и другихъ мѣстахъ, вопили, плакали, ихъ грозили высѣчь розгами; онѣ умолкли; и Царь, слыша что никто не смѣетъ бунтовать, явился въ Москву. Здѣсь поспѣшно велѣлъ онъ собирать войско и посылать въ Псковъ и Новгородъ, лѣнливыхъ, ослушныхъ били кнутомъ. Созванъ былъ соборъ духовенства, Царь предложилъ собору „о належащемъ варварскомъ прещеніи отъ Турокъ, Крыма, Ногаевъ, литовскаго Короля, съ коими соединились Польша, Угры, Нѣмцы лифляндскіе и свѣйскіе, и образомъ дивіяго зрѣря распыхались, гордостію дмя-

щеся, хотятъ истребить православіе.“ Требовалось пособіе духовныхъ и положено было всѣ княжескія помѣстья, всѣ пріобрѣтенныя монастырями, куплею или закладами помѣстья поверстать въ казну; впредь ни отъ кого помѣстьевъ духовенству не брать, а получать изъ казны ругу деньгами.

Но собирая войско и деньги, Царь не распоряжался, какъ отбивать непріятели, не думалъ идти походомъ въ его землю; слышалъ, что зима не прерываетъ дѣйствій Стефана. Могъ порадоваться только тому, что Шведы безуспѣшно отступили отъ Нарвы, были преслѣдуемы Русскими, и что грозный Шванкенбергъ попался наконецъ въ руки воеводъ его. Царь приказалъ казнить плѣнника, не принимая за него никакого выкупа. Всего роробѣя, тотчасъ послѣ взятія Полоцка, онъ велѣлъ боярамъ писать въ Литву, что только они уговаривали Царя не идти великимъ походомъ и соглашаться на переговоры о мирѣ, приглашая къ тому вельможъ литовскихъ. Воевода полоцкій прогналъ гонца боярскаго; Царь велѣлъ ему снова ѣхать черезъ Смоленскъ, жалуясь на обиду. Вмѣсто отвѣта, Стефанъ прислалъ въ ноябрѣ грамоту прямо къ Царю, требуя только свободы гонцу Лопатинскому, задержанному въ Дорогобужѣ, лѣтомъ 1579, и не говоря ни слова о мирѣ. Іоаннъ былъ

тогда въ Новгородѣ, принялъ посланнаго съ неслыханною почестью, обѣдалъ съ нимъ, вручилъ ему дружескій отвѣтъ къ Стефану, опасныя грамоты для пословъ, просилъ остановить войну, размѣнять плѣнныхъ. Лопатинскому объявили, что Царь не смотря на привезенную имъ злую грамоту, никогда не искалъ его убогой крови; его отправили съ гонцомъ и съ новыми мирными предложеніями.

Стефанъ отвѣчалъ, что не время думать о размѣнѣ плѣнныхъ, когда идетъ война, и что Іоаннъ можетъ прислать своихъ пословъ, если угодно. Онъ снова укорялъ за ложныя прибавки въ уговорѣ. Царь оправдывался, не хотѣлъ отправить пословъ къ Стефану, ссылаясь на древній обычай говорить о мирѣ въ Москвѣ. Стефанъ ничего не хотѣлъ слушать, далъ сроку пять недѣль для присылки пословъ, и объявилъ, что послѣ сего немедленно пойдетъ съ войскомъ. Надобно было нарушить старій обычай; но цѣлый мѣсяцъ собирались послы и выѣхали только въ концѣ іюля 1580 года, когда срокъ данный Стефаномъ уже минулъ. Со страхомъ готовился Іоаннъ на войну. Разряды были росписаны еще въ маѣ мѣсяцѣ. Нельзя было не удивляться, видя многочисленность русскихъ войскъ и воеводъ, и изумительную не-

рѣшительность распоряженій. Русскимъ велѣно было только защищать ливонскіе города и родные предѣлы, Стефана ждали въ одно время ко Пскову Смоленску, и Копенгузену. Главными воеводами русскими оставались царь Симсонъ Бекбулатовичъ, называвшійся княземъ тверскимъ, и бояринъ князь Мстиславскій. „Смотрите по дѣлу, какъ васъ Богъ вразумитъ и какъ будетъ пригоже беречь и дѣлать государево и земское дѣло:“ въ этомъ состояли все приказанія Іоанна. Онъ остался въ Александровской слободѣ своей, и ждалъ, что будетъ.

Король не могъ медлить, не могъ и согласиться на прекращеніе войны. Съ одной стороны, онъ, зная хитрость Іоанна, могъ предполагать, что Іоаннъ образумится наконецъ отъ страха и сила побѣдитъ храбрость. Надобно было оглушить, и зумить быстротою и непреклонностью врага непримирамаго. Съ другой стороны Стефанъ боялся своихъ: мятежные сеймы волновались, спорили противъ него, враги клеветали на Короля, на его друга Замойскаго. Медленіе могло ослабить послѣдній остатокъ усердія немногихъ. Только наемными войсками могъ Стефанъ снова дополнить войско, только пожертвованіями своихъ доходовъ нанять ихъ и только подвигами уничтожить своихъ.

непріятелей внутреннихъ. Такъ и дѣйствовалъ онъ.

Едва пять недѣль срока, даннаго на присылку русскихъ пословъ, минули, Стефанъ сталъ въ полѣ. „Срокъ минуть“ отвѣчалъ онъ на грамату Царя, увѣдомлявшаго, что вопреки древнему обычаю, послы ѣдутъ къ нему, и вопіявшаго о вѣроломствѣ. Непроходимыми путями обошелъ Король все заставы русскія, съ 50000 войска ударилъ на російскія области и осадилъ Великія Луки. Усвятъ сдался ему 15 августа. Въ станъ королевскій явилось великое посольство московское: князь Сицкій, дьяки Пивовъ и Петелинъ съ 500 провожатыхъ. Страшная пальба разрушала стѣны города, когда Стефанъ слушалъ пословъ. Съ важностію говорили, они, что великій Царь согласился для дружбы съ братомъ своимъ Стефаномъ прислать къ нему ихъ, великихъ пословъ, и за миръ уступали царскимъ именемъ Полоцкъ и Курляндію. Король смѣялся, потребовалъ въ придачу Великихъ Лукъ, Пскова, Смоленска, Новгорода. Послы ужаснулись, просили позволенія писать къ Царю и дождаться его отвѣта, Король позволилъ, и въ глазахъ ихъ, Великіе Луки были взяты приступомъ послѣ взрыва городской стѣны, 5 сентября. Князь Хилковъ шелъ отъ Торопца; его разбили. Не смо-

тря на глубокою осень, недостатки, болѣзни, свирѣпствовавшія въ войскѣ, Стефанъ осадилъ Заволочье и принудилъ его сдаться; прежде того сдались Невелы, Озериче. Король спѣшилъ въ Варшаву, собирать деньги и войско. Послы Іоанна поѣхали за нимъ, уговаривая его мириться. Стефанъ не уступалъ, и уже не боялся неудачъ: отрядъ посланный имъ подъ Смоленскъ, былъ разбитъ. Мстиславскій осмѣлился вступить въ Литву, грабилъ и жегъ сколо Дубровины, Орши, Могилева, Радомля, и ушелъ безопасно. Но въ Ливоніи Поляки торжествовали: Магнусъ ходилъ съ ихъ войсками, взялъ Пильденъ; Шведы осадю и приступомъ захватили Падисъ, Везенбергъ сдался имъ. Открылись дѣйствія и въ Финляндіи. Шведы завоевали тамъ Кексгольмъ. Поляки врывались въ дерптскую, въ псковскую области, и зимою изъ Великихъ Лукъ взяли Холмъ, сожгли старую Русу. Далеко оставалась назади спорная Ливонія. Стефанъ двинуся къ сердцу Россіи.

Плачевный примѣръ упадка духомъ являлъ въ это время Іоаннъ. Въ 1579 г. онъ казнил злодѣя Бомелія, бывшаго у него медикомъ и палачемъ. Говорили, что у Бомелія открыта была переписка съ Польшею, открылись и сообщники его, между ними оказался Давидъ Бѣльскій, родня

любимца іоаннова Богдана Бѣльскаго. Не дожидаясь казни, Давидъ бѣжалъ въ Польшу. Царь уже не преслѣдовалъ никого. Униженно писалъ къ свидѣтелямъ торжества стефанова, посламъ своимъ приказывалъ уступать городъ за городомъ, и только просить мира. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1580 г. Стефанъ выслалъ ихъ изъ Варшавы. Царь не оскорбился, и въ мартѣ послалъ новыхъ пословъ, Евстафія Пушкина, Федора Писемскаго. Имъ велѣно было вымолить у Короля только четыре города въ Ливоніи и уступить Полоцкъ. „Стануть васъ бранить, безчествовать, лаять, даже бить — отвѣчайте слегка, не бранитесь и терпите побои,“ сказано было въ наставленіи посламъ. „Вы опять пришли съ бездѣльемъ: торговать о Ливоніи, а не заключать миръ!“ воскликнулъ Король. Онъ объявилъ послѣднія требованія: очистить Ливонію, одать Смоленскъ, Псковъ, Новгородъ, сѣверную область и заплатить 700 тысячъ золотыхъ венгерскихъ. Посланъ былъ гонецъ немедленно выслушать отвѣтъ (въ Усокѣ 1580 г.) Царь отвѣчалъ укоризною и новыми условіями. Стефанъ былъ уже тогда въ лагерѣ своемъ близъ Полоцка, казался разсерженнымъ прогналъ Пушкина и Писемскаго, отправилъ грамату къ Царю и хотѣлъ битвѣ, а не переговоровъ. Слышно было, что въ Новго-

родѣ является много недовольныхъ Царемъ, что жители охотно сдадутъ сей городъ, но опасно было оставить за собою сильный Псковъ и ливонскіе города. Къ Пскову средоточились теперь все дѣйствія Баторія. На походѣ взялъ онъ Опачку, Островъ, Красный, разбилъ отрядъ Русскихъ на берегахъ Черехи, и въ половинѣ августа явился подъ Псковомъ.

Царь успѣлъ между тѣмъ получить и прочитать отвѣтъ Стефана на свою укоризну. Грамата Стефана писана была по-латыни, но приложенъ былъ переводъ, на языкѣ, который называли русскимъ. Двѣсти листовъ содержала эта грамата и Стефанъ обнажилъ въ ней всю душу Царя. „Богъ земли русской,“ писалъ онъ — „иди, покажи себя, назначь время и мѣсто — сразимся! Что медлишь и хитришь!“ Стефанъ высказывалъ все причины войны, все умыслы, жестокость Іоанна, ложное смиреніе его. Оскорбительно упрекалъ онъ его въ тиранствѣ, исчислялъ жертвы его, и увѣрялъ, что изъ жалости хочетъ протереть очи слѣпца, ибо познаніе самого себя есть первое благо для человека. „До тебя лежащаго въ болотѣ спрасности небоченья твоего склоняемся, подаемъ тебѣ руку, желая тебя вытащить изъ болота, отереть грязь съ очей твоихъ, да прозреть и узреть око гнус-

ность и спраспость свою. Если слова наши покажутся горьки, пѣняй на себя: ты самъ оскорбилъ насъ горькими и поспѣшными словами. Называясь носителемъ креста Господня, ты слуга діавола, и не самъ крестъ носишь, но на подданныхъ своихъ неносный крестъ возлагаешь.“ Смѣясь надъ родословіемъ отъ Августа кесаря, Король напоминалъ Царю рабство предковъ его Монголамъ. „Посылаю книги, которыя изданы о тебѣ въ Европѣ: посмотри и полюбуйся, что говорятъ о тебѣ добрые люди.“

Гонецъ Стефана вручилъ Иоанну грамоту и книги. Царь всталъ съ трона и поклонился ему, сказалъ, что будетъ отвѣчать на грамоту и на книги, когда прочитаетъ ихъ, а теперь только кланяется брату своему Стефану. Слыша, что Король уже подъ Псковомъ, Царь вдругъ объявилъ походъ, оставилъ Москву, съ сыновьями и дворомъ своимъ, но не поѣхалъ ни на битву, ни въ Новгородъ, поворотилъ въ Старицу и здѣсь ждалъ вѣстей о Псковѣ, вѣстей о мирѣ, ибо новый миротворецъ былъ уже близъ Стефана — посланникъ папскій.

Когда Ситцкій и Пивовъ отправились къ Стефану, Иоаннъ рѣшился употребить въ дѣло посредничество Цезаря. Прежде того (въ мартѣ 1580)

гонецъ повезъ его грамату къ Рудольфу, гдѣ Царь предлагалъ ему союзъ Султана. Въ августѣ отправленъ былъ Истома Шевригинъ: отдать грамату Цезарю, просить его заступленія отъ друга султанскаго Баторія, проливающаго безвинно кровь христіанъ. Шевригину велѣно было проѣхать въ Римъ и просить заступленія у Папы. Въ граматѣ льстили Папу союзомъ противъ Турокъ. Императоръ отказался отъ всякаго посредничества, но Папа Григорій XIII взялся за это съ радостію, Уже давно не было никакихъ сношеній съ Россією; Папа заискивалъ дружбы и переговоровъ съ Іоанномъ въ 1576 г., когда въ Вѣнѣ былъ князь Сугорскій. Обширные замыслы возродились теперь отъ посольства іоаннова: думалъ уже о соединеніи церквей, о походѣ на Турокъ. Въ февралѣ 1581 г. Шевригина великолѣпно встрѣтили въ Римѣ, отпускали ему по 42 блюда къ обѣду и къ ужину дарили его золотомъ и бархатомъ. Въ Старицѣ нашелъ сей посланникъ Царя по возвращеніи въ отчизну (въ іюлѣ 1561 г.), и къ Стефану прежде того прибылъ іезуитъ Антоній Поссевинъ, уговаривая его мириться. Антоній заговорилъ о соединеніи церквей, о Туркахъ. Король усмѣхнулся. „Царь будетъ готовъ на все,“ сказалъ онъ „но только помири его со мною онъ все забудетъ. Впро-

чемъ, я не прочь отъ мира честнаго.“ Поссевинъ отправился къ Царю и 18 августа нашелъ его въ Старицѣ. Послѣ приѣма великолѣпнаго Антоній приступилъ къ дѣлу. Царь въ самомъ дѣлѣ обѣщаль все, удерживаль въ Ливоніи только Дерптъ, Нарву, уступаль Полоцкъ, Луки, Холмъ, Велноръ, Невель, обѣщаль говорить о вѣрѣ; одно отвергъ онъ — замѣчательное обстоятельство, позволеніе строить католическіе костелы въ Россіи. Антоній отправился къ Стефану, сентября 14 дня, чрезвычайно довольный.

Онъ засталъ Короля въ его псковскомъ лагерѣ, въ ожесточенной битвѣ съ обѣихъ сторонъ. Если робѣль Царь, то и прежде въ Полоцкѣ, Соколѣ, Лукахъ, Русскіе — доказывали, что стыда бояться паче смерти. Тѣмъ болѣе явилось это теперь во Псковѣ, крѣпкомъ, обширномъ, защищенномъ 30000 людей, ставшихъ подъ оружіе. Иоаннъ умѣль выбрать воеводу достойнаго: это былъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій. Царь призываль его въ Москву, заставилъ поклясться въ вѣрности, въ томъ, что онъ умретъ, а не сдается? Шуйскій сдержаль слово. Стефанъ предвидѣль трудность дѣла, но зналь, что паденіе Пскова довершитъ страхъ Иоанна, хотѣль славы, отказался забирать города ливонскіе, гдѣ были не-

большіе отряды, былъ увѣренъ въ прочности мира, тогда только, когда побѣда будетъ ему благопріятна, и въ первый разъ побѣда измѣнила мужественному Стефану....

Безъ сомнѣнія защита Пскова принадлежитъ къ славнѣйшимъ дѣламъ Русскихъ въ царствованіи Іоанна. Даже и не довѣряя описаніямъ, какія оставили намъ современники, можемъ оцѣнить всю честь славнаго подвига. Стефанъ съ войскомъ сильнымъ, одушевленнымъ его присутствіемъ и примѣромъ, долженъ былъ уступить упорству людей (забытыхъ Царемъ), надѣявшихся только на Бога и мечъ свой. Съ половины августа началась осада, длилась три недѣли безплодно, сентября 8го непріятель разбилъ часть городской стѣны, пошелъ на приступъ — все было тщетно! Шуйскій сталъ въ проломъ, вынесли иконы, мощи, бились цѣлый день, осажденные потеряли убитыми и ранеными до 2500 человекъ; непріятель вдвое болѣе и отступилъ. Изъ храмовъ Божьихъ Шуйскій и воины его спѣшили на стѣны отбивать дружины Баторія, со стѣны шли въ храмы благодарить Бога; терпѣли недостатокъ, не считали потерь, ходили на вылазки, жены, дѣти являлись на стѣнахъ, съ мужьями и отцами. Съ омерзѣніемъ отвергаемы были предложенія о сдачѣ.

Защита столь упорная поставила наконецъ Стефана въ затруднительное положеніе. Наступала осень, приближались зима, недостатокъ въ припасахъ былъ ужасный. Оставить Псковъ — значить уничтожить плоды трехлѣтнихъ трудовъ, нуждъ, опасностей, битвъ. Стефанъ видѣлъ всю опасность своего положенія: въ Варшавѣ, въ Литвѣ раздавались клики негодованія, въ самомъ станѣ польскомъ едва могли удерживать волненія разнородныхъ воиновъ, которые требовали денегъ, хлѣба, ругали Замойскаго, укоряли самого Короля, крича, что онъ привелъ ихъ морить голодомъ и холодомъ. Стефанъ видѣлъ необходимость ѣхать въ Польшу, и въ тоже время былъ оскорбленъ поступками Швеціи.

Вмѣсто того чтобы воевать Архангельскъ, угрожать Царю въ его собственныхъ областяхъ, Шведы забирали ливонскіе города подъ саблю Стефана. Делагардій, зять Короля шведскаго, съ сильнымъ войскомъ, взялъ 9 августа Гапсаль, и потомъ въ три мѣсяца, послѣ жестокой битвы, занялъ Нарву, Ивангородъ, Виттештейнъ, вошелъ въ русскія области, захватилъ Яму, Копорье. Стефанъ жаловался, что Шведы берутъ города, принадлежащія Полякамъ. Делагардій отвѣчалъ, что исполняетъ приказъ Короля своего.

Съ другой стороны Стефана и зумляла упрямая настойчивость русскаго Царя. Оставляя Псковъ, какъ будто на рѣшеніе задачи, Іоаннъ жилъ въ Старицѣ; войско его стерегло Новгородъ, Москву, Смоленскъ, и какое войско: двѣсти, если не болѣе, тысячъ, готовыхъ грянуть на дерзкихъ смѣльчаковъ, погибавшихъ подъ псковскими пушками, отъ холода и голода, въ окопахъ и землянкахъ, вырытыхъ ими около стѣнъ Пскова. Прекратились всѣ сношенія о мирѣ, хотя Антоній увѣдомлялъ Іоанна, что побѣдительный Стефанъ готовъ на миръ. Отмщая неуспѣхъ подъ Псковомъ, Поляки занимали, жгли псковскіе пригороды, взяли кромѣ того нѣсколько городовъ, Магнусъ захватывалъ города въ Молдавіи. Царь молчалъ. Отважный поискъ Радзивила и Хмиры, посланныхъ отъ Могилева и Шилова былъ всего удачнѣе. Сии вожди ворвались въ торопецкую область, разбили отряды князей Ноздреватаго и Барятинскаго, дошли до береговъ Волги. Іоаннъ услышалъ о нечаянномъ набѣгѣ, поспѣшно отправилъ пословъ говорить о мирѣ, а самъ спѣшилъ обезопасить себя отъѣздомъ изъ Старицы въ Москву; октября 26 онъ былъ уже въ слободѣ своей. Слухъ о нападеніи непріятельскомъ и побѣгѣ Царя, такъ устрашилъ всѣ охранныя русскія войска, что князь Голицынъ, стояв-

шій въ Новгородѣ съ 40000, хотѣлъ зажечь посадъ новгородскій и запереться на осаду въ Кремль. Радзивиль опять сжегъ Русу, оттуда бѣжали воеводы Салтыковъ и Замыцкій и счастливо соединились съ Замойскимъ подъ Псковомъ. Но только въ декабрѣ 1581 г. начались переговоры о мирѣ, между Опачьками и Порховымъ, куда пріѣхали 13 числа Посевинъ, послы Стефана: Сборожскій, Радзивиль, Горобурда, послы Иоанна: князь Елецкій и Алферьевъ.

Въ это время осада Пскова превращена была уже въ тяжелое обложеніе, и самого Стефана не было подъ Псковомъ. Послѣднія усилія осаждающихъ произведены были въ концѣ октября, ихъ отбили на жестокомъ приступѣ. Ноября 2 былъ послѣдній, убійственный приступъ; безуспѣшно осаждали Поляки въ то же время крѣпкій Печерскій монастырь. Но, удаляясь, Стефанъ оставилъ подъ Псковомъ Замойскаго; увѣдомленный, что Иоаннъ не велѣлъ мириться, если осада Пскова будетъ снята, онъ велѣлъ ему умереть, но не отступать, обѣщая вскорѣ доставить помощь, людьми, деньгами и припасами.

Положеніе Замойскаго было весьма опасно. Войско его губили страшные недостатки и холодъ, отъѣздъ Короля ободрилъ его враговъ. Твердостью

обуздывая подчиненныхъ, Замойскій долженъ былъ отбивать вылазки, наѣзды Псковичей, доставать припасы за 100, за 150 верстъ, усмирять отважность молодыхъ воиновъ, попадавшихъ на всякую хитрость непріятеля. Медленность переговоровъ приводила его въ отчаяніе. Русскіе послы имѣли непремѣнное приказаніе заключить миръ, но торговались, спорили, терпѣли брань, вывели даже изъ трепѣнія самого миротворца Антонія, который съ досады едва не прибилъ ихъ. Но Псковъ былъ однакожъ доведенъ до крайности; Іоаннъ еще разъ приказалъ помириться, Замойскій не отступалъ отъ Пскова, Антоній хотѣлъ бросить все и ѣхать, голодуя въ странѣ выжженной, опустошенной непріателемъ и — января 6го 1582 года заключено было перемиріе на 10ть лѣтъ.

Стефанъ превозмогъ все препятствія. Три похода, труды и подвиги его, кончили 24хъ лѣтнюю войну, разрушили все замыслы и предпріятія Іоанна, Россія уступила Ливонію, отдала Полоцкъ и Воложъ. За то Стефанъ отказался отъ требованія денегъ, отъ всехъ другихъ завоеваній своихъ, позволилъ Іоанну управляться съ Шведами, какъ ему угодно, о Магнусѣ не было не сказано ни слова.

Заключеніе мира произвело радость въ Польшѣ и Россіи. Не говоримъ уже о Ливоніи, увидѣв-

шей конецъ своихъ незапамятуемыхъ бѣдствій, о пограничныхъ странахъ ливонскихъ и русскихъ, надъ которыми столько лѣтъ непрерывно висѣлъ мечъ непріятельскій, о Псковѣ, отстаившемъ честь Россіи. Стефанъ увидѣлъ силу меча своего, упрочилъ власть свою, отмстилъ враждебному непріятелю за его гордость и презрѣніе, возвратилъ, приобрѣлъ вновь обширныя области Польшѣ. Онъ помышлялъ о предпріятіяхъ обширныхъ, отлагалъ оружіе, чтобы собраться съ силами крѣпче утвердить власть свою, усилить могущество Польши и снова приняться за мечъ. Войска его отъ Пскова выступили съ радостію въ ливонскія области и начали принимать города отъ Русскихъ, которые печально оставляли Ливонію, ибо многіе уже родились и выросли тамъ, покидали прахъ отцевъ на тамошнихъ кладбищахъ и предавали православныя церкви во власть латинщиковъ и лютеровъ. Но состояніе Царя въ это время было ужасно.

Онъ сознавалъ наконецъ справедливость словъ Адашева, отвергавшаго войну ливонскую, видѣлъ гордость и честь свою поруганными отъ человѣка нѣкогда имъ презираемаго, видѣлъ ненадежность союзовъ и силъ своихъ, отказывался отъ предпріятія, 25^{тъ} лѣтъ составлявшаго душу его политики, предметъ его желаній, даже Король швед-

скій торжествовалъ надъ нимъ и новый миръ не упрочивалъ ему спокойствія, ни отъ Польши, ни отъ Крыма. А чего не узналъ Иоаннъ въ послѣднее время, чего не испыталъ, не перенесъ онъ, начиная съ униженія врагомъ, измѣны подвластныхъ, убѣжденія въ бесполезности казней и опаль до укоризнъ и истинъ самыхъ прискорбныхъ и язвительныхъ, до увѣренія, что всѣ христіанскія монархіи знаютъ дѣла его и ужасаются ихъ! Впрочемъ тѣнь прежняго Иоанна, быстро приближаемая къ гробу неумѣренностію сильныхъ, бѣшенныхъ страстей, страхомъ смерти, страхомъ Божія, наказанія за гробомъ, представляла какое-то странное смѣшеніе человѣка ничего нежелающаго, все ненавидящаго и опять всего желающаго, жаднаго къ малѣйшему наслажденію, изъ тѣхъ, какія оставались еще ему въ здѣшнемъ мірѣ.

Упомянемъ объ одномъ — странныхъ сватбахъ Иоанна. Четвертая супруга его, Анна Колтовская, вскорѣ надоѣла ему: онъ отослалъ ее въ отдаленный монастырь, гдѣ постригли ее, и гдѣ жила она болѣе 50 лѣтъ въ иночествѣ (съ 1574 по 1826 годъ). Царь не спрашивалъ уже благословенія духовенства и женился на пятой женѣ, Аннѣ Васильчиковой. Когда удалилъ онъ отъ себя эту пятую жену — не знаемъ, но гробъ ея находится

въ обители съ именемъ царицы Суздальской; вѣроятно она тамъ была пострижена. Царь взялъ шестую, какую - то вдову Василису Мелентьеву, называя ее женщиною, не вѣнчался съ нею, только велѣлъ прочесть благословенную молитву. Но въ 1580 г., когда Стефанъ громилъ Полоцкъ, Иоаннъ въ слободѣ своей праздновалъ седьмую свадьбу, со всеми обрядами, со всемъ царскимъ величїемъ. Невѣстою его была дѣвица Марїя, дочь Феодора Нагаго. Незадолго передъ тѣмъ Иоаннъ женилъ сына своего на дочери Феодора Годунова, родственника Шуйскихъ и Бѣльскихъ, ибо сынъ Годунова Борисъ Феодоровичъ, былъ женатъ на сестрѣ злодѣя Малюты Скуратова-Бѣльскаго, и дочь Малюты была за Дмитріемъ Шуйскимъ, братомъ Василїя Ивановича. Бѣльскіе — Малюта былъ до смерти своей другомъ Иоанна, Богданъ до смерти Царя заступалъ при немъ мѣсто Малюты. Близкій къ Царю, Малюта успѣлъ возвыситься и юнаго зятя своего Бориса Годунова. Воснадцати лѣтъ, замѣтный благообразїемъ, ростомъ, силою, Борисъ былъ при Царѣ рындою; на свадьбѣ Царя въ 1571 г., еще незнатный чиномъ, онъ считался дружкою царицы, а жена его была свахою. Усердный опричникъ Борисъ всегда оставался при особѣ Царя, умѣлъ льстить, угождать ему, переходилъ

степени быстро и послѣ смерти Малюты (1573 г.) такъ привлекъ къ себѣ любовь Іоанна, что онъ выбралъ сестру его, Ирину Ѳеодоровну, въ супруги сыну своему Ѳеодору. Борисъ былъ объявленъ бояриномъ, и это казалось весьма важно, ибо число бояръ было тогда весьма ограничено. Онъ умѣлъ удивительно ладить со всѣми, давалъ просторъ честолюбію cadaго, не показывалъ въ себѣ ни полководца, ни мужа государственнаго — былъ только царедворцемъ, усерднымъ къ Царю, покорнымъ высшему его, ласковымъ ко всякому.

Тяжелъ былъ Іоанну 1581й годъ. Угрюмый, неприступный, гнѣвный прискакалъ онъ изъ Старицы въ свою слободу, томился душою, ожидая слѣдствій осады Пскова и переговоровъ о мирѣ, и въ это время бѣдственное событіе разстерзало душу Царя. Доселѣ видѣлъ онъ въ двухъ сыновьяхъ своихъ покорность и послушаніе. Они были участниками его веселья, его дѣлъ, даже ужасовъ казни, сопутствовали ему въ походѣ, хотя отличались различіемъ нравовъ. Младшій Ѳеодоръ, былъ свирѣпъ, женолюбивъ, вспыльчивъ. Уже онъ развелся съ двумя женами, и отослалъ ихъ въ монастыри, жилъ съ третьею супругою, еще не имѣя и 30ти лѣтъ отъ роду. Отецъ не допускалъ его — (неужели изъ опасенія?) — къ управле-

нію дѣлами государственными, но царевичъ отличался умомъ, любилъ читать, списывать духовныя книги; даже самъ сочинялъ каноны святымъ, въ печальномъ уединеніи своемъ, осенью и зимою 1581 г. Царь видѣлъ во всемъ предметы ужаса, примѣры грядущихъ бѣдствій. Ноября 15го онъ вошелъ нечаянно послѣ обѣда въ комнаты царевича и встрѣтилъ его супругу: она была беременна и отдыхала полураздѣтая, Царь разгнѣвался, назвалъ это неуваженіемъ къ нему, и не слушая оправданій, ударилъ ее; царевичъ прибѣжалъ на шумъ и вопль, заступился за супругу, укорялъ отца. „Ты отнялъ уже у меня двухъ жонъ, а третью хочешь убить,“ — кричалъ онъ отцу своему. Царь ударилъ его по головѣ палкою съ желѣзнымъ наконечникомъ, которою всегда подпирался, попалъ прямо въ високъ и несчастный царевичъ упалъ, заливаясь кровію. Болѣе его несчастный отецъ, завопилъ, зарыдалъ, колена его подогнулись, съ воплемъ и рыданіемъ обнималъ онъ сына.... поздно: ноября 19 послѣ четырехдневной болѣзни, послѣ четырехдневной пытки душѣ отцовской, сынъ Царя скончался, прощая своего родителя, просить ему благословенія Божія и мира душевнаго. Три дня неподвижно сидѣлъ Іоаннъ подлѣ гроба сыновняго. Глубокою печалью облекся

дворъ его. Отъ слободы до Москвы Царь шель пѣшкомъ за гробомъ царевича. Когда надобно было предавать общей матери гробъ юнаго Іоанна, Царь не хотѣлъ разстаться съ гробомъ сыновнимъ, бился, рвалъ на себѣ одежду. Онъ воротился во дворецъ, созвалъ бояръ, объявилъ имъ, что отказывается отъ царства, идетъ въ обитель оплакивать грѣхи свои. Со слезами упали передъ нимъ всѣ, молили не оставлять ихъ на бѣдствія, на расхищеніе врагамъ. Іоаннъ снова взялся за скипетръ, но тѣнь сына не оставляла его до самой смерти, мечталась ему въ сновидѣніяхъ, въ ужасѣ вскакивалъ по ночамъ Іоаннъ и страшился заснуть, вопилъ, рыдалъ.

Но дѣла требовали его вниманія. Въ февралѣ 1582 года пріѣхалъ въ Москву миротворецъ Посевинъ, увѣрялъ Царя въ миролюбіи Стефана, и просилъ начать переговоры, какъ было обѣцано, о союзѣ противъ Турокъ и соединеніи церквей. Іоаннъ ласкалъ, честилъ Поссевина, отговаривался отъ союза противъ Турокъ тѣмъ, что война съ Польшею истоцила Россію. Долго отговаривался онъ отъ разсужденій и прѣній о вѣрѣ, но Посевинъ настоялъ, увѣренный, что убѣдитъ Царя въ истинѣ католицизма. Три дня продолжались бесѣды Царя и вельможъ его съ іезуитомъ, и были такъ

жарки, что Царь наконецъ разсердился и назвалъ Папу волкомъ. Поссевинъ увидѣлъ послѣ того невозможность убѣжденія и рѣшился лучше растаться дружески. Царь одарилъ его, осыпалъ благодарностию и отправилъ къ Папѣ дружескія грамоты съ особенными гонцами, усердно благодаря его за услуги Поссевина. Казалось, что война съ Швеціею была рѣшена событіями 15 года и миромъ, послѣ того послѣдовавшимъ. Упорно не хотѣлъ включить Швецію въ мирный договоръ съ Стефаномъ Иоаннъ, казалось, желалъ перевѣдаться съ нею на полѣ битвы. Тѣмъ удобнѣе было такое предпріятіе, что Швеція, оскорбивъ поступками своими Стефана, только просьбамъ супруги Стефана и своевольству польскихъ вельможъ, одолжена была, что Король польскій еще не объявлялъ ей войны.

Зимою 1582 г. Князь Мстиславскій пошелъ съ войскомъ къ Ямѣ и Копорью, разбилъ отрядъ Шведовъ. Де-ла-Гарди отправился въ Орѣшну, безуспѣшно нападалъ на сей городъ и слыша о приближеніи русскаго отряда, удалился. Но повелѣніе Царя вдругъ остановило все военныя дѣйствія. Иоаннъ самъ предложилъ миръ, къ изумленію Шведовъ, приписавшихъ такую перемѣну робости. Въ самомъ дѣлѣ, кто не зналъ состоянія

души Иоанна въ это время, могъ удивиться его уступчивости при договорѣ: Шведы удержали за собою, не только все захваченное въ Ливоніи, но еще Ивангородъ, Яму, Копорье. Перемиріе было заключено въ маѣ 1583го на три года.

Понятіе были краткія отношенія русскаго Царя къ Польшѣ. Сдача городовъ ливонскихъ и продолженіе войны съ Швеціею произвели нѣсколько несогласій и ссоръ въ Ливоніи. Поляки грабили въ сѣверной области и даже сожгли посадъ Брянска. Съ обѣихъ сторонъ извинялись; велѣно было прекратить безпорядки. Въ іюнѣ 1582 г. пріѣхали въ Москву послы Стефана, Иоаннъ Сборажскій, Николай Талватъ и Михаилъ Горабурда. Они возобновили споръ о титулахъ, говоря, что Иоаннъ, не владѣя Кіевомъ, не можетъ называться царемъ всея Россіи: это значило оскорбительно указывать на вѣчный предметъ зависти между Россіею и Польшею. Не менѣе споровъ было въ двухъ статьяхъ, наскоро рѣшенныхъ при перемирії: размѣнѣ плѣнныхъ и опредѣленіи границъ. Поляки требовали выкупа за многихъ, оспаривали себѣ разные города и селенія, по своему считали межи и грани. Однакожъ перемиріе было подтверждено. Князь Елецкій и ловчій Иванъ Пушкинъ ѣздили въ Варшаву и приняли присягу Стефана (въ ок-

тябрѣ). Но русскіе чиповники, выѣхавшіе на границу для размѣна плѣнныхъ, были оскорблены Поляками. Царь безспорно велѣлъ заплатить за многихъ выкупъ, но размѣнъ остановился послѣ того. Для опредѣленія границъ Поляки не являлись, а витебскій воевода самовольно заложилъ крѣпость въ русской области; опять доходило до драки. Въ мартѣ 1583 г. Іоаннъ послалъ гонцевъ: Воейкова, Ададурова, Хрущова съ жалобами, съ напоми-ніемъ, что дѣла польскаго Короля не суть дружескія. Стефанъ прислалъ за кречетами въ Москву Пельгржимовскаго, объявляя, что вскорѣ явится великій посолъ польскій для окончанія всѣхъ споровъ.

Въ февралѣ 1584 г. Хрущовъ увѣдомилъ изъ Варшавы, что сей посолъ будетъ Сапега, и вскорѣ, услышали, что Сапега ѣдетъ. Дѣла оставались нерѣшенными.

Но странный характеръ Іоанна, понятный только при соображеніи состоянія смутной души его, оказался тогда въ переговорахъ съ Англіею.

Не смотря на досаду, изъявленную Іоанномъ въ 1570 г., онъ оказывалъ дружбу Елисаветѣ, ласково упрекалъ Дженинксона, еще разъ приѣзжавшаго въ 1572 году, что Елисавета не изъявила надлежащаго участія къ судьбѣ друга и

брата своего. За то, при всёхъ своихъ ласкахъ, Иоаннъ не согласился выдать бѣглыхъ Англичанъ, и отказался заплатить убытки, понесенные Англичанами въ пожарѣ Москвы, говоря, что на гнѣвъ Божій суда нѣтъ. Тогда же была наложена легкая пошлина на товары англійскіе. Торговля Англичанъ, покровительствуемая Царемъ, возбуждала зависть другихъ. Въ 1581 г Елисавета писала, что Король датскій требуетъ пошлинъ за проѣздъ мимо береговъ его Лапландіи и совѣтовала принять охранительныя мѣры. Иоаннъ приглашалъ Королеву прислать для сего нѣсколько кораблей, обѣщалъ дать войско и усмирить Датчанъ. Но Король датскій замолчалъ, и тѣмъ все кончилось. Не менѣе прежняго нелѣпыя мысли являлись между тѣмъ у Иоанна въ его сношеніяхъ съ Англичанами. Оставивъ намѣреніе бѣжать въ Англію, онъ думалъ иногда явиться туда великимъ царемъ: именно, онъ не шутя спрашивалъ у Англичанъ — не согласится ли Королева отдать ему руки своей? Странная участь Елисаветы: быть невѣстою Папы римскаго и Царя русскаго. Мысль вступитъ въ родство съ Елисаветою начала послѣ того занимать Иоанна. Лѣтомъ 1581 г., когда Стефанъ шелъ ко Пскову, когда Иоаннъ уже около года былъ женатъ на Маріи Нагой, прибылъ въ Москву докторъ

Якоби, съ привѣтливými письмами Елисаветы, и разговаривая съ Царемъ, упомянулъ о родственницѣ Королевы, немолодой дѣвушкѣ, дочери графа Гонтингдона, Маріи Гастингсъ, прекрасной и милой. Иоаннъ немедленно отправилъ въ Лондонъ своего посланника Писемскаго. Ему велѣно было увидѣть невѣсту, замѣтить высока-ли она, хороша-ли, дородна-ли, привести живописный образъ ея, узнать родство ея съ Королевою и договориться объ условіяхъ супружества. Если скажутъ, что у Царя есть супруга, отвѣчать что она ему негодна, не царевна, не княжна, и будетъ имъ оставлена. Описаніе посольства и пребыванія Писемскаго въ Англии весьма любопытны. Онъ видѣлъ Елисавету, спорилъ съ ея вельможами о титулахъ Царя, былъ принимаемъ учтиво и видѣлъ невѣсту. Королева не отказывалась отъ родства съ Иоанномъ; съ Писемскимъ пріѣхалъ посолъ англійскій Геронимъ Баусъ (осенью 1583 г.). Писемскій донесъ Царю, что „Марья Ханзисъ, дочь князя Хунтинскаго, ростомъ высока, тонка, лицомъ бѣла, очи сѣры, волосомъ руса, носъ прямъ, у рукъ пальцы тонки и долги.“ Иоаннъ былъ доволенъ и велѣлъ переговорить съ Баусомъ. Но Баусъ сперва заговорилъ о дѣлахъ; это былъ человекъ упрямый, вздорливый. Когда предложили ему, чтобы Ан-

глія употребила посредство свое для примиренія Польши съ Россією, онъ отвѣчалъ, что „онъ еще не сошелъ съ ума, но не понимаетъ, съ чего вступаться въ это дѣло Англи?“ Онъ такъ разсердилъ Іоанна дерзостями при свиданіи, что велѣно было ему выйти изъ дворца. Баусъ не унимался, требовалъ исключительной торговли Англичанамъ въ Россіи. Іоаннъ соглашался и хотѣлъ одного: переговоровъ о сватѣбѣ. Призванный для тайнаго разговора съ Царемъ, Баусъ отвѣчалъ, что Марія Гастингсъ едва-ли рѣшится перемѣнить свою вѣру, и притомъ немолода, слаба здоровьемъ, не хороша, и не угодно ли будетъ Царю поискать другой невѣсты въ Англи, обильной женщинами красавицами. Царь разгнѣвался и велѣлъ немедленно ѣхать изъ Россіи послу неучу и безтолковому. Баусъ одумался, перемѣнилъ рѣчи; переговоры начались снова (въ январѣ 1584 г.). Онъ остался въ Москвѣ.

И когда же шли всѣ сіи переговоры! Когда Іоаннъ думалъ о женитьбѣ на Маріи Гастингсъ? — Едва прошло два года послѣ смерти царевича Іоанна, при воспоминаніи о которомъ Царь не осушалъ глазъ! Прибавимъ здѣсь еще, что при отъѣздѣ Писемскаго, царица Марія была уже беременна, и въ октябрѣ 1582 г. родила сына — до-

стопамятнаго Димитрія царевича. Царь былъ обрадованъ его рожденіемъ и въ благодарность Богу пристроилъ придѣлъ къ церкви Рождества на бору. Вѣсть о рожденіи Димитрія получена была въ Англіи, и поставила Писемскаго въ большое затрудненіе, ибо Елисавета говорила, что теперь имѣя сына, Царь конечно не оставитъ своей супруги. Писемскій принужденъ былъ увѣрять, что извѣстіе ложно, что „Королевна не должна вѣрять ссорнымъ рѣчамъ, ибо лихіе люди ссориваютъ ее съ Царемъ, не хотя промежъ Государя да Королевны добраго дѣла видѣть.“

Еще болѣе: Іоаннъ мерзилъ въ это время жизнью, оставлялъ заботы и дѣла государственныя, оставлялъ и забавы, чувствуя, что близится къ нему грозный часъ отчета. Онъ уже чувствовалъ болѣзнь смертельную, то призывалъ къ себѣ колдуновъ и чародѣевъ, то заказывалъ постричь себя передъ смертію; иногда носили его на креслахъ въ палату, гдѣ лежали его драгоценныя вещи, и онъ, какъ дитя, любовался ими, иногда хотѣлъ онъ бесѣды благочестивой, иногда былъ такъ нескроменъ въ шуткахъ, что однажды невѣстка его, жена Теодора, принуждена была убѣжать, пришедши посѣтить больнаго своего сверка. Взглянувъ на комету, явившуюся зимою 1583 г. Іоаннъ хлад-

нокровно сказалъ: „она предзнаменуетъ смерть мою!“ Въ началѣ 1584 года, недугъ Іоанна усилился. Онъ призвалъ къ себѣ сына Θεодора, призвалъ первосвятителей, бояръ, началъ говорить съ ними о близкой смерти своей, говорилъ долго, мудро, кротко, и распорядилъ государствомъ. Θεодора объявлялъ онъ наслѣдникомъ и царемъ, Димитрію приказывалъ отдать въ удѣлъ Угличъ и еще нѣсколько городовъ. Изъ среды вельможъ своихъ избиралъ пятерыхъ, да будутъ они совѣтниками юнаго Царя. Сіи избранные были: князя Иванъ Петровичъ Шуйскій — герой Пскова, князь Иванъ Θεодоровичъ Мстиславскій, старшій изъ бояръ, Никита Романовичъ Захарьинъ — братъ незабвенной Анастасіи, тридцать семь лѣтъ вѣрный слуга государевъ, безпорочный среди всѣхъ измѣненій дурнаго царствованія іоаннова, Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ — шуринокъ Θεодора, юный любимецъ его и Іоанна. Богдану Яковлевичу Бѣльскому, своему особенному любимцу, Іоаннъ ввѣрялъ надзоръ надъ царевичемъ Димитріемъ.

Но вскорѣ Царь почувствовалъ облегченіе и не захотѣлъ писать духовныхъ грамотъ. Всѣ съ безпокойствомъ, со страхомъ видѣли борьбу жизни и смерти. Іоаннъ, царствовавшій полстолѣтія, казался неумирающимъ, былъ какимъ-то провидѣ-

ніемъ русской земли, котораго не смѣли ни осуждать, ни хвалить. Никто не могъ пріучить себя къ мысли что, Іоаннъ переходитъ, что уже изчезаетъ воля его на землѣ, и судъ Божій, судъ потомства начинается для него, а мѣсто его займутъ другіе, и другія событія и новыя страсти закипятъ въ русскомъ царствѣ....

Августа 10го болѣзнь Іоанна усилилась снова. Велѣно было остановить въ Можайскѣ Сапегу, ѣхавшаго посломъ отъ Стефана, объявить ему, что „по грѣхамъ Государь учинился болѣнъ, и стояти ему велѣлъ въ Можайскѣ до своего государева указа, покамѣсть ему, Государю, въ немощи облегченіе будетъ.“

Прошла еще недѣля; врачебныя пособія отвратили опасность. Марта 17 послали къ Сапегѣ сказать, что онъ можетъ продолжать путь свой къ Москвѣ. Это было наканунѣ смерти Іоанна.

„Мнѣ легче,“ говорилъ Царь, оставаясь въ своей спальнѣ съ Богданомъ Бѣльскимъ, поутру на друглй день, отдохнувъ послѣ ванны и оставляя шашки на шахматной доскѣ. Но вдругъ Іоаннъ лишился чувствъ, упалъ на кровать, охолодѣлъ. Бѣльскій спѣшилъ призвать Θεодора, митрополита, бояръ. Поспѣшно началъ митрополитъ читать молитвы постриженія, нарекъ умирающаго

Юною.... Еще дышалъ онъ; дыханіе прекращалось... нестало Царя Іоанна... Тихо умеръ онъ. Спокойно-ли? извѣстно единому Богу! Въ одѣяніи инока лежалъ трупъ его два дня среди Архангельскаго собора въ каменномъ гробѣ, закрытомъ богатымъ покровомъ. Совѣтъ избранныхъ правителей учреждался въ это время присягою новому Царю Толки, слухи, разговоры волновали народъ. Говорили о распоряженіяхъ правителей, о томъ, что будетъ, кто будетъ отнынѣ править государствомъ, ибо народъ зналъ уже смиреніе Θεодора и любовь къ тишинѣ и уединенной жизни. Происходившее тогда въ царскихъ чертогахъ было еще неизвѣстно народу. Марта 21го 1584 г. Кремль едва вмѣщалъ въ себѣ множество собравшагося народа и войска: погребли Іоанна. Могила его была назначена не въ главномъ храмѣ Архангельскаго собора, гдѣ лежали предки, отецъ, братъ Царя, но въ придѣлѣ, гдѣ похоронилъ онъ сына своего Іоанна. Черный покровъ положенъ былъ потомъ на его надгробіе. Народъ плакалъ, какъ говорятъ современники, молилъ, да упокоитъ Богъ душу Царя Іоанна, грознымъ, мутнымъ потокомъ означившую свое существованіе на землѣ. Мы видѣли жизнь и пятидесятилѣтнее царствованіе Іоанна. Сперва, младенецъ подъ опекою матери, въ смутѣ бояръ, по-

томъ отрокъ, юноша, управляемый волею дворскихъ крамоль и партій, губитель однихъ, чтобы покориться власти другихъ, юный, буйный; потомъ царь, супругъ добродѣтельной Анастасіи, другъ Адашева и Сильвестра, законодатель, побѣдитель Казани, Астрахани, Крыма. И вдругъ самовластный повелитель, губитель друзей своихъ, брата, родныхъ, воеводъ и святителей, увлекается въ честолюбивые помыслы; онъ губитъ Ливонію, безразсудно сражается съ Швеціею, Польшею, окружаетъ себя ужасомъ, забывается въ страстяхъ, забываетъ все, и даже самага себя въ смѣшеніи гордости, раскаянія, страха, отчаянія — погибели душевной. Онъ становится близъ могилы своей, лишенный славы побѣдъ своихъ Польшею, Швеціею Крымомъ — убійца сына.... Изумительная судьба, страшная драма въ жизни человѣка и царствѣ.

Конецъ.

